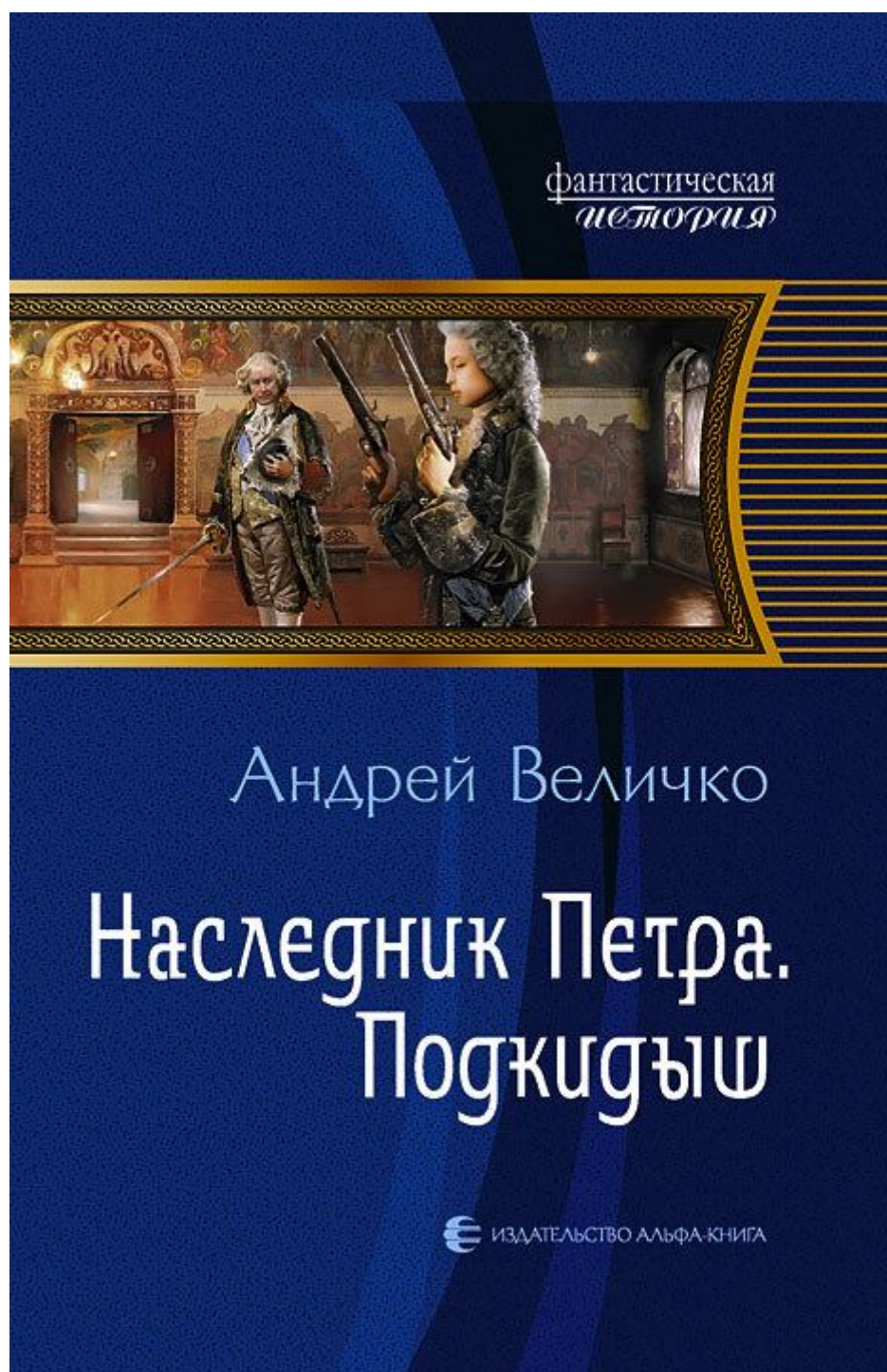

Андрей Феликсович Величко
Наследник Петра. Подкидыш

Наследник Петра – 1

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6299819
«Наследник Петра. Подкидыш: Фантастический роман»: Альфа-книга; Москва; 2013
ISBN 978-5-9922-1559-5

Аннотация

Он вырос, как это принято обтекаемо называть в официальных документах, в

неблагополучной семье, и в жизни ему мало чего светило. Однако молодому человеку повезло – на него обратила внимание секретная государственная организация, изучающая возможности перемещений во времени. Его долго учили всему, что может пригодиться в прошлом, а он оказался очень способным учеником. Отчего и был признан лучшим кандидатом на путешествие в восемнадцатый век с весьма и весьма непростым заданием. Сможет ли он выполнить возложенную на него миссию или у этой истории будет счастливый конец?

Андрей Величко Наследник Петра. Подкидыш

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Пролог

В одном ничем особо не примечательном коттедже по Новой Риге беседовали двое, причем оба были похожи на известных французских киноактеров. Первый чем-то напоминал Жерара Депардье. И одет он был соответствующе – в расстегнутую брезентовую штормовку, из-под которой виднелся сильно подержанный турецкий джинсовый костюм. Картину дополняли растрепанная прическа и дешевые китайские часы на пластиковом ремешке.

Так вот, этот персонаж затушил в сапфировой пепельнице очередную «Яву» и подвел итог предыдущей беседы:

– Итак, мой вывод – приемлемый кандидат у нас есть только один. Не очень приемлемых – еще трое. Остальные одиннадцать вовсе никуда не годятся, попытки задействовать их скорее всего ни к чему, кроме очередных, и очень немалых, расходов, не приведут.

Второй имел несомненное сходство с Аленом Делоном на пике карьеры. Само собой, его раздражали нарочито плебейские вид и манеры собеседника, но он уже давно научился давать волю только тем чувствам, которые шли на пользу делу.

– Так, значит, вы можете поручиться за его управляемость или, точнее, лояльность? – с чуть заметной улыбкой поинтересовался «Делон».

– Разумеется, нет. Но зато я могу гарантировать, что одиннадцать негодных кандидатов после переброса с вероятностью в девяносто процентов сойдут с ума, мои последние эксперименты это подтверждают. Следующие трое – пожалуй, что и не сойдут. Просто потому что там и сходиться-то не с чего. Дубы дубами, выдающиеся даже для нашей эпохи радикальных реформ образования.

– Однако у номера восемь очень даже неплохие оценки.

– Кто же спорит? Зазубрить он может довольно много, а вот мыслить – уже с трудом. Задачи же, требующие для их решения элементов творчества, ему непосильны вовсе. Второй и девятый – то же самое, только у них еще и память существенно хуже. Они, наверное, смогут выполнить задачу на уровне неплохой автоматики, но мы уже знаем, что она не справляется.

– Да, но вот последняя инициатива седьмого номера...

– Это уже не просто инициатива, а неперемное условие. Он согласен на переброс только при его выполнении, а иначе никак. Ну и что? Очередной эксперимент все равно сможет быть произведен не раньше, чем через полгода. Расходы же на пластическую

операцию и курс спецподготовки – они просто мизерны по сравнению с основными. Честно говоря, мне понравилась идея парня. Раз для выполнения задачи скорее всего потребуется привлечение дополнительных людских и материальных ресурсов, то есть достаточно высокое положение в обществе, то почему бы сразу не занять того места, на котором оно максимально? Тем более что внешние данные это вполне позволяют.

– Ему же почти восемнадцать лет, а тому мальчишке было всего четырнадцать!

– Да, но Петр Второй пошел в отца, по крайней мере в отношении роста. А Сергей, наоборот, как-то ухитрился не подвергнуться не только тлетворному влиянию ЕГЭ, но и акселерации вообще. Мы проводили компьютерное моделирование – можно достичь почти идеального сходства. Тем более что замену предполагается произвести за несколько часов до смерти объекта, оспа же в последней стадии человека отнюдь не красит, зато очень легко имитируется.

– Тогда подведем итог. Вы можете гарантировать успех?

– Нет. Но в случае отправки любого другого кандидата я могу гарантировать провал.

– Хорошо, я утверждаю ваши предложения. Если все пойдет штатно, то через месяц жду с текущим докладом.

Глава 1

Сергей закончил чистку револьвера, одним движением пальца защелкнул барабан на место и убрал оружие в пластиковый кейс. Все, тренировки закончены – и на сегодня, и вообще. Сейчас – ужин с Яковом Николаевичем, после него – два часа в операционной, где лицо и тело украсят имитациями многочисленных оспенных язв. Потом – бессонная ночь, во время которой придется изображать невозможность заснуть от волнения и душевных метаний, и наконец – вперед, орел! То есть назад по оси времени, в далекий одна тысяча семьсот тридцатый год. Кажется, ему, Сергею Новицкому, удалось соблюсти много раз повторенный наказ дяди Виталия: «Главное, чтобы в тебе, вьюнош, сапиенса не заподозрили!» Нет, прикинуться идиотом как раз было бы нетрудно. Но ведь требовалось изображать из себя умного – ровно настолько, чтобы руководство проекта сочло его способным выполнить порученное, но при этом у него не возникло подозрений, что главное действующее лицо грядущего эксперимента может преследовать какие-то свои цели, причем вступающие в решительное противоречие с декларированными. Кажется, это удалось, но окончательно все определится только завтра, в восемь ноль-ноль по Москве.

Молодой человек был доволен. Да, конечно, и тренировки, и изучение многих прикладных дисциплин было бы неплохо продолжить, но что делать. Начальство спешило, и Сергей в глубине души был ему за это благодарен. В конце концов, если все пойдет по планам, то почти ничего из усвоенного под руководством специалистов Центра не понадобится. Правда, найдет применение то, что изучалось самостоятельно, но это уже другой вопрос.

Зато наконец-то можно будет сбросить эту осточертевшую личину прилежного курсанта, с большим уважением относящегося к Якову Николаевичу, крупному ученому, не жалеющему своего бесценного времени для частого общения с будущим времяпроходчиком. Блин, так и придушил бы этого «Обеликса»! Хотя вряд ли, придушить так просто не получилось бы – нет соответствующего опыта, несколько занятий его не заменят, а мужик он довольно здоровый. Но вот ткнуть заточкой из электрода-пятерки в печень или под лопатку – запросто! Рука не дрогнет, проверено. Или, на худой конец, всадить в толстое брюхо полбарабана из нагановской реплики, что вычищена, засунута в пластиковый контейнер и скоро в числе прочего багажа отправится в начало восемнадцатого века. И с интересом посмотреть, как гад будет корчиться. Эх, мечты, мечты...

Тут Сергей в очередной раз ругнул себя за ребячество. Ладно, хотели его вооружить каким-то небольшим итальянским пистолетом, так и хрен бы с ним, но Новицкий уперся. Мол, пистолет категорически не годится, нужен револьвер. И не какой-нибудь, а с

обтюрацией дульцем гильзы, то есть наган, к любому другому глушителя не приспособишь. Причем не простой наган, а с откидывающимся вбок барабаном и экстрактором как у «смит-вессона» – небольшая партия таких была выпущена в тысяча девятьсот десятом году, про это Сергей случайно прочитал в Интернете. Ох и возмутился же гадский старик Яков! Но потом никуда не делся, забегал. Просто приятно было смотреть на его смурное рыло. В конце концов пришлось согласиться на новодел, который, как говорили, обошелся Центру более чем в сто тысяч. Охренеть, даже здесь воруют!

Но, хвала всем богам, осталось совсем немного. Вот только потерпеть за ужином – и все. Но не расслабляться, несмотря на то что любые странности наверняка будут списаны на естественное волнение перед решающим шагом. Но и полное спокойствие тоже демонстрировать ни к чему. Тьфу, хорошо хоть осталось совсем чуть-чуть. А потом придется всего лишь изображать Петра Второго, да еще только что чудом преодолевшего смертельную болезнь, – по сравнению с уже проделанным это будет не очень трудно и, главное, совершенно не противно.

Ужин прошел в молчании, Яков не лез ни с вопросами, ни с напутствиями. Потом Сергея проводили в подвал, в котором стояла аппаратура и где ему предстояло провести последнюю ночь в этом мире. Там же располагались техническая служба и медпункт.

Центр являлся вроде бы государственным исследовательским учреждением, созданным под открытие Якова Николаевича Саломатина, и Новицкий был уверен, что в этом определении неправда абсолютно все. Во-первых, насчет государственности можно было говорить только в разрезе вопроса «где начинается полиция и где кончается Бенья?». Впрочем, вряд ли это так уж оригинально. Ведь в любом самом что ни на есть частном ларьке или шиномонтаже при желании можно обнаружить признаки государственности. Если же поглубже копнуть любое взятое наугад министерство, то с высокой степенью вероятности выяснится, что вся его работа вертится вокруг частных, если не сказать шкурных интересов руководства, а все остальное там постольку поскольку. Что уж говорить о каком-то исследовательском центре!

Что касается второй части определения, то тут в отличие от первой Сергею не было нужды ничего предполагать, он знал точно. Да, Саломатин может считать себя автором открытия. На тех же основаниях, на которых грабитель считает себя собственником кошелька, вытащенного из кармана только что убитого им человека. Потому что дядя Виталий умер, и думать о естественности этого события может только дремучий идиот. Ибо в вопросах, связанных с такими деньгами, счастливых случайностей не бывает, а есть только успешно или неуспешно проведенные операции.

Пока Новицкий с некоторой отстраненностью, вызванной двумя уколами, в который раз неспешно размышлял на вечные темы, ему, сверяясь с последними изображениями объекта, нанесли язвочки на лицо и тело. Это заняло минут сорок, после чего молодой человек надел шелковую ночную рубашу и остался в одиночестве – разумеется, весьма относительном. За дверью маленького бокса дежурили двое, в аппаратной возились техники, а сам бокс был оборудован видеонаблюдением. Но думать это не мешало.

Молодой человек вздохнул, постарался усилием воли участить сердцебиение – мол, он волнуется – и занялся ревизией собственной памяти. По данным ученых, переход в прошлое гарантированно вызывал амнезию, и вопрос был только в том, насколько она будет значительной. По предварительным данным, распределение получалось примерно следующим.

Общее положение – чем старше объект, тем больше он забудет. Человек в возрасте за тридцать при переносе гарантированно вернулся бы в состояние новорожденного – ну, или просто овоща, это уже вопрос терминологии. Трехлетний малыш скорее всего перенес бы путешествие без какого-либо вреда, но кому он там нужен? Среди семнадцатилетних не лишиться большей части памяти мог примерно один из тысячи, да и то гарантий здесь не было. Вот, значит, Сергей, если судить по результатам тестов, и был тем самым «одним из»,

причем лучшим среди тех, кого удалось подобрать Центру. Случайность? Ученые считали, что да, молодой человек имел несколько иное мнение, но, естественно, держал его при себе.

От нечего делать Новицкий принялся вспоминать что попало, начав с цитат из Священного Писания. Специалисты Центра подобрали ему пятьдесят семь, пригодных для подтверждения практически любого тезиса, и пятьдесят две, предназначенных уже для опровержения, и тоже чего угодно. Всего цитат было семьдесят пять, потому что почти половина являлась универсальной.

Убедившись, что ни одна не забыта, будущий времяпроходец перешел к мысленному просмотру видеозаписей последних дней жизни объекта. Аппаратура Центра позволяла не только перекинуть в прошлое что-нибудь материальное, но и получать оттуда изображения, причем с гораздо меньшим расходом энергии. Правда, в довольно узком промежутке – от одна тысяча семьсот двадцать восьмого года до тысяча семьсот тридцать второго. Главной задачей Сергея же было смонтировать и запустить маяк, сигнал которого поможет значительно расширить временной диапазон. А потом жить как ему вздумается. Возвращение в двадцать первый век невозможно, и повторное открытие канала тоже, потому что с момента появления Сергея в прошлом там образуется иная реальность, отличная от прошлого нашего мира, в котором в качестве платы за совершенное старшим сыном семья Новицких будет получать пожизненную пенсию, плюс его сестре постараются дать хорошее образование.

Сергей мысленно хмыкнул. Неужели психологи Центра поверили, что любовь к этой алкоголичке, его матери, и дебильной сестре может быть хоть сколько-нибудь серьезным стимулом? Но даже если так, то при чем тут большая пенсия? Мать же окончательно сопьется, только и всего. Поэтому Новицкий на всякий случай демонстрировал, что ему самому будет очень интересно изменить прошлое. Во исполнение чего, тщательно скрывая отвращение, проглотил массу фантастической литературы, где герои, вселившись в тело какого-нибудь царя, за пару-тройку недель выводили Россию в мировые, а то и галактические лидеры. Блин, это же натуральное счастье для авторов, что ему предстоит путешествие в один конец, а то ведь точно прибил бы кого-нибудь из особо плодовитых для восстановления душевного покоя.

На самом деле объект замены, несчастный внук Петра Первого, был выбран из более прозаических соображений. Кто сможет сразу увидеть подмену, как бы ни старались пластические хирурги?

В первую очередь мать, но ее у объекта нет.

Отец – аналогично.

Близкий друг? Анализ записей показал, что с очень большой натяжкой им мог быть только молодой Долгоруков, да и то не факт, но план по его нейтрализации, естественно, был на всякий случай разработан.

Любящая женщина? Нет ее, Петру Второму всего четырнадцать лет.

И наконец учитель. Но Остерман – человек очень осторожный, да к тому же сильно не любящий Ивана Долгорукова, так что вряд ли он сразу начнет делиться своими подозрениями, даже если они у него и возникнут. Тем более что любые отклонения можно будет списать на чудесное исцеление от смертельной болезни – десяток цитат из только что проверенных были предназначены именно для этого.

Наконец, после выполнения задачи надо будет просто где-нибудь осесть и пожить в свое удовольствие – так почему бы и не на троне?

Дзинькнул зуммер, что означало: до решающего момента остался час, пора занимать место в камере переноса.

Глава 2

Январь 1730 года выдался холодным, а к Крещению, как и положено, мороз еще усилился. Может, это и стало бы темой для пересудов в высшем свете Москвы, если бы не

иные новости, занимавшие умы гораздо больше, нежели капризы погоды. Ведь на восемнадцатое января была назначена царская свадьба! Съехались гости, но царь внезапно заболел, и теперь народ прикидывал – то ли разъезжаться по домам и поместьям, то ли подождать. Потому как царские похороны – зрелище ничуть не менее впечатляющее, чем свадьба. В какой-то мере даже более – ведь в отличие от свадьбы похороны одного монарха могут происходить только один раз, без всяких исключений.

Поэтому в Лефортовском дворце, гордо стоящем на правом берегу Яузы, царило нездоровое оживление. В самом буквальном смысле это слова, ибо молодой император умирал, это уже знали все, вплоть до последнего истопника, и вопрос был только в том, когда свершится это событие и что начнет происходить после него. Ну а пока каждый обитатель дворца в меру сил участвовал в поддержании и расширении ажиотажа.

На третьем этаже главного здания, прямо над покоями умирающего Петра Второго, увлеченно дискутировали лейб-медики.

– Только такой неуч, как вы, мог предполагать лихорадку на почве кишечной меланхолии после жалоб пациента на боли в крестце, – вещал академик Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост. – Ведь онный симптом однозначно указывает на оспу! Которая могла бы и не перейти в смертельную «черную» стадию, если бы вы не ослабили больного своими дурацкими настойками травы бодяги, от коих его рвало желчью. Ваши микстуры годны только на то, чтобы травить ими тараканов, – это единственное, что у вас получается!

– От кого я это слышу? – не остался в долгу профессор Николас ван Бидлоо. – От человека, на руках которого только за последние пять лет умерли Петр Великий, императрица Екатерина и царевна Наталья. Теперь вами загублен последний Рюрикович. Не слишком ли много для одного поганого Блюментроста?!

– Говорят же, что глас народа – глас Божий, – вздохнул Лаврентий Лаврентьевич. – А знаете, как произносят вашу фамилию в том самом народе? «Быдло»! Так оно и есть – Господи, прости меня грешного. Позор не знать не только азов медицины, но даже истории страны, живя в ней более четверти века. Его величество – Романов, а не Рюрик! Быдло вы необразованное, милостивый государь, и ничего более.

Впрочем, внимательный наблюдатель мог бы заметить, что ученые мужи обличали друг друга без особого энтузиазма. Потому что каждый из них в глубине души был доволен тем, что последний вздох императора примет не он. У постели больного уже почти сутки священнодействовал некий астральный целитель, потомственный кудесник Шенда Кристодемус, спешно вызванный Остерманом из Риги. На него и ляжет ответственность за смерть молодого императора, которой медики, несмотря на различие в диагнозах, единодушно ожидали в ближайшие сутки.

Обер-камергер Иван Долгоруков в начале болезни неотлучно находился у постели царя, но, услышав от Блюментроста, что надежды больше нет, еще днем шестнадцатого января ускакал в свое имение Горенки, и, чем он там сейчас занимался, не знал почти никто. А те немногие, кто знал, помалкивали, потому как Иван, умевший подделывать почерк молодого императора, старательно писал поддельное завещание, согласно которому престол переходил невесте Петра, сестре обер-камергера Екатерине Долгоруковой.

Последние двое суток рядом с царем пребывал его учитель, вице-канцлер Андрей Иванович Остерман. Но вечером восемнадцатого января он, почувствовав упадок сил после двухсуточного бдения, удалился в свои покои, наказав протопопу Василию Пряхину немедленно будить его в случае любого изменения в самочувствии больного. Этот протопоп остался около Петра – читать псалмы и присматривать, чтобы еретический Кристодемус не совершил над больным чего-либо богопротивного.

Остерману удалось поспать всего четыре часа, когда к нему, преодолев сопротивление камердинера, ворвался протопоп. Был он с перекошенной мордой и явно в расстроенных чувствах, связно не говорил, а только сумбурно восклицал:

– Там!.. Господи Иисусе Христе, помилуй раба твоего грешного! Ваше сиятельство, скорее!

И при этом непрерывно крестился.

Наскоро одевшись, Остерман пошел или, точнее, почти побежал за попом, по дороге вслушиваясь в его не очень членораздельные выкрики. В общем, понять удалось немного, да и то оно вызывало серьезные сомнения. Якобы над больным сверкнула ярчайшая вспышка, а потом сверху образовался ангел небесный, возложивший длань на чело Петра. Видя такое, Пряхин попытался перекреститься, но вместо этого лишился сознания, а придя в себя, обнаружил, что лежит рядом с богомерзким кудесником Шендой, тоже пребывающим в бесчувствии. Протопоп встал, наконец-то осенил себя крестным знамением и, натываясь на стены, бросился сообщать о сногшибательной новости вице-канцлеру.

– Что с государем? – пропыхтел Андрей Иванович.

Но в ответ было еще раз повторено про ангела, и все.

Первое, что увидел Остерман в покоях императора, – неподвижное тело Кристодемуса, развалившееся у самого ложа больного. Перешагнув через него, вице-канцлер схватил лежащую поверх одеяла руку Петра, страдаясь ощутить могильный холод. Но рука была теплая. И вдруг она слегка сжала пальцы, а потом – о чудо! – Петр открыл глаза.

– Что, Андрей Иванович, испугался? – спросил император еле слышным шепотом. – Я, честно говоря, тоже подумал, что мой земной путь окончен, и совсем было собрался последовать за сестрой Натальей. Но Господь в милости своей безграничной решил, что мне еще рано, поэтому не бойся, эта хворь меня не убьет.

Сзади икнул, а потом всхрапнул кудесник-целитель. Петр чуть повернул голову, с интересом посмотрел вниз и предложил:

– Распорядись, чтобы его убрали, он свое дело сделал, а мне надо сказать кое-что важное.

Пока два дюжих лакея вытаскивали бесчувственное тело Кристодемуса, Остерман немного пришел в себя.

– Где Иван Долгоруков? – спросил тем временем император.

– Отбыл в Горенки.

– Та-ак... – было видно, насколько трудно Петру говорить, но он продолжил: – Перед тем, как мне впасть в забытие, Ванька подсовывал на подпись завещание, где наследницей признавалась Катерина. Я не подписал, а он, вор, так при этом ухмыльнулся... Ох, подоткни подушку, чтобы голова легла повыше. Да, хорошо. Знаешь, когда одной ногой стоишь в могиле, понимаешь то, о чем здоровым никогда бы не догадался. Не так уж нужна была ему моя подпись! Небось, и сам прекрасно ее нарисовал на поддельной бумаге. Воровство сие надо прекратить, пока оно не дало ядовитых плодов!

Император в изнеможении прикрыл глаза.

– Ваше величество, я немедленно распоряжусь... – начал было потрясенный Остерман, но Петр не дал ему договорить. Открыл глаза, пристально посмотрел на вице-канцлера и чуть дернул щекой, при этом сделавшись чем-то неуловимым настолько похож на своего грозного деда, что по спине Андрея Ивановича побежали мурашки.

– Нет, – тихо сказал больной. – Ты не распорядишься, а сам все исполнишь, причем немедленно. Иначе и это будет поручено Миниху.

Остерман непроизвольно сглотнул. Да уж, сей мужлан, не боящийся ни своей, ни чужой крови, колебаться не станет, а потом, не приведи Господь, войдет в такую силу... С чего вдруг государь о нем вспомнил? Но что значит «и это»?

– Слишком многие рядом со мной стоящие на самом деле только и ждали моей смерти, – негромко продолжил Петр. – Мало у меня, оказывается, верных людей, только ты... Я же, хоть и в бесчувствии был, но знаю, что ты не отходил от ложа. Да еще Бурхард Христофор Миних, и все. Но ежели господин вице-канцлер будет мешкать, то верный человек останется всего один. Иди, Андрей Иванович, только перед этим распорядись, чтобы сюда побыстрее вызвали Миниха. Да скажи, чтобы оба медикуса ко мне больше не заходили – нечего им тут делать, живодерам.

Когда Остерман покинул комнату, Сергей слегка расслабился. Кажется, первая встреча с аборигенами восемнадцатого столетия прошла нормально. Разумеется, это только самое начало, успокаиваться рано, но и причин так уж волноваться тоже нет. В конце концов, если даже у кого-то и возникнут некие подозрения, то, во-первых, они будут очень неуверенными. А во-вторых, всегда можно будет на этого догадливого быстренько натравить одного из тех, кому никакие сомнения неведомы, потому что невыгодны. В общем, слабое подобие действительно смертельно опасных полутора лет в Центре, где любой непродуманный шаг запросто мог стать последним. Но теперь это позади, вся прежняя жизнь тоже, и начинается новая. Которая продолжается уже больше получаса.

Сергей не помнил, что происходило в последние два часа до переноса. Собственно, именно потому что ученые предполагали высокую вероятность хоть кратковременной, но амнезии, восемь часов до старта не происходило вообще ничего – разумеется, только в боксе, где лежал будущий император Петр Второй.

Перенос являлся мгновенным обменом одинаковых объемов пространства между восемнадцатым и двадцатым веком, причем форма обменивающихся кусков могла быть произвольной, достаточно сложной и определялась исходной настройкой аппаратуры. Так вот, по сути, в прошлое были перекинуты три объекта, связанные меж собой каналами толщины менее сотой доли миллиметра.

Первый – это он, Сергей, плюс пять миллиметров вокруг его организма, из-за чего в шелковой рубаше, до переноса надетой на Петра, в нескольких местах образовались довольно приличные дыры.

Второй – самораспадающаяся флуоресцентная пленка с изображением ангела.

Третий – титановый контейнер, обмененный на полтора кубических дециметров каменной кладки подвала Лефортовского дворца, – он в двенадцати метрах ниже Сергея. В основном там комплект оборудования для создания и настройки маяка, причем из-за лимита массы весьма неполный, и пять с половиной кило лично для Новицкого. То, что ему разрешили взять в прошлое для обеспечения основной миссии и последующей за ней жизни в новом мире, в том числе уже упоминавшийся наган с пятьюдесятью шестью патронами в стальных многозарядных гильзах.

То есть сейчас на месте Сергея в камере переноса должен лежать полумертвый Петр Второй, а под ним – четверть тонны камней из лефортовского подвала. Плюс мизерный объем воздуха вместо ангельской пленки, который сразу рассеется.

Новицкий в который раз вяло удивился, что за дубы сидели в Центре в качестве психологов. Неужели они всерьез предполагали, будто он, Сергей, поверит, что несчастного мальчишку из прошлого кто-то собирается лечить? А потом вешать себе на шею нешуточный геморрой с его адаптацией в совершенно незнакомом мире, и все это из чистого альтруизма? Да ему тут же сделают укол, чтобы не мучился, и быстренько кремируют под видом Новицкого, а безукоризненное заключение о смерти от какой-нибудь вполне естественной причины наверняка давно готово.

Сергей пришел в себя с первых же секунд в новом мире – он даже успел увидеть «ангела» до его распада и услышать, как падают оба находящиеся в комнате. Об этом его предупреждали – находящиеся вблизи переноса получают хороший удар по мозгам, причем интенсивность воздействия будет обратно пропорциональна кубу расстояния от зоны катаклизма. В силу чего клоун, то есть местный экстрасенс, стоящий у самой кровати, огреб по полной, а поп, пребывавший чуть в отдалении, пришел в себя минут через пять, немного пометался на четвереньках и, наконец приняв положение, близкое к вертикальному, с нечленораздельными подвываниями умчался. Причем, как выяснилось, в правильном направлении, то есть к Остерману – одному из тех людей, на которых поначалу собирался опереться новый император.

Однако на этом размышления Сергея были прерваны. В дверь просунулась лакейская рожа и сообщила:

– Вашеество, государь, там этот нехристь очнулся и говорит непотребное!

– Какой именно и что говорит? – поинтересовался Новицкий, постаравшись изобразить царские интонации.

– Прости меня, разумом скорбного, опять забыл, как же его, погань жидовскую, звать... Шалава, что ли? А кричит он, что спас тебя, государь, от неминуемой смерти силою своего таланта, приняв твою болезнь на себя, и требует почестей!

Быстро очухался, прикинул Сергей, а сориентировался еще быстрее. Сейчас, правда, не до него, но в будущем может пригодиться.

Поэтому лакею было сказано:

– Он не жид, а грек, и зовут его Шенда. Скажи, что почести будут, но попозже, а сейчас пусть где-нибудь отдохнет после своего подвига, и не у меня под дверьми. Но с чего это ты, любезный, ломишься к императору без доклада? Еще раз повторится – сгною, а пока бегом выполнять приказ.

Однако бедному труженику дворцового сервиса было суждено тут же нарушить распоряжение его величества. За дверью раздались тяжелые шаги, затем явственный звук плюхи, дверь вновь распахнулась, и в комнату влетел все тот же лакей, причем явно после хорошего пинка.

– Е... его сиятельство генерал-аншеф Миних! – испуганно проблеял он. После чего могучая лапа взяла лакея за шкуру и выкинула в коридор, а в комнату, аккуратно притворив за собой дверь, вошел поименованный и вполголоса рявкнул:

– Государь, граф Христофор Миних прибыл по вашему повелению!

Глава 3

Разумеется, все происшедшее не было импровизацией. Миниха и Остермана Новицкий выбрал давно, еще в Центре, а потом консультанты-историки подтвердили, что это наиболее подходящие люди. Оба они неординарные, уже доказавшие свои немалые способности, и оба одиночки. То есть за ними не стоит никакого клана, мечтающего закрепить свою власть, в отличие от Долгоруковых.

Насчет этих последних Сергей был совершенно согласен. Ну только такой своры под боком ему и не хватало! Тем более что в ближайшее время потребуются деньги, а Долгоруковы держали молодого императора на голодном пайке, при этом под себя гребли ну просто бессовестно.

Правда, Сергею советовали обратить внимание еще и на Андрея Ушакова, бывшего и будущего шефа тайной канцелярии, но тут молодой человек решил повременить – у него сложилось впечатление, что именно сейчас Ушаков не имеет реальной силы и, значит, ничем не поможет в разборке с Долгоруковыми. А ее следовало провести быстро, иначе придется жениться, что никак не входило в планы Новицкого. Потому как среди видеоматериалов, снятых аппаратурой Центра в период с середины одна тысяча семьсот двадцать восьмого года, царская невеста Екатерина попадалась довольно часто. Она сразу не понравилась Сергею внешне, а уж когда дело дошло до эпизода, где эта девица лишала молодого Петра невинности, его мнение о ней окончательно упало ниже плинтуса. В немалой степени этому способствовал тот факт, что просмотр проходил на занятиях, почти как в школе именуемых «основы сексуальной культуры». Правда, в Центре они проводились индивидуально и не ограничивались только теорией.

Преподавала этот предмет дама лет сорока – судя по фигуре, серьезно занимавшаяся туризмом. На первом занятии она представилась как Стерлядь, уточнила, что ударение надо ставить на втором слоге, затем процитировала Гёте в переводе Пастернака: «Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо», – после чего Сергей и пискнуть не успел, как стал мужчиной. Потом был полугодовой курс с занятиями раз в неделю по два часа. Разумеется, Новицкий старательно учился по всем предметам, преподаваемым ему в Центре, но только уроков Стерляди ждал с нетерпением, чему сам был немало удивлен. По завершении курса преподавательница подвела итог:

– Ну, юноша, хотя до полноценного героя-любownika ты еще недотягиваешь, но такая задача перед нами с тобой и не стояла. Зато теперь я уверена, что тебе не снесет крышу, когда первая же встречная шмара покажет сиську или еще что-нибудь. Успехов!

Повернулась и навсегда исчезла из жизни Сергея.

Так вот, по сравнению с этой дамой Екатерина проигрывала по всем статьям, в силу чего первым действием нового императора должно стать расстройство грядущей свадьбы. Вторым – нейтрализация «друга», то есть Ивана Долгорукова. Слишком уж он хорошо знал Петра, поэтому теперь ему самое место где-нибудь в Сибири. Тем более что этот дурак сам так замечательно подставился с поддельным завещанием. Значит, его судьбой займется Остерман – ну должен же он понимать, что иначе в конце концов Долгоруковы его элементарно сожрут! Если же не справится – придется перепоручить дело Миниху.

Этого Новицкий выбрал оттого, что он ему просто понравился. Судя по тому, что дошло до двадцать первого века в документах, Бурхард Христофор Миних за всю свою долгую и богатую событиями жизнь ни разу никого не предавал, хоть и имел к этому немалые возможности.

И теперь, глядя на вошедшего в комнату верзилу, Сергей чувствовал, что его заочные впечатления, похоже, оказались правильными.

– Подойди поближе, генерал, – тихо сказал, почти прошептал император. Причиной этого была какая-то настойка, которой Сергей несколько раз полоскал горло перед самой отправкой в прошлое, и теперь из-за нее першило в глотке, а голос был негромким, хрипловатым и ломающимся. Врачи обещали, что это пройдет примерно через трое суток, но постепенно.

Дело было в том, что аппаратура Центра могла принимать из прошлого только изображение, но не звук. Кое-что удалось воссоздать, расшифровав записанную картину вибрации стекол, но далеко не все и с довольно низким качеством. Поэтому достоверных записей голоса Петра Второго в распоряжении Центра не имелось, и вопрос, похож ли на прототип голос Новицкого, оставался открытым. Вот и было решено симитировать, что в результате перенесенной болезни у молодого императора начал ломаться голос, тем более что в его возрасте такое часто бывает без всякой оспы.

– Еще ближе, мне трудно разговаривать громко, – продолжил Сергей. – И расскажи: что говорят о моей болезни в Москве?

– Что ты со дня на день умрешь, государь, – твердо ответил Миних. – Жалеют тебя, такого молодого. Но в основном народ опасается, что сядет на трон Екатерина Долгорукова и начнется новая семибоярщина.

– А что она сядет – это откуда известно?

– Ходят такие слухи. Кто их распускает – сам таких не встречал, но догадаться не трудно.

– Долгоруковы, – прикрыл глаза Петр. – Как думаешь, смогут они поднять смуту, когда до них дойдет, что все связанные с моими не только смертью, но и свадьбой планы провалились?

– Смогут, государь, – кивнул генерал-аншеф. – Но не захотят. Потому что Алексей Долгоруков ненавидит своего сына Ивана. Василий Лукич, который сейчас сидит в Горенках, не ладит с Василием Владимировичем, фельдмаршалом, потому что тот против Катерины на троне. Голицыны тоже, ибо опасаются слишком уж большого усиления Долгоруковых. И еще... дозвошь спросить, государь: ты всерьез решил порушить свадьбу с Катериной? Она, может, и не знает еще, что Ванька с Васькой ее на трон пророчат.

– А может, и знает, – дернул щекой Петр. – Но дело не в этом. Думаешь, почему я заболел перед самой свадьбой, да так, что едва не отправился вслед за сестрой? Предостережение свыше это мне было! За то, что учебе и государственным делам предпочитал охоты и прочие увеселения, да еще и жениться собрался так рано да на первой попавшейся. А как осознал я все это и дал обет отныне остепениться, так болезнь и отступила.

– Неужели правду во дворце шепчут про ангела? – потрясенно вздохнул Миних. – Но позволь, государь, дать тебе совет.

Генерал замолчал, показывая, что он действительно ждет разрешения, а не сказал это просто так.

– Позволяю, – кивнул император.

– Я понимаю, что ты теперь захочешь всех Долгоруковых от власти убрать – так? Дело это хорошее, но только спешить не следует. Прямо сейчас можно окоротить Ивана и Василия, остальные это хоть и с неохотой, но поддержат. Но вот прочих сразу трогать не надо, а следует поручить кому-то тайно разобраться в их воровстве да подготовить про то бумаги, чтобы никаких сомнений не было. А потом, когда кто-то первый против твоей воли пойдет, этим бумагам дать ход да проследить с помощью Остермана и Головкина – этот Долгоруковых всех не любит и спуску им не даст. К тому же он не столь боязлив, как Андрей Иванович. Не гневаешься, государь, за такие мои речи?

– Нет, продолжай.

– Поручить же все надо какому-то бессовестному и пронырливому человечку, да еще с опытом тайного сыска. Есть такой, подлец подлецом, зовется он Андреем Ушаковым. То хорошо, что власти у него сейчас никакой нет, но душонка-то его фискальская как была, такой и осталась! Начнет он под весь тайный совет копать, надеясь возвыситься, и станет тебе поэтому вернейшим слугой. Потому как случись что с тобой – и его хоть Долгоруковы, хоть Голицыны живьем сожрут за розыск-то против своих персон.

– Спасибо за дельный совет. Пожалуй, распорядись, чтобы завтра в обед этот Ушаков здесь был. Далее – есть в Москве полки, которые в случае чего пойдут за тобой, а не за Долгоруковыми? На Преображенский полк я не надеюсь, пока там командиром Василий.

– Семеновским полком командует лейб-гвардии майор Шепелев, он служил под моим началом, это муж верный. Да и Василий – он хоть и Долгоруков, но все же человек чести, не интриган.

– Может, и так, – с сомнением протянул император. – Но он все же Долгоруков, хоть и человек чести. Так что ты, пожалуйста, в отношении него своего Ушакова не ограничивай. Понял, почему я его твоим назвал?

– Да чего ж тут не понять – за него я перед тобой отвечать буду. Отвечу, мне не привыкать.

Император вновь прикрыл глаза. Хотя он уже не был похож на умирающего, но все же Миних ясно видел, насколько ему тяжело говорить. В этом генерал был прав – как раз сейчас Сергей не в самых цензурных выражениях поминал врачей Центра с их гнусной микстурой. Перестраховщики, блин, как будто он без них забыл бы, что говорить надо хрипло и негромко! Потом Новицкий неизвестно почему вспомнил Стерлядь, причем она предстала перед его мысленным взором обнаженной и в крайне соблазнительной позе. «Увы, – вздохнул про себя молодой император, – здесь встреча с такой женщиной мне не светит». И вообще пора возвращаться к прозе новой жизни...

– Иди, Христофор Антонович, у тебя сегодня много дел. Но перво-наперво направь ко дворцу роту Семеновского полка во главе с толковым офицером да представь его мне. И еще – разузнай, где сейчас Головкин. Ежели недалеко, пусть зайдет ко мне прямо сегодня, не откладывая. Да, чуть не забыл – по дороге, будь добр, возьми лакея, коего ты отсюда так лихо выкинул, и закинь его обратно.

– Как тебя звать? – спросил Петр, когда его последний приказ был выполнен.

– Афанасий Ершов, ваше величество!

– Вот что, Афанасий, распорядись, чтобы мне принесли куриного бульону и одежду.

– Так ведь, государь... Это же только с позволения медиков тебя кормить можно чем их благородия дозволят...

– Что?! Значит, так. Голос у тебя громкий?

– Так точно, вашество!

– Матерно лаяться умеешь? Царю своему послужить хочешь? Тогда прямо сейчас поднимайся к Блюментросту с Бидлоо и обложи их, да так, чтобы я здесь слышал. Вот только хилый ты какой-то... есть у тебя знакомый, чтобы был здоров, как Миних, или даже более?

– Есть, брат мой меньший Федька, но только он умишком-то не очень силен. Зато на кулачках, ой, горазд драться!

– Вот это нам как раз и надо. Значит, говоришь этим коновалам, что отныне не они решают, что мне есть, когда лежать, а когда вставать. Их дело теперь только поддакивать, а коли не поймут, то я прикажу пообщаться с ними твоему брату Федору. Все понял? Сначала – к шарлатанам, то есть медикам, потом бульон, потом одежда. Потом зови сюда брата. Вперед, Афанасий! За мной верная служба не пропадет.

Разыгранная мизансцена, по идее, должна была способствовать выполнению сразу нескольких задач. Перво-наперво следовало удалить от царственного тела Блюментроста и Бидлоо, потому как они имели возможность его внимательно изучить. А теперь мало ли, вдруг кто-нибудь из них обнаружит отличие, которое пропустили специалисты Центра? Нет уж, пусть лечат кого угодно, но только не императора. Тем более что помирать он, Новицкий, то есть отныне уже Романов, пока не собирается, и обращаться за помощью к этим людям нет никакой нужды, даже если случайно прихворнешь.

Следствием удаления лейб-медиков могло стать возвышение Шенды Кристодемуса, и это вполне соответствовало планам Сергея. Потому как если требуется внедрить в общественное сознание не самую близкую к истине версию какого-нибудь события, то желательно, чтобы этих версий было не меньше двух, причем как можно основательнее противоречащих друг другу. Ведь если вариант будет только один, то народ просто из чувства противоречия придумает свой, отличный от официального. И где гарантия, что он случайно не окажется близок к правде?

Если же изначально версий будет две, то обществу не возникнет никакой нужды что-то придумывать – выбирай любую и отстаивай ее с битьем хоть себя в грудь, хоть оппонента по морде.

Так вот, теперь этих самых версий и получалось ровно две. Первая – царя исцелил ангел, вторая – это сделал маг и волшебник Кристодемус. Сам он уже вроде настаивал именно на втором варианте, так и флаг ему в руки! Ведь теперь у грека, если, конечно, он поведет себя правильно, резко повысится количество пациентов. Правильное же поведение подразумевает отстегивание некоего процента его императорскому величеству, о чем целителю в ближайшее же время намереваются. Ну не совсем же этот Кристодемус дурак, чтобы не понимать – в противном случае православная церковь быстро покажет ему, что бывает на Руси за сношения с дьяволом.

Ибо Долгоруковы очень неохотно и помалу давали Петру деньги, а в ближайшее время предстояли расходы. Разумеется, сильно много с этого целителя не получишь, но ведь он не единственный источник предполагаемого финансирования.

Кроме того, Сергей собирался посмотреть, кто из его ближайшего окружения будет исполнять императорские приказы с энтузиазмом и не раздумывая, а кто – наоборот.

Наконец, была еще одна причина. За полтора года в Центре Сергей свыкся с тем, что постоянная и строжайшая самодисциплина есть первейшая жизненная необходимость, но теперь, когда он наконец-то вырвался на волю, ему просто нестерпимо захотелось хоть чуть-чуть да похулиганить.

Глава 4

«Вот и подошел к концу мой первый день в новом мире», – подумал молодой человек, которого еще сутки назад все называли Сергеем Новицким, а теперь уже двадцатый час подряд занимающий место Петра Алексеевича Романова, российского императора. Замена произошла около четырех часов утра по местному времени, а сейчас до полуночи осталось

несколько минут, и наступит двадцатое января.

Сделано было за этот длинный день даже чуть больше, чем планировалось в Центре. Причем превышение получилось за счет прямого нарушения полученных там инструкций. Сергею было велено доставать контейнер из подвала только тогда, когда его положение окончательно упрочится и можно будет вплотную приступить к монтажу маяка, дабы исключить риск утери оборудования или попадания его в чужие руки. Если же по каким-то причинам на месте Петра Второго усидеть не удастся, Новицкому предписывался побег с последующим поднятием восстания по поводу того, что он, молодой император, захотел дать народу волю, но этому воспротивились бояре. В свое время нечто подобное почти получилось у Пугачева, но ведь Новицкий куда меньший самозванец, чем был Емельян, да и знает побольше. В этом случае контейнер должен быть извлечен уже после успеха данного восстания. Именно из этих соображений груз при переносе был ориентирован в подвал, а не в комнату, где лежал Петр.

В свое время, получив такие инструкции, Сергей спокойно кивнул, но уже тогда подумал, что выполнять такое – это фигушки. Рисковать своей жизнью ради неполного центнера каких-то железяк? Спасибо, обойдемся. Да и вообще проливать чью-то кровь из-за этого тоже ни к чему. Если не выйдет поцарствовать, можно будет спокойно поискать и какое-нибудь другое непыльное место в той жизни.

В общем, Новицкий решил переправить контейнер в место своего более или менее постоянного обитания как можно скорее. Ну а если придется бежать, почти все содержимое лучше бросить. Конечно, ему сильно хотелось выполнить им самим возложенную на себя миссию, хоть и очень похожую на ту, что планировал Центр, но все же немного отличающуюся от нее. Однако это следовало делать без фанатизма. То есть получится – хорошо, даже просто замечательно. Нет – переживем, хотя и с небольшим сожалением. Все равно ведь перекошенную рожу Саломатина, когда он поймет, что именно сделал отправленный им в прошлое парень, увидеть не удастся даже в случае успеха.

Афанасий Ершов, с энтузиазмом наорав на лейб-медиков и организовав приготовление бульона, помог императору одеться, после чего с высочайшего разрешения отправился за братом, коего он и привел в Лефортовский дворец около двух часов пополудни. Поначалу слова лакея о выдающейся физической силе Федора показались Сергею преувеличением – представленный роста был всего чуть выше среднего и не так чтобы уж очень широк в плечах. Но, присмотревшись, Новицкий понял свою ошибку. Сравнительно невысоким брат Афанасия казался из-за сутулости, а также коротких кривых ног. Руки у него реально доставали до колен и кончались такими узловатыми клещами, при взгляде на которые любые мысли о недостаточной силе их обладателя отпадали напрочь. Но на всякий случай Сергей уточнил:

– Федя, ты шесть пудов унесешь?

– Унесу, государь, – попытался поклониться Федор. – И семь унесу. И восемь тоже осилю, но это уже недалеко, не более версты.

– Отлично. Тогда пока вот тут посиди, а ты, Афанасий, быстро принеси сюда лом или кирку.

Через пятнадцать минут все трое были уже в подвале, и Сергей показал, где начинать рушить каменную кладку. Несколько несильных ударов – и на свет божий показался ржавый железный угол. Вообще-то контейнер был титановым, но его покрытие специально сделали под ржавчину.

Вскоре ящик был освобожден от камней, и Федор, крикнув, без посторонней помощи закинул его на спину, а потом бодро втащил на второй этаж.

– Что это? – с опаской спросил Афанасий, когда контейнер был поставлен в дальний от двери угол.

– Это клад, спрятанный во дворце еще Александром Даниловичем Меншиковым. Но только... Афоня, Федя, об этом никогда и никому ни полслова, даже на исповеди! Поняли?

Будете и дальше мне верными слугами – сам скоро покажу, что там спрятал светлейший князь. А пока выйдите, встаньте у дверей и никого сюда не пускайте, пока я не скажу, что можно.

Кодовый замок, замаскированный под заклепки, сработал нормально, и Сергей откинул крышку. Первым делом из контейнера был извлечен наган – просто потому что он лежал сверху. Пока Новицкий не считал ситуацию настолько угрожающей, чтобы револьвер стал предметом первой необходимости, но с ним было как-то спокойнее. Петли пяти верхних пуговиц камзола были уже слегка потертые, над этим молодой человек лично потрудился сразу, как только получил это похожее на шинель одеяние. Теперь распахнуть верхнюю часть при необходимости можно было одним рывком, не тратя времени на расстегивание. Эрзац-кобура из двух шелковых платков и куска веревки, ободранной с какой-то портьеры, тоже была готова. Заняться этим рукоделием пришлось из-за лимита веса: при наполнении контейнера экономили каждый грамм, и ничего, что можно было хоть как-то сделать в восемнадцатом веке, туда не попало.

Сергей проверил, удобно ли доставать оружие, после чего застегнул камзол и вынул то, ради чего он, собственно, и затеял досрочное извлечение контейнера из подвала. С виду эта вещь напоминала небольшую тонкую книгу в кожаном переплете, с золотым православным крестом посередине и буквами «ОАА» снизу, выполненными в старославянском стиле. Внутри же находился обычный планшетный компьютер, только в исполнении «милитари». Буквы по идее означали «Откровения апостола Андрея», и несколько подходящих текстов действительно имелось в планшете. Это был один из самых необходимых для выполнения задания приборов, поэтому Центр даже пошел на дублирование – второй точно такой же планшет, только замаскированный под икону, лежал на самом дне. Его Новицкий доставать не стал. Он и «книгу» вытащил вовсе не из желания немедленно приступить к исполнению инструкций Саломатина. Нет, на ближайшие несколько дней у Сергея были несколько иные планы, и планшету в них отводилась немалая роль.

За дверью послышался какой-то шум, потом раздался выкрик Федора:

– Осади, барин, не доводи до греха!

– Что там? – спросил Сергей, подойдя поближе. – А, генерал-аншеф... Христофор Антонович, не обижайся на Федора, это я ему приказал никого не пускать, а про то, что тебе можно без доклада, сказать забыл.

– Государь, твой приказ выполнен, первый плутонг головной роты лейб-гвардии Семеновского полка под командованием поручика Губанова прибыл ко дворцу, вся остальная рота к завтрашнему утру будет расквартирована в казармах. А откуда, дозволь спросить, у тебя этот новый охранитель взялся? Не мужик, а какой-то зверь гамадрил, право слово.

– А ты их что, видел?

– Нет, про сих зверей рассказывал Абрам Петрович Ганнибал. Очень он их красочно описывал, особенно когда бывал сильно выпимши.

– Кстати, а где он сейчас?

– В ссылке, в Томске. Отправлен туда за неодобрение возвышения Меншикова после смерти Петра Алексеевича.

– Но ведь светлейший сам давно в Березове! Кажется, говорили, что он там уже умер. А бедного негра, получается, до сих пор держат в Сибири? Ему же там небось холодно! Это непорядок. Как его можно исправить?

– Напишите указ, государь, тайный совет его подтвердит без пререканий, им сейчас не до того.

– Вот ты и напиши, причем сегодня же, и представь мне на подпись. Я слышал, что этот арап стал толковым инженером?

– Так точно, ваше величество.

– Тогда его тем более надо вызвать в Москву, и побыстрее.

Дальше Миних рассказал, как отреагировала столица на весть о выздоровлении императора. В народе особых волнений не наблюдалось – то ли людям было все равно, то ли они и раньше не очень верили в неизбежность летального исхода. А вот гости, собравшиеся на царскую свадьбу (сам Миних тоже оказался в старой столице именно по этому поводу), пребывали в недоумении. Мол, когда вместо свадьбы начали светить похороны, это было еще ничего – тоже весьма красочное зрелище. Однако теперь ладно там похороны отменяются, в этом-то как раз ничего плохого нет, но ведь и свадьба тоже! Типа, а за коим же мы тогда здесь собрались, войдя, между прочим, в немалые расходы?

Верховный тайный совет заседает с одиннадцати утра, но пока ни к какому определенному решению не пришел. Собрался он не в полном составе – отсутствовали Василий Лукич и Иван Алексеевич Долгоруковы. Собственно, Совет и решал, что с ними теперь делать. Предложение Остермана и Головкина – самих смутьянов в ссылку, имущество в казну – единодушной поддержки не получило. То есть первая часть особых возражений не вызвала – всем было понятно, что слишком притких Ивана и Василия пора так или иначе укоротить. Но вот по поводу имущества имелись разночтения. Долгоруковы, судя по всему, вообще хотели разделить его внутри семьи, несмотря на беспрецедентность такого решения. Однако против них единым фронтом встали Голицыны при поддержке Остермана с Головкиным. Похоже, наибольшие шансы имело компромиссное предложение Михаила Голицына – имущество конфисковать, но до совершеннолетия государя, которое наступит через два года, оставить под опекой Верховного тайного совета.

– Небось растащат, воры, за два года все до последней копейки, казне только долги останутся, – подвел итог Миних.

– Так это и хорошо! Тащить-то будут в разные стороны, да еще в условиях недостатка времени и жесткой конкуренции. Каждый небось с превеликим удовольствием расскажет Ушакову о делах недругов, тому только записывать останется.

Сейчас Сергей без особой опаски демонстрировал мысли и поведение, совершенно несвойственные предыдущему Петру Второму. Потому как Миних до сих пор с царем был знаком очень мало, пребывая в должности правителя Петербурга, а в Москву являясь только изредка в отличие от Остермана. Вот с Андреем Ивановичем следовало вести себя более осторожно. Впрочем, в ближайшие два-три дня вице-канцлер будет очень сильно занят. Когда же у него вновь появится время на частые и продолжительные посещения Лефортовского дворца, там уже произойдут большие перемены.

– Задумал я тут навести порядок, а то прямо не покои императора, а какой-то проходной двор, – начал излагать Сергей. – За этой дверью отныне всегда должны стоять на часах три солдата, еще трое – отдыхающая смена – находиться неподалеку в полной готовности. Пускать ко мне будут только с разрешения дежурного камердинера. Это касается всех, кроме тебя, Христофор Антонович. Организацией караульной службы пусть займется поручик, коего ты привел сюда. Если у него хорошо получится – так и останется в этой должности.

– А камердинером будет этот Афоня? Быстро пошел в гору, стервец.

– Да, причем не простым, а главным. Но не тебе, генерал, ему завидовать! Нас с тобой ждут великие дела. Ведь не для того же ангел исцелил меня, чтобы я продолжал пробавляться прежними игрушками!

После Миниха император побеседовал с Ершовым, который еще не подозревал о своем высоком карьерном взлете. Услышав же подробности, он робко осведомился:

– А как же их благородие мажордом?

Сергей, подумав, разъяснил:

– Мажордом – это по-русски будет старший по дому, так он им и останется. Его дело – следить за дворцом, чтобы он и далее стоял, как раньше. А ты – главный камердинер, то есть старший над людьми, которые будут обслуживать мою особу. Сам их подбери, но помни – за каждого, если он учинит какое воровство, спрос будет с тебя. И тех, кого выберешь, ты

первым делом представь мне.

– Брата Федьку тоже?

– Нет, его я уже видел. И он будет не камердинером, а... ну, скажем, особоуполномоченным.

– Ч-чего?

– Должность такая, носитель которой будет таскать тяжести и бить морды.

– А, это он может.

Надо сказать, что Сергей еще до своего переноса в прошлое основательно изучил комнату, в которой лежал больной Петр, а утром исследовал содержимое всех трех сундуков и двух секретеров, так что сейчас он неплохо представлял себе собственное финансовое положение. Сто восемнадцать серебряных рублей плюс какие-то драгоценности, цена которых скорее всего намного больше, но она неизвестна. Пока это было все, чем он мог оперировать. Но для материального стимулирования ближайшего окружения этого должно было хватить, поэтому молодой царь спросил Ершова:

– Ты сколько жалованья получал до сегодняшнего дня? И Федор тоже.

– Три рубля в год, государь! – гордо отвечивал Афанасий. – А Федька вообще без жалованья, он товары купцам таскает в Охотном ряду.

– Значит, отныне ты получаешь десять рублей в год, Федор – четыре, рядовые камердинеры, которых ты выберешь и сюда представишь – по три. Для начала мне нужно пять человек.

Когда окрыленный Ершов ушел, а точнее, буквально улетел, Новицкий внимательно осмотрел оба окна в комнате. В ближайшее время он не собирался менять своего местопребывания, его вполне устраивало данное помещение. Высокий второй этаж, но при необходимости можно будет спокойно покинуть комнату через окна. А вот проникновения оттуда злоумышленников можно особо не опасаться. Ведь в ближайшие сто лет как организаторами, так и исполнителями всяких заговоров против царей будут исключительно дворяне. Но вряд ли даже самые образованные из них изучали основы промышленного альпинизма, а уж тем более методы тайного попадания в охраняемые помещения через форточки. Нет, если кто сюда и полезет, то только через дверь. Которая, блин, не имеет не только замка, но даже самой элементарной задвижки! Да в таких условиях устроить монарху апоплексический удар табакеркой в висок проще, чем чихнуть. Сергей собирался в ближайший час исправить эту вопиющую недоделку, при помощи вытасченного из контейнера мультитула переставив засов с одного из сундуков на дверь. Разумеется, это не царское дело, но в вопросах безопасности не бывает мелочей – это молодой человек понял еще до того, как попал в Центр, а уж там и тем более. Ведь что получится, просто прикажи он повесить тут засов с замком?

Один Афанасий решить такого вопроса не сможет. Получается, об этом будут знать кузнец, плотник и их начальство, а к вечеру и весь дворец. И значит, потенциальные злоумышленники тоже, а это большая разница – ломиться в дверь, заранее зная, что она заперта изнутри, или считая, что распахнуть ее можно легким пинком.

Разумеется, в ближайшее же время Сергей планировал сделать так, чтобы при любых изменениях внутри дворца сведения о них могли попасть во внешний мир только в той мере, в которой разрешит хозяин, то есть он, его величество Петр Второй. Ну, а пока столь благостная картина только в перспективе, придется поработать руками. Тем более что мультитул из контейнера обошелся Центру отнюдь не в тысячу рублей, не в две и даже не в десять – им и не такое можно сделать.

Глава 5

Только поздним вечером девятнадцатого января Бурхард Христофор Миних смог попасть в свой московский дом рядом с Немецкой слободой. Да уж, денек выдался беспокойный...

А ведь еще вчера генерал-аншеф считал, что он будет посвящен подготовке к похоронам государя! Однако дело повернулось так, что теперь, похоже, хоронить придется кого-то другого, и скоро. Но до чего же юный император стал похож на своего деда, что раньше не так бросалось в глаза! Причем не только лицом, но повадками да бьющей через край энергией, которая чувствовалась, даже когда он просто сидел и молчал. Вот только не надорвался бы царь – ночью еще лежал при смерти, утром очнулся и сразу принялся отдавать приказы, к обеду оделся и начал ходить по комнате. Хорошо, хоть осторожно и на улицу пока не собирается, то есть и сам бережется. Во дворце всюду шепчутся про ангела, который осенил умирающего своим крылом, и тот тут же выздоровел. Правда, некоторые утверждали, что государя отмолил заморский святой Шенда Кристодемус, но им вполне резонно возражали, что человек с таким именем, а уж тем более с такой рожей, святым оказаться ну никак не может. И если уж кто отмолил царя, так это протопоп Василий Пряхин, что, понятное дело, вовсе не исключает последующего появления ангела.

Миних не собирался глубоко задумываться над этими частностями недавно свершившегося исцеления, его больше интересовал результат. Император стал другим. Ангел его вразумил, или просто Петр, взглянув в лицо смерти, сам резко повзрослел, но результат был налицо. И нельзя сказать, что он не нравился генерал-аншефу, скорее наоборот. Такому царю Бурхард Христофор Миних был готов служить с не меньшим рвением, чем его великому деду. Ну, а Верховный тайный совет, при котором потихоньку разваливалось все созданное в Петровскую эпоху... тогда поначалу тоже были люди, считавшие, что могут диктовать свою волю молодому царю. И что они сейчас? Могилки-то не у каждого найдешь, некоторые просто безвестно сгинули незнамо где.

Вице-канцлер Остерман в изнеможении откинулся на подушки. Все-таки не с его здоровьем после почти двухсуточного бдения у постели умирающего императора ехать на другой конец Москвы, да там еще до ночи заседать в Совете! Но, слава богу, сил на это хватило, хотя оттуда Андрея Ивановича в буквальном смысле вынесли – ноги не только разболелись, но и опухли так, что сам он идти уже не мог. Зато теперь в Верховном тайном совете образовалось равновесие вместо диктата Долгоруковых, как это было раньше. Их ведь осталось там только двое, да двое Голицыных, да Остерман с Головкиным, которые хоть и не дружны, но в сложившейся ситуации заодно. Так что отныне появляется куда больше возможностей для продавливания нужных решений, и их нельзя упустить. Эх, как некстати ноги-то разболелись! Значит, завтра лучше воздержаться от визита в Лефортовский дворец. Жалко, конечно, ведь неизвестно, что там нашепчет государю Миних, но здоровье дороже, и оно пригодится в борьбе с Долгоруковыми, которые пока опаснее, чем внезапно приблизившийся к молодому царю генерал-аншеф. Хотя, понятно, и с этим придется что-то делать.

Афанасию Ершову не спалось, даром что он находился на ногах уже больше суток. Да не просто так, а бегал, как белка в колесе! Что бы молодой царь без него делал? Ангел-то его исцелил, да потом махнул крылом и улетел, а дальше, мол, разбирайтесь сами. Ну и разберемся, чай, не лаптем щи хлебаем. Но государь-то от исцеления как поумнел! Даже со смертного одра не поднявшись, тут же разобрался, кто есть ему наивернейший слуга. Десять рублей дал своею рукой, сразу за весь год вперед, это же понимать надо! И возвысил, да так, что теперь и вниз-то смотреть немного боязно: кабы не свалиться ненароком с такой-то высоты. А что брата Федьку приблизил, это тоже очень правильное решение. Но вот как подступиться к выполнению последнего приказа государя, Афанасий пока не представлял. Неужто придется к тестю обращаться, этому жадному борову?

Ведь повелел царь найти богатого купца или промышленника, помышляющего о дворянском достоинстве, да привести его пред свои очи, намекнув, что оное желание вполне может сбыться. Не задаром, понятное дело, это государь специально повторил два раза. А что, оно и правильно. Если у того завелись лишние деньги, так пусть отдаст их своему

императору, чем по ларцам-то гноить. От этого и нам, верным подданным, тоже какой-никакой достаток будет. Но вот только где ж его разыскать, этого купчину?

К тестю тут обращаться не след, решил Ершов, поразмыслив. А надо прямо с утра поговорить со свояченицей: сестра ее свекрови всех в Москве знает.

Маг и астральный целитель Шенда Кристодемус тоже не мог заснуть, хотя бегать ему в отличие от всех прочих почти не пришлось. Но зато его сильно беспокоил тот факт, что он совершенно ничего не помнил о происшедшем в покоях императора. Последним воспоминанием было – лакей открывает дверь, он, Шенда, делает шаг вперед – и все. Дальше как отрезало. Пришел в себя уже на кушетке в гостиной царских покоев. Конечно, ему хватило ума сразу не показать, что он очнулся, а внимательно прислушаться к потрясенной болтовне лакеев, из коей стало ясно, что его величество вдруг исцелился при помощи ангела. Вот тут Кристодемус открыл глаза и уточнил, кем этот самый ангел был призван, но беспокойство все равно никуда не делось. Такого, в смысле провалов в памяти, с ним до сих пор не случалось. Не означает ли это, что здесь действительно имело место вмешательство каких-то высших сил?

Однако, тщательно подумав, маг решил в дальнейшем на них не полагаться, а строить планы исходя исключительно из надежды на силы собственные. Тем более что недавняя беседа с императором открывала неплохие перспективы.

Получив приказ явиться на аудиенцию, Кристодемус подумал, что ему сейчас начнут выражать благодарность, а возможно, и предложат денег, от которых он с негодованием откажется. Потому как это будет сущая мелочь, своих средств у Петра Второго нет. Но каково же было изумление целителя, когда он понял, чего от него хочет и что предлагает взамен только что исцелившийся царь! До того он и предположить не мог, что это столь разумный молодой человек. Ну, а отданные пятьсот рублей – ерунда. Завтра же как минимум столько ему даст княгиня Оболенская. Ибо ее болезнь с модным названием «мигрень» на самом деле происходит от неумеренной стервозности, усиленной систематическим неисполнением князем своих супружеских обязанностей. Шенда отлично знал, как это лечить, так что не волновался за исход завтрашнего визита, приглашение на который он явно получил в результате происшедшего в покоях императора. С коим, пожалуй, лучше будет поддерживать не разовые, а постоянные отношения, несмотря на расходы.

Поздним вечером девятнадцатого января не спала в своем небогатом имении Сарское цесаревна Елизавета Петровна. Несмотря на то что пока ее так и не удосужились лишить этого титула, она прекрасно понимала, что шансы на занятие престола после смерти молодого императора равны нулю. И не суть важно, что по завещанию Екатерины наследовать Петру должна она. Иван Долгоруков специально прислал курьера с сообщением – нечего цесаревне делать в Москве, если она, конечно, дорожит своей жизнью.

Елизавета туда и не собиралась. Ни на свадьбу, куда ее вообще не пригласили, ни на похороны, которые, как говорят, скоро будут вместо той свадьбы.

Цесаревне было искренне жаль юного племянника. Господи, дай ему выжить, думала она, даже если потом он и женится на этой змее Катке Долгоруковой! А еще лучше – пусть он, выздоровев, прозреет и поймет, на какой твари собирался жениться. Неужели Господь не захочет сделать такого простого, но важного чуда? По искренним молитвам ее, Елизаветы, дочери Петра Великого.

А вот протопоп Василий Пряхин дрых без задних ног. Потому как недавно случившееся настолько выбило его из колеи, что он, долго не раздумывая, сразу после обеда удалился во внеочередной запой, хоть и осознавал некую несвоевременность такого образа действий.

Глава 6

Вопрос, как Сергей будет объяснять окружающим работы по изготовлению недостающих узлов маяка, его сборке, наладке и запуску, неоднократно обсуждался в Центре, так как был одним из важнейших для всей операции. И разумеется, специалисты придумали несколько вариантов, причем каждый разрабатывался очень тщательно. Особенно после того как было решено, что Сергей там сядет на императорское место. Потому как общественный резонанс от какого-то действия сильно зависит от того, кто именно упомянутое действие совершил.

Например, если какая-нибудь эстрадная звездюлька примет съемочную группу, пришедшую к ней за интервью, в голом виде, то это только добавит ей популярности, причем даже в том случае, когда смотреть там будет абсолютно не на что. Может, даже гонорары вырастут, хоть это и не обязательно. Но вот сделай то же самое министр или депутат – ой, что тут начнется! И если в отличие от предыдущего варианта, в этом будет на что посмотреть, то получится только хуже.

Так вот, в восемнадцатом веке среди монархов было как-то не принято заниматься точными науками. Чем они только не скрашивали свой досуг! Вовсе ни к чему не способные ограничивались банальным развратом, но таких было не очень много. Фридрих Великий играл на флейте и писал философские трактаты. Людовики тоже имели свои увлечения – например, Четырнадцатый играл в театре, а Шестнадцатый увлекался слесарным делом. Правда, этот кончил не очень хорошо, но голову ему отрубили отнюдь не за его хобби. Хотя как знать – если бы он поменьше возился со всякими железяками и повнимательнее следил за происходящим в стране, то мог бы, наверное, избежать столь неприятного финала своей карьеры. Как Петр Первый – этот не только слесарил, но и столярил, строил дома и корабли, профессионально стрелял из пушек плюс много чего еще, но его голова при этом осталась на своем месте. Наверное, потому что они, эти головы, всю летели у его недругов и недоброжелателей, но это уже другой вопрос. Однако даже такой оригинал, как Петр, научными исследованиями не занимался.

И значит, если его внук вдруг объявит, что он всерьез решил заняться физикой и электротехникой, в ближайшем окружении государя может возникнуть мнение, что молодой император в результате перенесенной болезни слегка тронулся рассудком, а это было совершенно ни к чему.

Но вот захотеть много золота он имеет полное право, и такое желание наверняка будет встречено с пониманием. Тем более что несколько государей уже отметились в поисках философского камня. Вообще-то с тех пор народ уже основательно разуверился в данной идее, потому как слишком уж много шарлатанов было выведено на чистую воду, но почему не внести в это дело свежую струю? Вовсе не обязательно трансформацией свинца в золото должен заниматься какой-то камень. Более того, именно в восемнадцатом веке начали бурно развиваться всякие механизмы, так почему бы Петру не заняться одним из них? То есть взять и построить большой Философский Механизм.

Для облегчения этого процесса в контейнер, залегендированный как клад Меншикова, в числе прочего был засунут и лист специально состаренного ватмана, где были изображены чертежи и эскизы этого самого механизма. Более того, они были снабжены пояснениями – сильно сокращенными и совершенно непонятными по-латыни, но гораздо более подробными на корейском языке. А изображалось там нечто вроде генератора постоянного тока, потому как все электропитание маяка Сергею предстояло сделать на месте. Разумеется, руководствуясь не этой дурацкой бумагой, а подробными описаниями, имеющимися в обоих планшетах.

При ее создании в Центре поначалу хотели вместо текста вообще ограничиться абракадаброй, которую Новицкий при желании сможет трактовать как угодно, но молодой человек предложил именно корейский текст. Из соображений, если понадобится, дополнительно замотивировать свой интерес к Дальнему Востоку. То есть в случае необходимости взять и объявить, где найти людей, которые смогут прочесть данные иероглифы. Ну, а то, что дословный и однозначный перевод все равно не получится, сойдет

за повод для продолжения экспансии вплоть до Клондайка. Или дальше, буде возникнет такая потребность.

Да, в ближайшее время Сергей собирался в основном сосредоточиться на выполнении задания Центра – правда, с небольшими дополнениями. Но ведь жизнь на этом не кончится! Хотя детально разработанных планов на этот счет у молодого человека не было. Он считал, что строить подробные планы можно только на более или менее научной основе, но при всем желании не мог отнести историю к наукам, а ведь именно она в основном являлась источником сведений о его будущем мире. Так что он ограничился самым общим пожеланием – лучше быть царем в богатой, процветающей и стабильной стране, чем наоборот. Но сами по себе такие страны не образуются, и ему-то в наследство достанется уж точно не такая. Значит, придется что-то делать.

Что именно? Ну уж всяко не изобретать тысячесильную паровую машину двойного действия и тройного расширения, пулемет системы Гатлинга или тяжелый бомбонесущий дирижабль. Нет, сделать-то это, наверное, получится даже здесь. В одном или полтора экземплярах, больше вряд ли выйдет. Потому что для всех этих и многих других замечательных вещей, описания которых имелись в планшетах, нужна соответствующая производственная база. То есть если он, новый Петр Второй, хочет жить хорошо, ему надо как-то исхитриться и провести индустриализацию.

Сергей сильно подозревал, что это окажется не такой уж простой задачей, поэтому задолго до отправки в прошлое начал изучать материалы на данную тему. И вскоре ему показалось, что суть он понял.

Советские исследователи утверждали, что основой для индустриализации всех без исключения капиталистических стран являлся банальный грабеж колоний и просто на свою беду оказавшихся более слабыми соседей. Зато СССР провел это дело исключительно на энтузиазме народных масс. Однако со вступлением России в число цивилизованных стран историки с приятным удивлением обнаружили, что существует такое интересное понятие, как «грант». И новейшие исследования вдруг неожиданно показали, что светочи демократии никого не грабили, а добились всего деловой активностью своих лучших представителей и успешной торговлей. СССР же, наоборот, провел индустриализацию, до нитки ограбив свое собственное крестьянство, интеллигенцию и еще кого-то.

Сергея эти разночтения не смутили – ведь, как уже говорилось, историю он к числу не то чтобы точных, а и вообще наук не относил. И молодой человек начал думать, какое рациональное зерно может содержаться в прочитанных им трудах. Основной вывод бросался в глаза сразу, но ничего нового он не содержал, потому как правило «кто платит, тот и заказывает музыку» было известно еще на заре цивилизации. Поэтому Новицкий старательно искал чего-нибудь еще, и его усилия увенчались успехом. Он понял, что основой любой индустриализации всегда является неравноценный обмен. А уж как его потом назовут – грабежом колоний, помощью отсталым народам или коллективизацией – дело десятое.

Этот обмен может происходить либо на добровольной, либо на принудительной основе. Во втором случае требуется объект, заведомо уступающий по силе, в первом – какая-то вещь, очень ценная для жертвы обмена и не очень – для его инициаторов. Например, бусы, цветные стекляшки и ножи из дрянной стали, которые англичане и голландцы всучивали аборигенам понравившихся им земель.

Однако силовой метод России не подходил – у нее просто не было одновременно и богатых, и слабых соседей. Значит, оставался добровольный обмен, и у Новицкого было то, на что самые развитые страны согласятся обменять что угодно. Или, если точнее, он знал, где оно лежит, а больше этого сейчас не знал никто.

Золото. В планшетах имелись координаты и характеристики всех более или менее значительных месторождений, известных в двадцать первом веке. И Сергей собирался прибрать к рукам их большую часть, но тут нужно было соблюдать осторожность и строгую очередность. Начать, разумеется, следовало с разработки самого близко расположенного и не

грозящего международными осложнениями района – бассейна реки Миасс. За первые пятьдесят лет разработки миасские прииски дали около сорока пяти тонн золота, но Сергей надеялся, что ему удастся повернуть это дело гораздо быстрее. Просто потому, что не придется тыкаться вслепую.

Далее в очереди стояли Лена, Колыма и Клондайк – в какой последовательности их разрабатывать, Новицкий пока не решил. Ну, а заключительным аккордом станет Южная Африка, где только на месте будущего Йоханнесбурга лежит в несколько раз больше золота, чем к началу восемнадцатого века добыло все человечество.

Все эти свои планы Сергей вспоминал, глядя на просителя, горнозаводчика Порфирия Ивановича Баташева, коего привел к нему главный камердинер Афанасий Ершов. И соображал – сразу взять с него по максимуму, и пусть гуляет, или попытаться при его помощи ускорить начало золотодобычи? Ведь, по предварительным прикидкам, на выполнение задания понадобится не так уж много – порядка пятнадцати тысяч рублей. Впрочем, Новицкий не верил этой цифре, выведенной историками и экономистами Центра. Молодой человек считал – это еще повезет, если удастся уложиться в тридцать тысяч. Но даже такие деньги не были запредельными для императора, хоть и находящегося под опекой Верховного тайного совета. Однако не отделить ли мух от котлет, то есть разборки с Советом от финансовых вопросов? Было бы неплохо, и кандидат на одну из главных ролей, кажется, подходящий. Ладно, попробуем, пусть сам решает...

– А вот не хочешь ли ты рискнуть, Порфирий? – поинтересовался Сергей.

– Прости, государь, я в иноземных языках не силен – что сделать?

– Рискнуть. Это значит – пойти на дело, которое может и не получиться, но зато в случае удачи даст очень большую прибыль, гораздо большую, чем ты получил бы обычным порядком.

– Да мы вроде не против, но в чем дело-то?

– Значит, перед тобой сейчас два пути. Первый – дать мне десять тысяч рублей серебром и получить дворянское достоинство. Оно ведь тебе не для спеси нужно, а для возможности покупать крепостных на ваши семейные заводы? Я так и думал. Так вот, меня это устраивает. Но есть и второй путь. Ты даешь мне всего три тысячи и тоже становишься дворянином. Но не просто так: от тебя потребуется выполнить мое задание, которое принесет тебе как минимум сотни тысяч, а то и миллионы. Тут, знаешь, мне недавно попали в руки бумаги Меншикова, в коих обозначены места золотых россыпей. Причем бумагам этим можно верить, в них все точно. За несколько лет там получится добыть пудов пятьсот, если подойти к делу со старанием.

Баташев охнул.

– Вместе с дворянством я дам тебе право на разработку этих земель. Но ты в ответ будешь отправлять мне половину добытого золота, однако это еще не все. Второй пункт – всех купленных тобой крепостных ты через пять лет работы переводить в разряд государственных. Если захочешь, чтобы они не разбежались, плати им за работу.

– Да как же это так, государь...

– Только так, и никак иначе. Это тебе решать, что выгоднее – платить старым, которые уже на месте и кой-чему научились, или покупать новых, которых туда еще придется доставить, да и работать они будут поначалу не так хорошо. А еще через пять лет и эти станут государственными.

– А где же место это чудесное, далеко ли отсюда?

– На Урале, двести с небольшим верст от Уфы. Карту я тебе дам после подписания договора. И учти, если будешь вести дела со мной честно – от всех защищу: ни Демидовы, ни Татищев тебе не указ. Но коли вздумаешь воровать – все ваше семейство изведу под корень, в этом ты мне лучше сразу поверь, потому как повторять я не буду. Вот и думай, Порфирий Иванович, срок тебе даю до завтрашнего вечера. Вопросы есть?

– Если позволишь, государь. Как будут считаться те, коих я куплю не для твоего

задания, а для нашего тульского завода?

– Обычными крепостными без всяких условий. Но начать покупать ты их сможешь только после того, как отправишь мне первое золото с Урала. Причем в пропорции – например, за каждый пуд по тридцать человек.

– Ежели по пятьдесят, государь, то я прямо сейчас согласен.

– А если по сорок, то когда? Ладно, шучу, не буду с тобой торговаться, пятьдесят так пятьдесят. Значит, принимаешь мои условия? Молодец, я в тебе не ошибся. Зайди завтра с утра, к тому времени будут готовы и договор, и карта.

Окрыленный Баташев откланялся, а Сергей продолжил подводить итоги первой недели своего пребывания в должности императора. Ибо на царствование это пока никак не тянуло, и даже на простое сидение на троне тоже, потому как этот предмет мебели в Лефортовском дворце отсутствовал.

Новицкий пока не покидал своей резиденции, ограничившись всего одной короткой прогулкой по двору. Якобы он еще не полностью оправился от болезни, хотя настоящая причина, разумеется, состояла не в этом. Просто Сергей по складу характера был довольно основательным человеком, не склонным к поспешным решениям, а за полтора года пребывания в Центре это его свойство только усилилось. И сейчас он просто не хотел тратить время на какие-то прогулки, пока не обеспечен надежный тыл. То есть пока Лефортовский дворец не станет полностью его территорией, где ничьи чужие указания не будут иметь никакой силы, а утечка информации о происходящем в стенах государственной резиденции сведется к минимуму, и желательное тоже контролируемо императором. Деньги, полученные от Кристодемуса, позволяли только приступить к выполнению данной задачи, но три тысячи от Баташева, которые тот обещал доставить к завтрашнему визиту, скорее всего закроют проблему как минимум на полгода. Правда, поступления с золотых приисков начнутся никак не раньше, чем через год, но ведь Баташев – не единственный промышленник, желающий дворянства, да и Совет вряд ли станет именно сейчас урезать финансирование опекаемого им монарха. Тем более что в ближайшее же время этому сборищу найдется достойное занятие.

Сергей считал, что во многих случаях наиболее прогрессивным является принцип самообслуживания. Например, если противник способен сам себе выкопать яму, то ему-то, императору, зачем руки марать о лопату? Не царское это дело. Правильнее будет создать условия, при которых оппонент по своей воле с воодушевлением возьмется за шанцевый инструмент. Как в случае с Саломатиным – ведь Новицкий очень старался создать у того мнение, что он, кандидат номер семь, приложит все свои немалые способности и вообще наизнанку из шкуры вывернется, лишь бы выполнить задание как можно лучше и быстрее. Тот поверил и сделал ставку именно на Новицкого, а дальнейшее теперь было делом техники. Правда, в восемнадцатом веке невиданной, но это не страшно, учили Сергея на совесть, да и сам он с детства интересовался именно техникой.

Вот и Совету предстояло в ближайшее время потихоньку начать копать под себя, любимого. Но не ограничиваться только этим, а параллельно еще и поднять авторитет его величества Петра Второго.

Еще за погода до переноса, изучая материалы по эпохе от Петра Первого до Екатерины Второй, Сергей наткнулся на указ о вольности дворянства. И сделал вывод, что Петра Третьего отодвинули от власти правильно – ну нельзя же быть столь безответственным! И не важно, что по большому счету тот указ был вполне своевременным, – России заведомо не требовалось столько служащих, сколько было дворян. И он просто легализовал то, за что раньше приходилось давать взятки. Но форма-то, форма! Разве можно хоть что-то давать просто так, на халяву? Ладно бы еще под давлением, как это сделал Николай Второй после японской войны. Что все равно было не лучшим выходом, потому как продемонстрировало слабость власти. Но на Петра Третьего вообще никто не давил! А он взял да и бесплатно даровал дворянству вольности, за что благодарное благородное сословие его вскорости и

прибило.

Сергей не собирался повторять будущих ошибок своего сводного двоюродного то ли брата, то ли племянника. Дворянство хочет вольностей? Это пожалуйста, мы готовы пойти ему навстречу, однако только после уточнения преискуранта. Но почему оные вольности надо даровать одному дворянству – то же духовенство чем хуже? Или купечество, а тем более крестьянство. Нет уж, если давать, то всем. А у кого нет денег – ничего страшного, пусть отработает или отслужит в солдатах.

Потому как крепостное право надо потихоньку отменять, в этом у нового императора не было сомнений. Но именно что потихоньку, без резких телодвижений, как в недоброй памяти одна тысяча восемьсот шестьдесят первом году. Чтобы подавляющая часть и народа, и дворянства как минимум до середины процесса вообще не понимала, что происходит.

Вот поэтому новый император собирался сегодня же вечером начать писать указ «О вольности сословий», причем первый вариант, который заведомо не будет претворен в жизнь. Естественно, Совет его тут же зарубит, чем восстановит против себя немалое количество народа. То есть возьмет лопату и, поплевав на руки, приступит к работе. А ему, Сергею, останется только присматривать за процессом. Чтобы в случае снижения энтузиазма подкинуть еще что-нибудь, и так до тех пор, пока яма не обретет достаточной глубины. Кстати, такой уж большой и не требуется, ведь туда должны поместиться только Долгоруковы с Голицыными, Остерман же с Головкиным пусть пока постоят на краю, авось это и поспособствует более правильному пониманию ситуации.

Глава 7

Первого февраля в Успенском соборе Московского Кремля состоялось торжественное богослужение, посвященное чудесному исцелению его величества Петра Второго. Естественно, виновник торжества на нем присутствовал.

Для доставки императора в Кремль был подан санный экипаж, размерами несколько превышающий то, что ожидал увидеть Сергей. Потому как вообще-то его предшественника возил небольшой черный возок с двумя дверьми и двумя окнами, запрягаемый четверкой лошадей. Здесь же их было восемь, а само транспортное средство по размерам примерно соответствовало микроавтобусу «газель», разве что было немного повыше. Дверей было четыре, а окон – прорва, но мелких и со стеклами весьма относительной прозрачности, которые к тому же почти сразу запотели. Поэтому Новицкому почти не удалось посмотреть на Москву восемнадцатого века, о чем он и не очень сожалел. В свое время карты города были изучены достаточно подробно, а привязку их к местности лучше проводить верхом, но это будет потом. В конце концов, до ближайшего приличного пожара еще семь лет, так что никуда она, эта Москва, не денется. Кстати, именно во время того пожара предстояло расколоться Царь-колокол, и Сергей собирался ближе к делу принять какие-нибудь меры. Интересно же послушать – будет он звонить или нет?

Само богослужение не вызвало у молодого человека особых эмоций, потому как предмет «Основы православия» он в свое время сдал на «отлично», и преподаватель, маленький пожилой еврей, не имел к ученику вообще никаких претензий. Кроме того, каждое воскресенье курсанты посещали церковь для выработки должного автоматизма в этом деле. Тем более что архиепископ Феофан, проводящий службу, был предупрежден: молодой царь еще не совсем оправился от болезни, так что без нужды затягивать богослужение ни к чему.

Царя поддерживали под руки двое – справа генерал-аншеф Миних, слева духовник его императорского величества протопоп Василий Пряхин, недавно вышедший из запоя, посвященного чудесному явлению ангела. Сей достойный муж смотрел на свое духовное чадо с немалой опаской, потому как уже имел с ним беседу незадолго до выезда в Кремль.

– Значит, так, – сказал тогда его императорское величество. – Отныне таинство исповеди моей особы будет происходить по упрощенной процедуре. Без конкретики, ибо это

есть дела государственные, которые ты сможешь разболтать по пьяни или под пыткой, что нанесет ущерб вверенной мне в управление державе.

– Государь, быть такого не может! – начал было Василий. – Кто же будет меня пытатель? Да и Господь в безграничной милости своей даст мне силы вытерпеть любые мучения.

– Точно даст? – нехорошо усмехнулся царь, да так, что у Пряхина мороз прошел по коже. – Это Он что, Сам тебе сказал? Ладно, сейчас проверим. Федор!

Открылась дверь, и в царские покои вошел мужик совершенно зверообразного вида, коего протопоп до сих пор в Лефортовском дворце не встречал.

Царь же ласково обратился к страшилищу:

– Федя, ты сможешь переломать этому хмырю все кости, но аккуратно, чтобы не помер?

– Хлипкий он какой-то, – с сомнением протянул вопрошаемый, закатывая рукава, – но я, с твоего позволения, государь, все-таки попробую.

Пряхин благоразумно решил не доводить дело до крайностей, и вскоре состоялась первая после болезни исповедь молодого императора. Выглядела она так.

– Грешен, – начал Петр, – ибо прелюбодействовал. Само собой, мысленно. С кем именно – не твое дело. Далее. Ругался матом. Это уже вслух, глядячи на пьяную рожу некоего Пряхина. И, наконец, ни разу не простил ни одного своего врага. Более того, я сильно опасаюсь, что данный грех будет систематическим, так что ты это постарайся запомнить получше. На сегодня все, можешь начинать отпускать.

Андрей Константинович Нартов вышел из собора одним из последних. Бывший царский токарь, один из любимцев Петра, сразу после смерти своего патрона отправленный Меншиковым с глаз подальше, в Москву, наводить порядок на Красном монетном дворе. Потом Меншиков сам угодил в ссылку, столица вернулась в первопрестольную, но на судьбе Нартова это никак не отразилось. Он честно пытался выполнять порученное и даже начал рисовать эскизы гуртильного станка для насечки на ребрах монет. Хотя какие там станки! Отпущенного содержания не хватало даже на замену оставшихся еще со времен царя Алексея Михайловича мехов.

Тут его внимание привлекла несколько необычная пара. Первый был одет весьма дорого, а рожей напоминал разбалованного лакея кого-то из высшей знати. Второй имел одежку попроще, сам был сутул, широкоплеч, кривоног и страшноват на лицо. Так вот, эти люди шли прямо к нему.

Первый, подойдя, вдруг неожиданно поклонился, затем набрал полную грудь воздуха и отбарабанил, судя по его виду, выученное наизусть:

– Не вы ли, господин, будете знаменитым механиком Андреем Нартовым?

– Да, это я, а что у тебя ко мне за дело?

– Тебя... то есть вас, Андрей Константинович, приглашает на обед его величество Петр Второй. Прямо сейчас, вон, видите, его экипаж стоит, никуда не едет, вашу персону дожидается.

Действительно, царский возок, окруженный конниками из лейб-регимента, стоял саженьях в пятидесяти.

Нартов был удивлен. Ему довелось пару раз встречаться с нынешним царем, но давно, еще при жизни Петра Алексеевича, и никакого интереса к его станкам восьмилетний мальчик тогда не проявил. В Москве же молодого императора Андрей Константинович видел всего однажды, да и то издали. Да и сегодня рассмотреть толком не удалось – ведь стоял-то Нартов далеко не в первых рядах. Хотя это еще хорошо, что вообще в собор пустили.

Подойдя к командиру конников, первый из сопровождающих что-то ему шепнул, и солдаты чуть сдали в стороны, открывая дорогу к возку. Открылась дверь, и оттуда донеслось:

– Заходи, Андрей Константинович, да побыстрее, пока этот ящик совсем не

выступился.

Царя получилось узнать сразу, да и немудрено – в возке, кроме него, вообще никого не было.

– Здравствуй, – начал Петр, едва дверца за Нартовым закрылась. – Ты меня извини, что несколько лет назад в Петербурге не оценил я твоих творений. Что поделать – молод был, неопытен, неумен. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Так вот, задумал я дело, коего, кроме тебя, не потянуть вообще никому. Нужно построить завод, который будет делать станки. Чтобы не как раньше, когда ты своими руками по несколько лет делал один станок, а, наоборот, производились они штук по десять в год, да побольше, чем твои были. Одобряешь такую мою задумку?

– Конечно, государь, но сколько же денег на это уйдет? И как быть с монетным двором, там же еще работать и работать.

– Про деньги ты мне сам скажешь, когда все посчитаешь, а где их взять – это будет уже моя забота. Насчет же монетного двора... пока не знаю. С одной стороны, это дело тоже нужное, и без тебя там обойтись будет трудно. Давай договоримся так – поначалу он тоже останется на тебе, но ты начинай искать толкового механика, коему потом можно будет доверить это дело, когда работы по созданию завода не позволят тебе отвлекаться. Тем более что вместе с заводом придется строить еще и школу, где станут обучаться будущие мастера.

– Но все же: какие станки делать, для каких работ – кто это будет решать, государь?

– Первое время мы с тобой. А потом, бог даст, организуем что-то вроде Академии наук, но только технических. И тут уже от тебя будет зависеть, чтобы в ней сидели не одни немцы, как в той, что есть сейчас. Но ты не спеши, мы уже скоро приедем. Пообедаем, а потом я свои рисунки покажу, кои изобразил за время болезни.

Нартов смотрел на молодого императора со всё возрастающим изумлением. И дело было не в том, что он вовсе не ожидал от царя таких речей. Нет, Петр ему сильно напоминал кого-то хорошо знакомого, и наконец Андрей Константинович понял, кого именно. Да своего же великого деда! Причем даже не столько лицом, хотя и в нем имелось определенное сходство, сколько энергией и напором. И, что удивительно, голосом.

Встреча с Нартовым являлась одним из важнейших эпизодов в планах Сергея. Потому как его, конечно, многому научили в Центре, и теорию он знал очень неплохо. Но собранный на практических занятиях генератор мощностью в сорок ватт все же не давал достаточной уверенности, что подобное устройство, только в сто раз мощнее, ему удастся изготовить в восемнадцатом веке. Несмотря на то что модель была разработана специально для воспроизводства в тех условиях, не требовала иных материалов, кроме графита, дерева, меди, плохого железа, льняных ниток и рыбьего клея. Причем все работы Сергей сделал вручную – ножницами, напильниками и коловоротом. Получилось не так уж плохо, устройство проработало целых сорок минут, прежде чем развалиться.

Вообще-то изготовление генератора было одним из самых неоднозначных мест в программе. Некоторые предлагали сунуть в контейнер готовый, но после долгих обсуждений эта идея была оставлена, и вот почему.

Да, генератор потребной мощности будет весить всего три с небольшим кило, но ведь он неизбежно окажется очень высокооборотным, то есть потребуется еще и редуктор, а это плюс как минимум полтора килограмма. И значит, из-за лимита веса придется вообще отказаться от запасных деталей к управляющему контуру, что Саломатин считал в корне неверным. А вдруг что-нибудь сгорит? Даже необязательно в контуре, а в том же самом генераторе. Починить столь высокотехнологичный механизм в прошлом при всем желании не удастся. И следовательно, программа благополучно накрывается медным тазом. Нет уж, пусть Новицкий хоть несколько лет подряд строит там здорового уродца из местных материалов. И наплевать, что он будет весить в сто или даже двести раз больше, – наоборот, меньше вероятность, что его украдут. А сломается – те же мастера, что его делали, с теми же кувалдами и при помощи той же самой матери его быстренько починят. Высвободившийся же вес мы заполним деталями и инструментами для возможных ремонтов управляющего

контура, что сделает вероятность его успешного запуска почти стопроцентной.

Так вот, конструкцию этого изделия Новицкий и сам знал неплохо, и в планшетах имелись подробнейшие описания в нескольких вариантах. Но то все-таки была чистая теория, которая, как совершенно справедливо утверждала незабвенная преподавательница сексуальной культуры, суха без практики. Лучшим же практиком в начале восемнадцатого века несомненно был Андрей Константинович Нартов, сидевший сейчас напротив молодого царя.

И ведь действительно он первым изобрел то, что явилось чуть ли не главной основой происшедшей сто лет спустя промышленной революции: токарно-винторезный станок с суппортом, почти не изменившимся за следующие полтора столетия. Но, как это часто бывало и до, и после Нартова, изобретение кануло в Лету незамеченным. Два сохранившихся станка мирно пылились в запасниках музеев Санкт-Петербурга и Парижа, а повторил изобретение Нартова какой-то англичанин семьдесят лет спустя. Правда, его станок в отличие от нартовского не мог выполнять токарно-копировальных работ, но это не помешало тому, что вся слава досталась англичанину, и слово «суппорт» стало международным. Несмотря на то что этот узел в более совершенном исполнении изначально назывался «педесталец».

Нартов успел сделать удивительно много, несмотря на хроническое безденежье, преследовавшее его всю вторую половину жизни, то есть пришедшееся на самый пик творческого расцвета. И теперь, кроме чисто практической надобности в талантах Андрея Константиновича, Сергея просто по-человечески интересовал вопрос: а что сможет совершить этот неординарный инженер-механик, если вообще раз и навсегда оградить его от недостатка средств и непонимания власти предрекающей? Пусть даже в проекты придется вбухивать средства, соизмеримые со всем бюджетом России. Правда, от этого она наверняка лишится каких-нибудь архитектурных красот типа фонтанов Петергофа или Зимнего дворца, построенного при Екатерине Второй. Но лично он, его величество Петр Второй, Божией милостью император и самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, не видел в этом ничего хоть сколько-нибудь трагичного. Не баре, проживем и в Лефортовском дворце, тем более что по сравнению с двухкомнатной хрущевкой, где прошло детство нынешнего императора, или комнатой в общежитии Центра он все равно кажется непредставимо огромным. Хотя, конечно, у него тоже есть свои недостатки...

Может, и тут обратиться за помощью к Андрею Константиновичу?

В начале обеда, на котором, кроме них с императором, больше никого не было, Нартов чувствовал себя скованно. Прислуживал им все тот же лакей с наглой мордой, но он появлялся ненадолго и всегда предвещал свой приход осторожным стуком в дверь.

– Пока мы не начали говорить про станки, – повернулся к своему гостю царь, – позволь обратиться к тебе с просьбой. Не порекомендуешь ли какого-нибудь приличного слесаря-механика? Тебя на такую мелочь отвлекать неудобно, но ведь живу я тут просто как какой-то дикарь, прости господи. Вон, камердинер мой в дверь колотит, если хочет зайти, – куда это годится? Мы, чай, не эфиопы. Повесить какой-нибудь звонок, да нескольких тонов, чтобы я заранее знал, кто и зачем сюда ломится. И ответный тоже, дабы мне не драть глотку, а только дернуть за нужную веревочку, сообщая, допускается ли сейчас аудиенция или мое величество занято чем-то неотложным.

Нартов ненадолго задумался – такой вывод можно было сделать хотя бы потому, что он не глядя ткнул вилкой в суповую тарелку и не обратил внимания на отсутствие результата. Но не более чем через пару минут спросил:

– Государь, а обязательно это должны быть все веревочки, если ты хочешь слышать несколько разных звонков, – сколько именно, кстати?

– Восемь, – с интересом ответил император.

– Тогда можно будет сделать три крючка, некоторые из коих потребуются взвести, а потом дернуть за шнур, и получится нужный звонок. Ни одного крючка – первый, один, самый левый – второй, следующий с краю – третий, первые два – четвертый, и так далее,

всего восемь.

Сергей чуть не подавился крылом какой-то мелкой птички. Ну ни фиги же себе, человек вот просто так, между первым и вторым, додумался до двоичного кода! Или он знаком с трудами Лейбница? Но все равно тогда ему остается всего пара шагов до арифмометра. Но тут, пожалуй, придется на ходу менять план беседы. Потому как следующим пунктом в нем было пожаловаться на отсутствие во дворце санузла, причем сразу раздельного, на совмещенный Сергей насмотрелся еще в двадцать первом веке и не собирался повторять этого здесь. Однако теперь молодому человеку стало просто неудобно отвлекать Нартова на какие-то краны и унитазы. Ничего, пока и с ночным горшком перебежусь, тем более что он торчит уже не под кроватью, а в специально отведенной под это дело комнатенке. Пожалуй, тут можно рискнуть и замахнуться сразу на паровой привод, не связываясь со всякими плотинами. Тем более что гость уже перестал смущаться, освоился – вон как соображалка заработала!

– Здорово ты придумал, – покачал головой Новицкий. – Но делать это придется тому механику, про которого я тебя уже спрашивал. А вот про то, что я сейчас нарисую, надо размышлять уже нам с тобой.

Сергей отодвинул тарелку, взял бумагу, толстый карандаш из тех, что специально закупаются для царя и Совета в немецком городе Штайне, и начал рисовать, одновременно рассуждая:

– Для привода станков нужна энергия. Можно, конечно, поставить плотину.

Нартов кивнул.

– Но река – вещь такая, она человека не очень слушается. Весной так и норовит выйти из берегов и снести запруду, а в засушливое лето та же Яуза пересыхает почти до дна. И что тогда – сидеть, не работать, ждать дождей? Да и зимой напор может оказаться слабоват, а у нас в России зимы длинные.

– Несколько запруд надо ставить со шлюзами, – пояснил Нартов.

– Я хочу сделать по-другому. Вот, смотри.

Новицкий развернул бумагу, на которой уже был изображен эскиз паровой машины наподобие классической уаттовской, но немного попроще. Золотник у нее работал только на впуск, а выпуск происходил через отверстия, просверленные точно посередине цилиндра, и коммутировался рабочим поршнем.

На то, чтобы понять, как должно действовать изображенное на бумаге устройство, Нартову потребовалось минут десять.

– А ведь может и получиться, ваше величество, – с некоторым сомнением сказал он. – Но кто же это придумал – неужто ты сам?

– Не то чтобы совсем, но как-то так, – скромно потупил глаза Сергей. – Государь Петр Алексеевич, когда уже совсем больной был, на последнем свидании завещал мне найти ученого, который сможет придумать, как использовать во благо силу пара. А я про это почти забыл, но, когда сам заболел, вспомнил. И так мне стыдно стало, что устройство этой машины у меня в голове само возникло, осталось только сделать да посмотреть, как она работать будет.

Глава 8

Афоризм «Кто владеет информацией, тот владеет миром» придумал кто-то из Ротшильдов, и Сергей считал, что правильно. Правда, владение миром ему было совершенно ни к чему, для начала стать бы хозяином в своем дворце, но это означало только то, что ее, этой самой информации, требуется существенно меньше, чем для мирового господства. Однако все равно ведь ее надо где-то брать! Так где же?

Кое-что перепало от Ушакова, который недавно был озадачен сбором сведений о Верховном тайном совете. Про него он уже сейчас мог рассказать немало, но ведь в той же Москве есть еще много интересного, в этом Новицкий был убежден твердо. Кроме того, он

знал, что все яйца нельзя складывать в одну корзину. Значит, необходима еще какая-то служба, для начала чисто информационная, а там видно будет.

Всякий поиск чего-нибудь нужного следует начинать с внимательного взгляда: а не валяется ли оно прямо у тебя под носом? Ведь часто бывает именно так. Поэтому сразу после визита промышленника Баташева царь спросил у Афанасия, откуда тот узнал про этого человека. Главный камердинер помялся, но потом честно рассказал про сестру свекрови свояченицы.

– А чем она вообще занимается? – поинтересовался Сергей.

Ершов совсем стушевался и пробормотал, что бабка Настасья помогает людям в сердечных делах.

– Ворожея или сводница?

– Всего помаленьку, государь, – чуть воспрянул Афанасий, видя, что молодого царя занятия его родственницы несколько не смутили.

– Тогда ты ее как-нибудь на днях приведи сюда, но только незаметно. Сможешь сделать так, чтобы, кроме вас с Федором, об этом вообще никто не знал?

– Трудновато это будет, больно уж много тут всякого народа обитает. А вот если еще истопника Силантия в дело посвятить – тогда да, больше никто не прознает.

Бабка Настасья явилась во дворец следующим утром. Поначалу она не произвела впечатления на Сергея – физиономия глупая, да еще накрашенная, одежка весьма подержанная, но потом он присмотрелся. И тут же заподозрил, что макияж наложен не для повышения женской привлекательности – какая она к чертям может быть в шестьдесят с лишним лет и при фигуре, больше всего напоминающей бочонок. А именно для придания лицу небольшой придурковатости. Да и глаза были подведены так, чтобы скрыть хитрый прищур. Ну, посмотрим, что это за бабка-ворожея, подумал Сергей и начал:

– Настасья... как тебя по батюшке-то?

– Ивановна, государь.

– Так вот, Анастасия Ивановна, ты небось догадываешься, зачем я тебя позвал.

– Ой, да где же нам, с нашим-то скудным умишком? Ведь быть не может, чтобы ты захотел от старой бабы Насти в сердечных делах помощи, тебе же только мигнуть – и первые красавицы сюда толпой побегут, локтями толкаясь. Али будущее свое знать хочешь, чтобы я тебе его погадала?

– Ничего так, неплохо убогой притворяешься, – оценил Сергей. – А погадать тебе я и сам могу, причем без ошибки. Значит...

Новицкий воздел глаза к потолку, выдержал паузу и загробным голосом начал:

– Вижу! Вижу я всего три варианта будущего рабы божьей Анастасии, а никаких других там вообще нет. Первый – это если она раба божья и дальше будет валять дурачку. Тогда ее просто сейчас вышибут из дворца, и все. Но зато ежели она всерьез соберется служить молодому царю, то ждут ее деньги большие, звания высокие да милость царская. Ну, а коли она всего этого не оценит и захочет чего-нибудь на стороне, то прикопают бабушку, да так, что и я не буду знать, где именно. И как тебе мое гадание?

– Отменно, государь, тебе сейчас сам Нострадамус позавидовал бы. Думаю, поняла я, какой службы ты от меня хочешь, но все же лучше сам это скажи, своим царским словом.

– Хм, не такая уж это и простая задача, но попробую. Итак, я вообще-то любопытный. И если меня что заинтересовало про кого угодно, то должен быть человек, который быстренько все разузнает, проверит и мне расскажет. Но это даже не полдела, а скорее только треть его. Тот человек сам должен соображать, что именно будет мне интересно, что может принести пользу, а что вред. И разузнавать все это, не дожидаясь специальных указаний. Наоборот, регулярно докладывать, что вот такие-то люди вроде как что-то задумали, и не вышло бы чего худого, если это так оставить. Разумеется, если видится не худое, а хорошее, то про это тоже докладывать надо. Возьмешься за такое дело?

– Ох, и куда же я, старая, денусь...

– Я не неволю, откажешься – ничего тебе не будет, даже рубль дам за беспокойство. Ну, а раз этот рубль тебе не нужен, то, может, сама скажешь, что за вопросы у меня есть прямо сейчас?

– Так ведь ответы я знаю не на все три, а только на первый и последний.

– Вот те раз... а как ты догадалась, что вопросов будет именно три?

– Мы с тобой, государь, всего ничего разговариваем, а ты уже и предсказание свое на три части поделил, и пожеланий было три, если в них вдуматься. Вот я и подумала – вопросов тоже будет три. Первый – что за человек этот твой Афоня Ершов. Правильно я решила или глупость сморозила?

– Бабуль, не приbedняйся, глупости ты говоришь, только когда сама хочешь. Правильно. А под номером два у нас что?

– Чего не ведаю, государь, того не ведаю. Я ведь сказала, что не знаю ответа, а про то, что и самого вопроса тоже, сказать не успела, а ты не спросил.

– Интересно, – хмыкнул Сергей, – тогда озвучь, пожалуйста, третий вопрос. И сразу можешь на него отвечать.

– Неясно тебе, откуда мне известно про Нострадамуса. Так ведь я не всегда была такой старой да страшной, как сейчас. Почти сорок лет назад это было, сам Яков Вилимович Брюс на красоту да пригожесть мою обратил внимание и взял в услужение. Кто он такой, тебе ведомо?

– Анастасия Ивановна, не надо подозревать меня в совсем уж дремучем невежестве. Знаю я, кто это такой. Кстати, правду про него болтают, что он чернокнижник?

– Врут, государь. И я даже сказать могу, кто те слухи распускал и зачем, если велишь.

– Ладно, это когда-нибудь потом, если вдруг свободное время появится. А ты, значит, была у него не только в услужении, но и...

– Да, и постель с ним делила, и ума-разума от него набиралась.

– Видно, что неплохо набралась, – улыбнулся Новицкий. – Где сейчас Брюс, не знаешь?

– Как преставился Петр Алексеевич, так Яков Вилимович подал в отставку со всех постов и уехал в свое имение Глинки, что верстах в сорока от Москвы. Переживал он сильно, сразу постарел. Я его с тех пор и не видела.

– Спасибо, будем иметь в виду. Ну, а теперь, значит, ты мне расскажи про моего главного камердинера. Что он за человек, семья у него какая, что любит, чего нет, в чем силен, а в чем слаб. Потом все то же самое про брата его, Федора. Подробно, на это мне времени не жалко. Итак, я слушаю.

Разговор с родственницей главного камердинера затянулся почти до обеда. Сначала были рассмотрены со всех сторон особенности личности и привычки Афанасия Ершова, потом его ближайших родственников и отдельно брата Федора. Когда эти сюжеты оказались исчерпаны, дошло дело до второго вопроса, которого бабка угадать не смогла. Он, в общем, был аналогичен первому, но только относительно поручика Губанова, командира того взвода, что сейчас осуществлял непосредственную охрану императорских покоев. Вот тут Анастасия Ивановна сказать почти ничего не смогла, потому как Семеновский полк появился в Москве прошлым летом. Но заверила императора, что подробно все разузнать будет и нетрудно, и недорого. После чего, получив на текущие расходы двадцать пять рублей, отправилась выполнять задание. К некоторому облегчению молодого императора, потому как если бы выяснилось, что она и про поручика знает хотя бы половину того, что смогла рассказать о семье Ершовых, то беседа затянулась бы еще как минимум на час. Что не вызывало у Сергея особого энтузиазма, потому как есть ему хотелось уже с середины описания привычек жены Афанасия.

Сколько Новицкий себя помнил, наестся так, чтобы больше просто не лезло, ему удалось всего несколько раз в жизни. Да и то это было в далеком детстве, пока мать еще окончательно не спилась. В Центре же вообще все курсанты сидели на строгой диете,

назначением которой было не допустить у них ни малейшего лишнего веса. Потому как лимит массы подразумевал – лишний килограмм курсанта обойдется недостающим в оборудовании, а его и так приходилось закладывать гораздо меньше, чем хотелось бы руководству. А уж когда Сергей выразил желание при перемещении в восемнадцатый век занять место Петра Второго, ему еще подкорректировали рацион, чтобы к моменту замены он больше походил на умирающего.

И вот теперь, лишившись всех ограничений в области еды, Новицкий ничего не мог с собой поделать, хоть и сознавал, что он последнее время не ест, а скорее жрет, причем как минимум за двоих. Впрочем, ничего особо страшного молодой человек в этом не видел. В конце концов, пора набирать вес, а то ведь что это за цифра – пятьдесят шесть килограммов в без двух месяцев восемнадцать лет! При росте метр семьдесят шесть.

Сергей вздохнул, вспомнив недавнее прошлое. На занятиях по сексуальной культуре рядом с партнершей он смотрелся едва ли не бледной немочью, несмотря на то что физподготовке в Центре уделялось большое внимание. А все диета, придуманная этими живодерами! Ничего, тут он быстро станет похож на мужчину. Да, но где же здесь взять женщину, хоть отдаленно напоминающую навсегда утраченный идеал? Увы, в эти времена таких еще не бывает. Ладно, что уж тут поделаешь, а сейчас пора подавать сигнал, чтобы накрывали на стол.

Новицкий сунул два пальца в рот и переливчато свистнул. Система звонков еще не вышла из стадии разработки, так что пока приходилось пользоваться вот такой звуковой сигнализацией. Услышав в ответ два коротких свистка, что означало «все поняли, государь, обед сейчас будет», император повязал вокруг ворота салфетку и уселся за стол.

Вскоре в покои зашла обеденная процессия. Возглавлял ее Афанасий, гордо несший свернутый в трубочку лист бумаги. Потому как Сергей помнил свою растерянность на первом нормальном обеде, когда ему принесли уже не бульон, а нечто куда существеннее и в серьезных количествах. Кое-что было просто вкусно, кое-что не просто, а очень, пара же блюд показались оголодавшему императору совершенно бесподобной. Но он не знал названия ни одного кушанья из тех, что съел! Потому что специальной гастрономической подготовки в Центре не было.

Поэтому теперь к обеду обязательно прилагалось меню, которое и нес главный камердинер, а за ним три простых тащили подносы с тарелками, мисками, горшочками и кувшинами. Каждая емкость была снабжена ярлычком с номером, соответствующим поименованию данного блюда в меню.

Сергей развернул бумагу. Ага, номер первый – «вода брусничная, из малых мороженных ягод сделанная с особым тщанием по вологодскому образу». В графе «снял пробу» красовался отпечаток пальца, а рядом имелась приписка «мл. кам. Васька Нулин, грамоте не понимает». Ведь теперь все блюда пробовались дежурной сменой непосредственно перед дверью в императорские покои, а то мало ли что.

Так, прикинул Сергей, начнем мы с чего-нибудь другого. Например, с номера шесть, в описании которого длинно, невразумительно, но зато очень аппетитно говорится про молочного поросенка.

Новицкий облизнулся, но тут в голову закралась тревожная мысль. Блин, ведь скоро великий пост! Это что, придется почти два месяца подряд питаться одной ботвой? Да так все планы по улучшению фигуры пойдут псу под хвост. Нет, с этим надо срочно что-то делать. Впрочем, срочно – это не значит в спешке и необдуманно, время еще есть.

Ближе к вечеру во дворец явился Кристодемус – по договору с императором он теперь еженедельно приносил очередной взнос, равный одной трети от доходов за подотчетный период.

– Триста восемьдесят рублей, государь, – поклонился маг и целитель.

– Доходы помаленьку падают, – хмыкнул Новицкий, – а что это означает? Да то, что сливки в Москве ты уже снял, и теперь пойдет обычная работа, без сверхприбылей. Однако в

Петербурге, хоть он уже и не столица, все равно живет достаточно знатных и богатых людей, озабоченных улучшением своего здоровья. Некоторые даже засобирались в Москву, но тут лучше сделать наоборот. То есть не они к тебе, а ты к ним. Сегодняшний же взнос можешь оставить себе на дорогу, но попутно с твоей основной работой тебе там придется выполнить и одно мое задание.

– Какое, ваше величество?

– Если по самому минимуму, то несложное. Нужно посетить Академию наук, письмо, чтобы к тому не чинили препятствий, я тебе дам. В той академии есть оптические увеличительные приборы, именуемые микроскопами, для разглядывания невидимых глазу мелочей. Один, подаренный голландцем Левенгуком моему деду, Петру Алексеевичу, и еще несколько, сделанных русским мастером Иваном Беляевым. Минимальное задание состоит в том, чтобы выбрать из них наилучший и привезти его в Москву, не попортив по дороге.

– Это нетрудно, государь, но ведь слово «минимум» означает «наименьший». Мнится мне, что ты хочешь еще чего-то, а не только наименьшего. Если это так, ты правильно решил, к кому обратиться: мои способности велики и разносторонни.

– Да, насчет последнего я уже заметил. Ладно, слушай дальше. Давно, когда мне еще и десяти лет не было, а государь, дед мой, пребывал во здравии, дал он как-то раз посмотреть мне в микроскоп, сделанный Левенгуком. И увидел я в этот прибор, что даже в капле воды обитают во множестве мельчайшие живые существа, причем не одного вида, а разные. А недавно задумался: раз они живут в воде, так мы, ту воду выпив, получаемся, их проглатываем? Вот представь себе, что ты поднатужился и проглотил живую крысу. Что с тобой будет?

– Беда, – поежился Шенда. – Одна надежда, что она сдохнет быстро. Но перед смертью, тварь такая, может мне здорово нутро попортить. Так ты, ваше величество, думаешь...

– Вот именно. Вдруг среди этих тварюшек есть такие, что могут внутри человека не только жить, но и множиться? Они же ему изнутри все кишки сожрут. А если в крови заведутся, то это даже и представить страшно. Вот я и хочу, чтобы ты сей домысел проверил. Сможешь – заплачу столько, что тебе станет просто неинтересно заниматься частной практикой.

– Помочь страждущему мне всегда интересно, государь.

– Ясно – значит, брать с них начнешь в десять раз больше. Но меня это не очень волнует в отличие от результата опытов с мельчайшими существами, кои, кажется, называются микробами.

– Все исполню, ваше величество, в лучшем виде.

Только что высказанное предложение было сделано именно Кристодемосу, ибо он показался молодому императору наиболее сообразительным из трех медиков, знакомых ему в этом мире. Сама же беседа была затеяна в преддверии грядущего завоевания Крыма, которое, хоть и не в ближайшем будущем, но все же собирался произвести Новицкий. Потому как иначе получается ерунда – у российского императора не будет резиденции в Крыму! Что есть моветон и вообще дискредитация верховной власти. Нет, без крымского дворца никак, только строить надо не там, где в другой истории его заложил Александр Второй, а в Коктебеле. За полгода до отправки в прошлое Центр устроил для своих курсантов недельный отдых на Черном море, и с тех пор Новицкий пребывал в твердой уверенности, что Коктебель – это лучшее место на земле. Правда, тот визит на море был первым в жизни Сергея. Но ведь не последним же, какие наши годы! А то, что тем замечательным местом пока владеют турки с татарами, есть историческое недоразумение, которое следует исправить, не откладывая дела в долгий ящик.

При чем тут микробы? Новицкий знал, что во всех крымских походах основные потери русской армии происходили не от неприятеля, а от болезней, отчего завоевание чудесного полуострова и затянулось более чем на полвека. А молодой царь вовсе не хотел ждать столь долго.

Глава 9

Возок подпрыгнул на обледенелом ухабе, и Андрей Иванович Остерман поморщился от боли в колене. По уму так ему следовало лежать, растерев больную ногу настойкой боярышника, замотав ее специальной шалью из собачьей шерсти, а внутрь приняв крепкой медовой микстуры. Но приходится ехать в Лефортовский дворец, где молодому государю ну никак не сидится спокойно. Хотя в глубине души Остерман чувствовал какое-то не совсем понятное облегчение.

В то утро, когда к умирающему Петру вроде бы явился ангел – во всяком случае, про него говорили два человека, – а сам царь вдруг ожил, Андрей Иванович испугался. Ему почему-то показалось, что в тело мальчика вселилась душа его великого и грозного деда. Он даже обратился к владыке Феофану с просьбой объяснить, может ли быть такое. Однако архиепископ совершенно определенно сказал, что это очень даже вряд ли. Потому как ангел может забрать отлетевшую душу, это да. Но то же самое позволяет и диаволу, если она душа при жизни тела вела себя небогоугодно. По прямому попущению Господню ангелы иногда возвращали недавно отлетевшие души, но исключительно в их собственные тела. А вот чтобы засунуть туда чью-то чужую душу – такое им не по силам, и нечистому тоже, это может сделать только сам Господь. Но за всю писаную историю христианства таких случаев не было.

Однако успокоили Остермана не столько речи епископа, сколько само дальнейшее поведение молодого императора. По докладам верных людей из дворца получалось, что тот после болезни ведет себя как испуганный мальчишка. Сидит в своих покоях, почитай, безвылазно, окружив их специально вызванными семеновцами, и почти не кажет носа наружу. Заходят к нему только три ближних слуги во главе с Афонькой Ершовым, да брат его Федор. И Миних, но с этим понятно – именно ему император поручил охрану своей особы. Правда, недавно во дворец был вызван известный механик Нартов, но доверенному человеку удалось разузнать за чем. Оказывается, царь поручил ему сделать какие-то хитрые звонки, чтобы можно было отдавать приказы лакеям, вообще не выходя из опочивальни.

Понятно, подумал тогда Остерман, выюноше было отчего испугаться. Мало того что глянул в лицо костлявой, так вдруг выяснилось, что в это время друг и невеста плели какой-то заговор! Вот он и вспомнил про Миниха да приказал ему окружить свою особу верными солдатами.

Однако сегодня утром молодой император вдруг не ко времени осмелел. И тут же сморозил глупость, правда, не самую большую из тех, что мог. Взял да и послал письменное повеление, чтобы Екатерину Долгорукову отправили в ссылку не в Березов вместе с Иваном и Василием, а поближе. В Нижний Новгород или даже в Ярославль.

Хорошо, хоть не всему тайному совету, принявшему решение о ссылке, а конкретно ему, Остерману. И вот теперь Андрей Иванович вынужден вместо отдыха после почти трехнедельных баталий в Совете тащиться через всю Москву в Лефортово, дабы объяснить молодому императору всю неуместность его несурзных порывов.

Потому что государь, конечно, может время от времени являть монаршую милость. К вора, разбойникам, даже к сдуру болтающим запретное. Но только не к людям, покушавшимся на трон! Такое уже случалось в истории и всегда кончалось тем, что проявивший глупую человечность царь лишался того самого трона, причем вместе с головой.

Хотя на самом деле вице-канцлер столь спешно отправился к молодому императору не только из соображений государственной необходимости.

Он подозревал, что у Петра все-таки остались теплые чувства к этой девице, которая, по сведениям из заслуживающих доверия источников, была у него первой. И тогда ее нахождение в пределах досягаемости может привести к тому, что Петр вновь станет с ней встречаться. А уж чего она в этом случае наплетет государю про Остермана, гадать не надо: ведь именно он ее и допрашивал.

Сергей глянул в окно – ага, это, кажется, Андрей Иванович приехал. Быстро, буквально

сразу после получения императорского письма, наплевав на свои болячки. Говорят, что дурная голова ногам покоя не дает, но в данном случае это не совсем так. Не дурная, а слишком хитрая! Надо же, смог повернуть дело так, что решение о ссылке Долгоруковых продавливал в основном Головкин. Голицыны ему помогали, а Остерман тут якобы и вовсе только рядом стоял, сокрушаясь о всеобщем ожесточении нравов! Хотя на самом деле был в этом вопросе едва ли не самым заинтересованным лицом. Кроме царя, разумеется, но вот уж этого-то точно никто не знал.

Ну, а получив царскую бумагу, Андрей Иванович впал в нешуточное беспокойство – как и задумывалось. Ибо сразу понял, чем лично для него чревато пребывание Екатерины в пределах доступности для императора. И это ему настолько не понравилось, что он кинулся в Лефортово, не подумав, что стучат оттуда не только ему. У того же Головкина осведомителей здесь ничуть не меньше, а вчера бабка Настасья сообщила, что старший помощник мажордома работает на Алексея Григорьевича Долгорукова. В общем, очень скоро все, кому надо, узнают: молодой царь хотел проявить милость к своей бывшей невесте, но не дал ему этого сделать именно Остерман, который как раз сейчас с трудом вылезает из своего возка. Все равно его пришлось бы приглашать сюда, но ведь выдергивать больного человека из постели нехорошо. Нет уж, пусть он это сделает сам, по своей инициативе.

Дело было в том, что грызня в Совете явно подходила к завершению, после которого должно было последовать длительное затишье. И значит, Андрей Иванович наверняка вспомнит о своих обязанностях царского учителя. А оно нам надо? Да не так чтобы очень, честно говоря. Причем, что интересно, и ему тоже – зачем же зря напрягать больного. В конце концов, Петр и до болезни считал себя вполне образованным человеком, не скрывая своего мнения от учителя. Мол, читать он уже умеет, писать тоже, причем делая ошибки довольно редко, не чаще, чем через три слова на четвертое, а для расстановки запятых есть секретари. Неплохо складывает и вычитает, знает о существовании таблицы умножения – чего еще надо?

В общем, Сергей собирался, вздыхая, выслушать нотации по поводу своего письма и, понутив голову, согласиться с ними. А потом сообщить, что изучение им естественных наук можно считать законченным. Вместо них же следует обратить особое внимание на Закон Божий, постижению которого он, Петр, к стыду своему, до сих пор уделял совершенно недостаточное внимание. Так что пусть Андрей Иванович найдет ему самого лучшего учителя, ибо протопоп Пряхин, конечно, хороший духовник, но не блещет ни особой образованностью, ни мало-мальски заметным красноречием. Вот, например, владыка Феофан очень прочувствованно вел службу в Успенском соборе. Неужели он откажется просветить императора?

Потому как армия, которую сейчас представляет при императорской особе Миних, – сила, конечно, серьезная, но грубая. Иногда же предпочтительнее бывает действовать тонко, чтобы не всякий сразу мог разобратся, откуда вообще что исходит. И тут поддержка духовенства окажется очень кстати. Ну, а для общей завершенности картины можно предложить церкви взять под опеку конфискованное у Долгоруковых имущество – мол, это будет по-божески. Вряд ли Совет рискнет выступить против, но соответствующие чувства, разумеется, затаит. Если же жадность возобладаст над осторожностью, получится и вовсе замечательно. Вперед, господа, на борьбу с опутавшим Россию поповским мракобесием! На этом скользком пути и не такие, как вы, ломали шеи. Правда, церковь после реформ Петра Первого уже не та, но ведь должны же в ней сохраниться люди, желающие реванша! А он, его императорское величество Петр Второй, с удовольствием понаблюдает за столь интересным представлением, раз уж на Руси пока нет ни кино, ни даже цирка.

Визит к царю оказался не очень продолжительным. Видимо, Андрею Ивановичу удалось сразу подобрать достаточно убедительные слова, с которыми молодой царь вынужден был согласиться. Да и само решение о смягчении участи Екатерины было, похоже, не плодом глубоких размышлений, а всего лишь следствием юношеской горячности, а также

телесных соблазнов, кои, кажется, потихоньку начали одолевать Петра по мере отступления болезни. То-то он уже посылал своего камердинера к какой-то известной своднице. Это не страшно, но наводит на определенные размышления. Мальчик потихоньку становится мужчиной, и, значит, около него скоро обязательно должна появиться женщина. Независимо от тех девок, что предоставит ему сводница. И эта женщина должна испытывать теплые чувства по отношению к нему, Андрею Ивановичу Остерману.

Самое интересное, что искать ее не надо, она и так известна. Царь к ней относится хорошо, она к нему тоже, и при этом не замешана ни в каких интригах против вице-канцлера. И, что просто замечательно, стараниями Долгоруковых уже больше года сидит безвылазно в своем имении, не помышляя продолжить отношения с юным императором. Но ведь ей вряд ли нравится такое положение дел, а поможет его порушить именно Остерман! Да, решено – сразу же по прибытии домой следует написать письмо цесаревне Елизавете Петровне. И не слишком важно, что она молодому царю родная тетка да на шесть лет его старше. В постели это не помешает, скорее наоборот – ведь Долгорукова небось по младости лет толком ничего и не умела. Опять же по красоте и обаянию Елизавета ее заметно превосходит. Если же отношения между теткой и племянником станут настолько тесными, что он вновь задумается о свадьбе, то только от поведения цесаревны будет зависеть позиция Остермана по этому вопросу. Ведь одно время Голицыны уже собирались устроить помянутый брак и даже заручились согласием церкви, но тут влезли Долгоруковы со своей Катькой и все им испортили.

Однако вице-канцлер имел основания быть довольным недавно завершившимся визитом не только из-за благополучно разрешенной ситуации с бывшей царской невестой. Ведь потом удалось повернуть разговор на Миниха и даже, кажется, зародить у царя сомнения в правильности своего выбора. Причем с умом, не возводя на генерал-аншефа кляуз, а, наоборот, всячески нахваливая его верность. Мол, для охранения императорской персоны это первейшее качество, а изощренный ум тут ни к чему, он только повредил бы в случае своего наличия. И если Миних будет советовать какую-нибудь дурость, продолжал Андрей Иванович, то ты, государь, его прости. Не каждому Господь дал государственный ум, уж мы-то с тобой это хорошо понимаем.

И похоже, красноречие вице-канцлера не пропало втуне – император с интересом глянул на собеседника, а потом покивал, соглашаясь. Но успокаиваться рано – ведь на самом деле генерал-аншеф, конечно, солдафон солдафоном, но вовсе не дурак. Значит, надо сделать так, чтобы царь время от времени слышал не самые лестные характеристики своего нового фаворита, и не только от него, Остермана. Поэтому в письмо Елизавете не помешает вставить кусок о том, что ее приглашение в Москву не вызовет восторга у Долгоруковых, а потом как бы невзначай приплести туда и Миниха. Но он, вице-канцлер, берется сделать так, чтобы эти люди не смогли повредить цесаревне. Однако только этого может оказаться недостаточно.

Надо подумать, через кого намекнуть Миниху, что его деятельность на посту правителя Санкт-Петербурга вызвала недовольство Елизаветы. Глядишь, после этого он сам скажет Петру о ней что-нибудь не очень комплиментарное. Чем только уронит себя в глазах императора – если, разумеется, такие речи будут произнесены в нужное время. Но тут уж Андрей Иванович постарается, чтобы получилось именно так.

За всеми этими размышлениями дорога до дома пролетела незаметно, и вскоре Остерман, поддерживаемый подскочившим дворецким, уже поднимался в свои покои. Ничего, что нога разболелась пуще прежнего, – дело того стоило, а сейчас можно будет приступить к лечению. Жалко, что Шенда уехал в Петербург, наверняка он смог бы помочь в отличие от Блюментроста или Бидлоо. Правда, после исцеления государя, к которому еще неизвестно, имел ли он отношение, этот мерзавец стал брать с пациентов втрое больше, но ведь вряд ли у него хватило бы дурости распространить оное правило и на вице-канцлера.

Молодой император тоже был доволен только что завершившейся встречей. Остерман

повел себя предсказуемо, что означало возможность достаточно точно прогнозировать его дальнейшие действия. Правда, в полной мере он ожиданий Сергея не оправдал – то же очернение Миниха можно было провести и тоньше. Впрочем, ведь Андрей Иванович самоучка, а у Новицкого были весьма квалифицированные преподаватели, в течение полугода три часа в неделю читавшие ему курс исторической интриги. Кстати, в порядке одного из первых заданий ему предложили разобрать с этой точки зрения фантастическую повесть Стругацких «Трудно быть богом». Раньше Сергей ее не читал, и она ему понравилась, несмотря на наивность. Было очень жалко Румату – сам-то он парень неплохой, но что же за долбодятлы его готовили, просто слов не хватает! Кое-как научили махать мечами да обращаться с синтезатором денег и решили, что больше для успешного вживания в чужой мир ничего не понадобится. Ладно, не ознакомили своего курсанта с основами интриганства, что он сам понял в процессе общения с доном Рэбой. Хотя, конечно, это очень серьезный прокол. Но ситуация с донной Оканой – она же вообще за гранью добра и зла!

Неужели при подготовке прогрессора сэкономили даже на курсе сексуальной культуры? Руки его наставникам за это оборвать по самую задницу, из которой они, вне всякого сомнения, и росли. «Да уж, – признал Сергей, – как бы я ни относился к Центру, но готовили там меня на совесть, не считаясь с расходами. В общем, осталось только посмотреть, кого мне подсунут в качестве основной подружки». Однако вряд ли это будет кто-нибудь кроме Елизаветы. Не самый лучший вариант – Новицкий видел ее на одной из записей, и особого впечатления она на него не произвела, хотя на видео оказалась несколько привлекательнее, чем на портретах. Может, и в самом деле обратиться к Анастасии Ивановне с просьбой слегка помочь ему еще и по ее прямой специальности? Чтобы не провоцировать у Остермана сомнений в его проницательности. Пусть и дальше действует как сейчас, то есть без особых вывертов. Хотя, конечно, мужик силен – ведь ему не доводилось читать мемуаров Витте. А Сергею пришлось, причем от корки до корки. В качестве примера того, как надо мешать с дерьмом всех, про кого пишешь, даже если и применяешь при этом почти исключительно хвалебные эпитеты. Хм, ведь действительно Андрей Иванович чем-то здорово напоминает Сергея Юльевича! Да и фамилии, если задуматься, тоже отличаются не очень сильно.

Стоп, осадил себя Новицкий, сейчас не время предаваться ксенофобии, от которой недалеко и до антисемитизма. Хорошо, хоть владыка Феофан в этом смысле не вызывает никаких подозрений. Потому как выбрал его молодой царь вовсе не из-за глубоких знаний или проникновенной риторики. Подобного он наслушался еще в двадцать первом веке от своего преподавателя основ православия. И раз уж все равно придется повторить курс, ибо церковь на данном этапе необходимо сделать своим союзником, – пусть уж это будет в исполнении квадратного курносого мужика с круглой ряхой и без всяких признаков картавости в речи. Для разнообразия, чтобы не так тянуло в сон на занятиях.

Глава 10

Итак, на пятой неделе пребывания Сергея в новом мире можно было сказать, что задача номер один выполнена. Царь исцелился, у него заметно изменился характер, но это не вызвало никакого ненужного ажиотажа. Потому что именно тем, кто хоть что-то знал, обновленный император был заметно выгоднее своей предыдущей инкарнации. Даже Остерману, не говоря уж про Миниха, а тем более небольшого коллектива вдруг резко поднявшейся вверх челяди, руководимого Афанасием Ершовым. Кроме того, Семеновский полк, ранее пребывавший в каком-то полуподвешенном состоянии – вроде и гвардия, но до тех же преобразенцев, ой, как далеко, – приобрел вполне приличный статус царского караульного. На всякий случай Сергей озадачил бабку Настю вопросом: а не вызвало ли такое положение дел зависти у преобразенцев? И вскоре получил ответ: пока нет. Нечему тут особо завидовать. Жалованье у семеновцев не увеличилось, особых карьерных перспектив тоже не появилось, зато теперь им приходится всерьез нести караульную службу.

Совсем зажрались, подумал тогда Сергей. Ишь ты, жалованье не увеличилось. А что платить его стали вовремя – это как? И ведь ему, императору, было не так просто найти деньги на это. Караульная же служба семеновцам тоже понравилась. Потому как где они жили раньше и где живут теперь – никакого сравнения. А учитывая, что дворян среди них почти втрое меньше, чем в Преображенском полку, да и те сплошь мелкопоместные, это очень важно. Опять же кормежка немного улучшилась, чем люди тоже довольны, ибо у большинства из них нет возможности столоваться по дорогим кабакам.

Теперь, не прекращая усилий по повышению уровня жизни личного состава, следовало заняться улучшением боевой подготовки. Ведь времена, когда только что созданная гвардия действительно была лучшим в России войском и не вылезала из боев и походов, уже прошли. Сразу после смерти Петра Первого начался процесс превращения ее в сборище привилегированных бездельников, будущей движущей силы дворцовых переворотов. Пока он шел в основном в Преображенском полку, но кое-какие негативные тенденции просматривались уже и в Семеновском. В частности, там сейчас оставалось не так уж много солдат, действительно умеющих стрелять. Именно этим Сергей и решил заняться в первую очередь.

У императора, да к тому же совсем молодого, должны быть какие-то любимые развлечения. Это настолько очевидно, что никогда не вызывало вопросов. Петр Второй до болезни больше всего любил охоту, но не будет ничего удивительного, если после выздоровления его пристрастия изменятся. Лишь бы вовсе не забросил игрушки – вот это покажется подозрительным и даже тревожным. А так – ну не рекомендуют ему сейчас врачи бешеных скачек по полям и оврагам, вот он и найдет себе новое развлечение: палить с солдатами из ружей да смотреть, как они ходят в штыковые атаки. А чтобы самим солдатам это не казалось какой-то повинностью, надо ввести специальные полевые доплаты к жалованью, пусть пока и совсем небольшие.

Потому как для поддержания уже имеющихся навыков стрельбы надо жечь как минимум десять патронов в неделю, Сергей это знал на своем опыте. Причем только для поддержания ранее достигнутого уровня, а для нормального обучения требуется как минимум в десять раз больше и не меньше месяца подряд.

Вводить же какие-то новшества в вооружение Новицкий пока не собирался. В свое время, еще в будущем, у него появились мысли о производстве пуль типа жакана или турбинки Майера, но преподаватель огневой подготовки быстро спустил курсанта с небес на землю.

– Думаешь, наши предки ими не пользовались, потому что были тупые, а придешь ты, такой умный, и сразу дальность стрельбы повысится в два раза, а точность – в четыре? Держи карман шире. Для эффективного использования таких пуль нужно соблюдение двух условий. Первое – выдержанное с точностью до десятой доли миллиметра соотношение между калибром пули и ствола. То есть пули придется лить для каждого ружья индивидуально, они тогда отличались от образца к образцу больше, чем на миллиметр. Но это еще полбеды. Второе условие – зарядание с казенной части. Потому что косые насечки на пуле должны пройти по стволу с хорошим трением – только тогда такая пуля приобретет вращение. В воздухе они лишь немного подкручивают ее, и все. А при зарядании с дула ты своими руками деформируешь пулю как раз так, что при выстреле никакого особого трения не будет. Единственное, что может дать какой-то эффект, – это взять обычную круглую пулю диаметром заведомо меньше, чем внутренний у ствола, и тонким шурупом привернуть к ней толстый войлочный пыж. Однако и тут овчинка не стоит выделки – прицельная дальность возрастет процентов на двадцать, зато скорострельность упадет вдвое. На следующее занятие принесу фузею, сам убедишься.

Новицкий хорошо понимал: если он в прошлом хочет хоть сколько-нибудь спокойной жизни, с гвардией нужно что-то делать. Потому как иначе придется сидеть как на иголках, а

чуть отвлечешься – и получится как с Анной Леопольдовной или Петром Третьим. И как в таких условиях хотя бы выполнять задание Центра, не говоря уж о собственных планах?

Самым простым и очевидным было лобовое решение: самому во главе гвардии отправиться на первую же войну и там эту самую гвардию положить. Правда, ближайшая война ожидается только через три года, но это еще ничего. Однако скакать куда-то сломя голову с шашкой наголо во главе атакующих войск?! Извините, это не наш метод, так недолго склеить ласты и без всяких заговоров.

Поэтому у Новицкого были иные планы. Первым пунктом в них значилось – сделать службу в Семеновском полку неприемлемой для богатого дворянства, но зато привлекательной для дворянства беднейшего и простого народа. Чтобы вместо единой гвардии получилось две, не питающие друг к другу никаких теплых чувств. Это уже потихоньку начало выполняться, и значит, пора приступить к пункту два, основывающемуся на том, что бог любит троицу. Ведь кроме двух гвардейских полков и промежуточного конного формирования, именуемого лейб-регентом, существовала еще и так называемая кавалергардия.

Создана она была шесть лет назад как почетный конвой по случаю коронации Екатерины Первой, а сразу после этого события Петр ее быстренько расформировал. Потому как хорошо понимал, что от подразделения, в котором собраны сливки питерской знати, не может быть никакого толку, кроме разве что головной боли, но влетит оно ох, в какую немалую копейку. Однако его супруга была столь очарована бравым видом кавалергардов, что, едва взойдя на престол, тут же сформировала эту шарашку обратно. Предшественнику Сергея было не до нее, так что кавалергардия существовала и сейчас. В той истории, где после Петра Второго воцарилась Анна Иоанновна, она первым делом разогнала это сборище. Ну, а у Новицкого были свои планы. Нет, разогнать-то, конечно, придется, только не сразу. Сначала нужно передислоцировать кавалергардию из Петербурга в Москву, чему она будет только рада, ибо Питер сейчас не столица. Затем подтвердить положение, при котором император является капитаном кавалергардов, тем более что его никто и не отменял. После чего создать вновь прибывшим искусственные преимущества перед преображенцами и скромно отойти в сторонку.

Таким образом, гвардия окажется поделена уже на три части. Первая не имеет особой привлекательности для знати, потому как в ней довольно строгие порядки. Она несет караульную службу в Лефортовском дворце, а почти все оставшееся время тратит на боевую подготовку. Это Семеновский полк. Вторая часть – Преображенский полк, которому вскоре придется впасть в беспокойство из-за прибытия в Москву третьей части, то есть кавалергардии. Таким образом, в верхних эшелонах власти воцаряется если не благолепие, то по крайней мере равновесие.

Церковь разбирается с тайным советом – кто же все-таки будет опекать имущество сосланных Долгоруковых.

Преображенцы грызутся с кавалергардами. Лейб-регент пока изображает из себя что-то вроде резерва. Ведь Преображенским полком командует Василий Владимирович Долгоруков, и, если кавалергардам сразу придется туго, они этим самым резервом будут усилены. Иначе получится как-то нечестно по отношению к высшей петербургской знати.

А его императорское величество спокойно занимается своими делами, потихоньку принимая деньги от всех противоборствующих сторон. Пока наконец не усилится до такой степени, что сможет одним движением разнять эту грызущуюся свору и определить каждого участника склоки на заранее приготовленное для него место. Сергей считал, что достижение такой благодати к его официальному совершеннолетию, которое наступит через два года, вполне реально.

Однако одним из краеугольных постулатов курса исторической интриги являлось допущение возможности того, что все задуманное станет известно противнику. И значит, полагалось иметь хоть сколько-нибудь выполнимые планы и на этот крайний случай. В силу чего Сергею предстояло в ближайшие же дни сесть за написание своего грядущего указа «О

вольности сословий». Потому что, если хоть в церкви, хоть в Верховном тайном совете узнают, кто на самом деле является инициатором постигших их неприятностей, они мгновенно объединятся в желании немедленно скинуть с трона вдруг показавшего зубы императора. А уж кого и как сажать на его место – дело десятое. Хоть Анну Иоанновну, хоть ту же дочь Петрову, то есть Елизавету.

На такой случай Сергей не мог придумать ничего, кроме силового решения проблемы, но для его успешности требовалось хоть что-то обеспечивающее ему поддержку в достаточно широких слоях общества. С одним Семеновским полком много не навоюешь, а вот если на сторону императора встанут и прибывшие из Москвы кавалергарды, ситуация станет уже не такой проигрышной. Но надеяться на их лояльность только потому, что царь числится в той кавалергардии капитаном, не стоит. А вот если они узнают, что он хотел объявить вольность благородному дворянству, но Совет тому воспротивился, кавалергардам будет чем возмутиться.

Кроме того, в том же указе надо прописать и вольности солдат. Например, отслуживший десять лет волен выбирать – продолжать ли ему службу уже по контракту, то есть за сравнительно неплохие деньги, либо увольняться со службы в статусе посадского. Этот пункт сможет обеспечить Сергею поддержку в солдатских полках, расквартированных в Москве и неподалеку от нее.

А вот про крестьянство в этом указе должны быть только самые общие слова, причем в минимальных количествах. Ведь Новицкий вовсе не собирался доводить борьбу за трон до полномасштабной гражданской войны. Нет уж, если не удастся быстро разрулить кризис чисто армейскими операциями, придется эмигрировать. Например, в Америку, там можно будет очень неплохо устроиться.

Правда, в случае победы придется действительно издавать этот указ, да к тому же добиваться его исполнения, поэтому документ следовало составить так, чтобы все заинтересованные стороны в конце концов согласились, что он требует доработки. Это как раз никого не возмутит в силу младости и неопытности императора. И поручить работу никому нельзя, потому как утечка сведений допустима только в случае провала, иначе она сама по себе приведет к нешуточным неприятностям. Кроме того, следовало подумать о том, каким образом в случае необходимости об этом указе все-таки станет известно. И все это требовалось делать быстро, дабы закончить еще до прибытия кавалергардов в Москву. В общем, вздохнул Сергей, отдых опять откладывается до черт знает каких времен. Но никаких мыслей о том, правильно ли он поступил, решив сесть именно на императорское место, в голову молодому человеку не приходило. Во-первых, потому что за свою хоть и короткую, но отнюдь не бедную событиями жизнь он убедился, что начатое дело обязательно нужно доводить до конца, а уж только потом предаваться рефлексии и прочим размышлениям. А во вторых... если честно, то в двадцать первом веке Сергей пребывал чуть ли не в самом низу социальной лестницы, и теперь ему очень хотелось удержаться на самом ее верху.

Однако в тот день Новицкий не успел закончить написания своего указа. И даже толком начать не получилось, он только составил план-конспект, поглядел на него и подумал, что получается нечто совсем несуразное и без признаков логики. Пожалуй, утром надо будет переписать все заново, решил император, но тут коротко дзинькнул звонок наконец-то сделанной сигнализации, и в комнату просочился Афанасий. Вид он имел слегка растерянный, если присмотреться.

– Государь, – сообщил главный камердинер, – пришла бабка Настасья и говорит, что хочет сказать тебе нечто важное.

Действительно, в этот день Сергей ее не ждал, а внеплановый визит подразумевал наличие достаточно серьезной новости.

– Чем порадуешь, бабушка? – поприветствовал царь свою информаторшу, когда она была запущена в покои.

– Боюсь, ничем, ваше величество, – вздохнула бабка, – наоборот, худую я принесла

весть. Не нравится мне Андрей Ушаков, ох, как не нравится.

– Мне тоже, – пожал плечами Сергей, – но это еще не повод для печали. Или ты про него что-нибудь узнала?

– В том-то и дело, что почти ничего нового, хотя очень старалась. Раньше-то получалось, а три дня назад как отрезало. Где это видано, чтоб ни один из дворни вообще ничего не говорил про хозяина, хоть под угощение, хоть девке в постели? Никогда такого не бывало, а тут уже третий день подряд. Как будто он им языки заранее вырвал, дабы не болтали.

– Нет, скорее просто убедительно пообещал в случае чего с этим не тянуть. Но за ним самим-то ты проследила?

– Без этого никак, государь. Два дня назад приезжал к нему богатый возок, кажется, голицынский. Вечером уехал. Вчера Ушаков ездил в Коломенское, отстоял службу там и вернулся. Сегодня с утра сидит дома, носу на улицу не кажет.

– Значит, так. Дворню его больше пусть твои люди не расспрашивают. А вот слежку продолжай, только как можно осторожней. Лучше уж пусть ему удастся незаметно что-то проверить, чем твой человек попадетсЯ. Как узнаешь что новое, сообщай немедленно. Вот, возьми на расходы.

С этими словами царь отсчитал бабке пятьдесят рублей, а после ее ухода задумался.

Вроде ничего особенного в рассказе Анастасии Ивановны нет, ведь Ушаков копает под Верховный тайный совет и, значит, должен соблюдать осторожность. Причем он имеет дело только с Минихом, сам царь его пока беседой не удостоил. Да, но почему он начал принимать меры только сейчас, хотя первая беседа с генерал-аншефом состоялась три недели назад? Может, разузнал что-то важное? Нет, такое объяснение не годится, ведь не рассказывал же он об этом своим слугам! Или просто заметил интерес к своей персоне? Вполне возможно, хоть бабка и утверждала, что люди у нее опытные. Но есть и еще одна вероятность – он начал встречаться с кем-то и очень не хочет, чтобы об этом стало известно еще кому-либо. Опять же подобное вполне возможно в процессе расследования деятельности Совета, но тогда надо немного подождать. Завтра его должен посетить Миних – так между ними было уговорено. Если при встрече Ушаков расскажет генералу что-нибудь интересное, то можно будет прикинуть, соответствует ли важность полученных сведений отмеченным бабкой Настей мерам предосторожности. Если да, то тогда все вроде терпимо.

Следующий день молодой царь провел как на иголках, хоть и смог, взяв себя в руки, дописать указ до конца. Вечером пришел Миних и сообщил, что у Ушакова никаких новостей нет. Пару минут Сергей раздумывал – не поделиться ли с генералом своими подозрениями, но решил, что это пока рано. Хотя скорее всего Ушаков действительно работает на кого-то другого, и совсем недавно. Да, но на кого же? Кто и, главное, с какой стати мог пообещать этому скоту нечто, перевешивающее грядущую императорскую милость и должность директора в возрожденной тайной канцелярии?

Ответ был прост, как пять копеек, и не вызывал у Новицкого ни малейшего энтузиазма. Ибо теперь ясно, что пообещали Ушакову абсолютно то же самое. А сделал это человек, точно знающий, что нынешний император надолго на троне не засидится.

Блин, да кто же это такой, в растерянности подумал Сергей. Как зовут эту не в меру прозорливую падлу?!

Глава 11

Если в ваш адрес задумана какая-то пакость, но вы еще не готовы ее нейтрализовать, то ни в коем случае нельзя показывать, будто для вас что-то изменилось, – этим можно спровоцировать противника к немедленным действиям. Сергей знал такое правило, и поэтому во дворце не происходило почти никаких изменений. Почти – это потому, что небольшое изменение все-таки было произведено. Ибо Новицкий, подумав, пришел к

выводу, что без лиц, которым он – естественно, не выходя из роли Петра Второго – может всецело доверять, его дело – труба. Они должны появиться, причем срочно. Именно потому что он, Сергей, не знает, откуда и когда придет удар. И нужно посвятить в дело именно тех, для кого смерть или свержение молодого царя станет личной катастрофой. «Неизвестно, – меланхолично подумал молодой человек, – лучше ли они от этого будут меня защищать, но тут можно усмотреть один немаловажный плюс – совесть не будет мучить за то, что я прячусь за спинами людей, ничем мне не обязанных».

Посвященными стали те, кто до болезни императора был почти никем и после его свержения станут ими же, – братья Ершовы и поручик Губанов. Сведения о нем бабка Настя уже собрала, и они позволяли надеяться на его верность.

Был и еще один посвященный, который не совсем попадал под вышеописанное правило, – генерал-аншеф Миних. Но и его тоже можно было отнести к тем, кто понимал: при теперешнем государе лично ему будет лучше, чем при любом другом.

Сначала Сергей поговорил с Христофором Антоновичем. Беседа была не очень долгой, состояла в основном из монолога молодого царя и закончилась следующими его словами:

– Вот так, генерал, теперь тебе решать. Защищая меня, ты рискуешь при проигрыше карьерой, а то и головой. Но в случае нашего выигрыша ты получишь заметно больше, чем даст тебе кто угодно, пришедший вместо меня. Имеются в виду не чины, а возможности. Ты уже понял, что я хочу стать достойным продолжателем дел своего великого деда. На этом пути мне нужна правая рука, и я не вижу никого, кто мог бы потянуть эту ношу лучше тебя.

Миних вполне ожидаемо согласился быть с императором до конца, и тут Сергей уточнил:

– Может, дело действительно закончится моей смертью, но я вообще-то не хочу доводить до таких крайностей. Если все пойдет совсем худо, но тебе при этом не будет угрожать непосредственная опасность, то я сбегу, потому что живой человек всегда сможет вернуться, мертвый же – никогда. А ты останешься. Ну, а коли опасность будет грозить и тебе, скроемся вместе.

Затем Новицкий произнес почти такую же речь перед братьями Ершовыми и поручиком Губановым, после чего в Лефортовском дворце и начали происходить небольшие, почти незаметные постороннему взгляду перемены. Выглядели они так, будто императору поднадоело заниматься охраной своей персоны и он пустил дело на самотек. В результате дисциплина среди караульных упала, появились даже случаи отлучек с постов, а один раз дежурная и отдыхающая смена основательно напилась прямо в процессе несения службы. Все это было нетрудно организовать, но вот сделать так, чтобы при всех этих внешних проявлениях тщательность охраны императорской особы только повысилась, оказалось заметно труднее. Однако Губанов справился, Миниху почти не пришлось вмешиваться. Кроме того, поручику были выданы деньги на покупку пароконного возка, в коем он теперь и ездил на службу, хотя квартировал менее чем в полукилометре от дворца, а в нем у него была своя комната. Пока все доверенные люди считали, что возок понадобится государю на случай бегства, и он их не разубеждал. Тем более что колымага действительно понадобится, но не эта. Поручение подготовить настоящую уже было дано бабке Настасье.

Со всеми этими заботами у Сергея даже слегка пропал аппетит, поэтому вопрос «что делать в великий пост?» несколько потерял свою остроту. Траву жевать, раз мясо в глотку не лезет! Но еще до начала поста, десятого марта, Лефортовский дворец посетил весьма высокопоставленный гость.

Началось все с того, что звонок продребезжал «дзынь-ди-дон-дон», что соответствовало коду «011», то есть перед дерганьем за шнурок первый рычажок переводился вниз, два оставшихся вверх. Это означало тревогу второго уровня. Охрана, естественно, знала, что делать, а Сергей расстегнул две верхних пуговицы на камзоле, чтобы в случае чего можно было быстрее выхватить наган. Через полминуты после звонка

прибежал запыхавшийся Афанасий и доложил, что прибыл Михаил Михайлович Голицын, ему сказали, где в данный момент находится царь, и он идет сюда.

– Один? – уточнил Новицкий.

– Так точно, вашество!

Ага, подумал Сергей, этого можно исключать из списков подозреваемых. Будь он главной фигурой – вряд ли стал бы так рисковать. Ладно, о том, что император в своей новой ипостаси вполне может его собственноручно пристрелить, он, положим, не догадывается. Но ведь особой уравновешенностью Петр Второй не отличался и до болезни, так что вполне мог приказать что-то этакое своей челяди! Значит, Михаил Михайлович не считает ситуацию хоть сколько-нибудь угрожающей, иначе принял бы какие-то меры для обеспечения своей безопасности. Он, конечно, далеко не трус, об этом говорит хотя бы его послужной список, но и привычки без причины лезть на рожон у него тоже нет, иначе давно сложил бы голову в любом из многочисленных сражений, где ему довелось участвовать. Похоже, генерал-фельдмаршала кто-то играет втемную. Ага, вот и звонок. Так, побольше спеси на морду, ждем, чего же он нам скажет.

Первым делом Голицын попросил разрешения сесть, мимоходом пожаловавшись на здоровье, а потом перешел к делу:

– Государь, я приехал тебя предостеречь.

– Э... тогда предостерегай, я внимательно слушаю.

И молодой император услышал, что, оказывается, он по молодости и неопытности сделал большую ошибку, приблизив к себе Миниха. Этот человек, используя в своих целях внезапно и незаслуженно свалившуюся на него царскую милость, уже приказал Ушакову провести какое-то несуразное расследование в отношении некоторых членов Верховного тайного совета.

– С какой стати несуразное? – возмутился Сергей, постаравшись, чтобы в конце фразы его голос сорвался на мальчишеский визг. – Я царь или кто? Почему тогда на содержание моего двора отпускается всего тридцать тысяч в год? Знаю, слышал – мол, сейчас в России нет денег на лишнюю роскошь! Но отчего Алексей Голицын живет в десять раз богаче меня – это что же, ему где-то нашлось триста тысяч? Сие есть унижение моего императорского величества.

– Государь, да откуда ты взял, что Алексей Григорьевич столько на себя тратит?

– Как то есть откуда? У меня всего одна таратайка о двух лошадях, да сани бедные, да два верховых коня, а у Долгорукова их два десятка, и еще три восьмиконных кареты. Вот я и умножил тридцать тысяч на десять. Ты меня что, совсем неучем считаешь?

– Государь, это говорит лишь о том, что Алексей Григорьевич распоряжается своими средствами разумно.

– Вот! Ты же сам все сказал! А я своими вообще не распоряжаюсь, за меня это делает Совет, и по твоим словам получается, что неразумно. Мне это тоже показалось, отчего я и повелел Миниху разобраться в этом вопросе.

– А он вместо выполнения твоего повеления начал позволять себе непотребное! В общем, я к тебе явился по поручению всего тайного совета, осуществляющего опеку над твоей особой. Удали от себя Миниха, пусть занимается делами Санкт-Петербурга.

– Вот как увеличите мое содержание до ста тысяч да предоставите возможность самому оными деньгами распоряжаться – сей же час отправлю генерал-аншефа в бывшую столицу.

Здесь Новицкий, как ни странно, говорил правду. Но не всю: ведь Михаил Михайлович уже сейчас выглядел не очень здоровым, а в декабре этого года ему вообще предстояло умереть. Так зачем же ему знать то, что если и произойдет, то после его смерти? Потому что у фразы императора на самом деле имелось невысказанное окончание: «И сам туда уеду, подальше от вашего сборища».

– Я передам твои слова Совету, – встал Голицын, – но ты, государь, сейчас делаешь ошибку, подозревая людей, неустанно пекущихся о благе вверенной им в управление державы. Засим позволь мне откланяться.

Дождавшись, пока за фельдмаршалом закроется дверь, Сергей встал и подошел к окну – так ему лучше думалось. Итак, что, или, точнее, кого мы имеем в качестве главных подозреваемых после выбытия из их числа Михаила Михайловича? И какова вероятность, что на самом деле один из них уже вовсе имеет нас? Начнем по порядку, с Андрея Ивановича Остермана. Тянет он на роль главного гада? Да запросто, с его-то хитрой рожей и не такое можно вытянуть. То есть возможности, что на последней встрече вице-канцлер специально валял дурака, никак нельзя исключать.

Правда, Остерман трусоват – это следовало и из исторических документов, и из личных наблюдений Сергея. Однако именно данное свойство характера могло подвигнуть Андрея Ивановича к активным действиям – в том случае, если он решит, что молодой царь стал для него чем-то опасен. Да, но ведь Сергей пока ничего против него не планировал...

В общем, решил Новицкий, оставляем вице-канцлера в качестве второстепенного подозреваемого и двигаемся дальше.

Головкин Гавриил Иванович, канцлер. Опытный дипломат. Будь у него мотив – именно его Сергей стал бы подозревать в первую очередь, но как раз мотива-то и не просматривалось. Потому что, судя и по прошлым делам, и по тем, что ему довелось совершить в истории оставленного Новицким мира, он был ярким сторонником самодержавия, в силу чего Петр Второй должен представляться ему наилучшим из возможных императоров. По крайней мере, его будет куда труднее заставить принять что-то вроде «кондиций», принудительно подsunутых Анне Иоанновне Долгоруковыми и Голицыными. И ведь именно канцлер путем сложных и небезопасных интриг склонил императрицу порвать эту бумагу, а ее авторов отправить в ссылку! Нет, Головкина следует подозревать в последнюю очередь. Как и Василия Владимировича Долгорукова. Значит, остаются Алексей Долгоруков и Дмитрий Голицын. У этих одинаковые политические взгляды, и они могли бы работать одной командой, если бы договорились, кто из них главный. Но этого, к счастью, ожидать не приходится.

Значит, следует выяснить, который имеет преимущество именно в данный момент, и тогда главным подозреваемым станет второй. Кстати, что там бабка говорила про возок, приехавший к Ушакову? Она его, хоть и не очень уверенно, определила как голицынский. Получается, воду мутит именно Дмитрий Михайлович? А вот вряд ли, скорее наоборот, потому что дураком неведомый противник оказаться ну никак не может. И значит, если транспортное средство указывает на Голицына, то за этим стоит Долгоруков.

Сергей прошелся по комнате, прикидывая, сколько времени уйдет на изготовление глушителя к револьверу, если комплектующие заказать Нартову, а сборку произвести самому. Получалось никак не больше трех дней, а скорее всего удастся уложиться в два. Пора, пожалуй, рисовать чертежи, чтобы не терять времени. Правда, в случае использования изделия по прямому назначению наган нельзя будет показывать никому и никогда, но это не очень страшно, Новицкий и так не собирался размахивать им по всякому поводу или вообще без оногo. Но, само собой, пробовать себя на роль киллера надо будет только в самом крайнем случае, однако глушитель все равно лишним не будет. Итак, вроде все?

Нет, вынужден был признать Сергей. Есть и еще один вариант – всем заправляет кто-то совсем неизвестный. Неприметный такой человек, не оставивший заметного следа в той истории, что преподавали в Центре, а полный курс для гарантии записали на оба планшета. Ну не представилось тогда этому человеку шанса проявить себя, а тут вдруг он его увидел...

Пожалуй, это самый маловероятный вариант, но и самый тревожный. Потому что противник, про которого вообще ничего не известно, является наиболее опасным. Но на всякий случай надо внимательно прочитать все, что записано в планшетах. Мало ли, вдруг там найдутся сведения о какой-либо фигуре, показавшейся преподавателям слишком незначительной, чтобы заострять на ней внимание. Самой же фигуре на их мнение глубоко начхать, да и знать она про него не может, вот и решила пуститься во все тяжкие.

Пока в полном объеме знакомить хоть кого-то с результатами анализа обстановки в планы молодого царя не входило, но вот сообщить Миниху об ультиматуме Совета в его адрес явно стоило. Не в последнюю очередь потому, что он об этом скорее всего и сам знал. Или в ближайшее время узнает, что несущественно. Поэтому во время вечернего визита генерал-аншефа Сергей пересказал ему беседу с Голицыным.

– Интересно, как же это Ушаков так опростоволосился, что на его дела обратили внимание верховники, – задумчиво сказал Христофор Антонович. – А ты, государь, выходит, решил прикинуться обиженным мальчишкой? Неплохо, Совет ведь ничего другого от тебя и не ждет. Кроме разве что Остермана. Но только...

– Не мнись, генерал! Коли считаешь, что я сморозил дурость, то так и скажи.

– Нет, ничего дурного я в твоей речи не вижу. Однако ежели Совет будет настаивать, то почему бы тебе действительно не отправить меня в Петербург? Раз уж сам собираешься посетить сей город, кто-то должен это дело подготовить. Там же флот пребывает в полном забвении, от которого всего ничего до разрухи! Неужели ты и вправду говорил, что России корабли ни к чему?

– Говорил, но не это. Полтора года назад я сказал, что займусь флотом тогда, когда в этом возникнет надобность, а уж чьи злые языки мои слова тебе передали в таком виде, мне неведомо. Так вот, сейчас эта надобность уже возникла. Вообще-то, конечно, ты прав, в Питере полно дел, с коими никто, кроме тебя, не справится, но только я-то здесь с кем останусь?

– С лейб-гвардии майором Степаном Андреевичем Шепелевым. Он ведь случайно попал в командиры семеновцев, до него полком командовали князья да генералы. А тут получилось, что либо превращаться полку в совсем заштатный, либо, если его будет решено сохранить именно как гвардейский, командовать им точно найдут кого-нибудь познатнее, если только царь не вмешается. Но не только поэтому он тебе верный слуга, а еще и потому, что он вообще человек верный. Ты же видел его, сам можешь судить.

– Да, – кивнул Сергей, – я подумаю над твоими словами. Пока же нам, по-моему, следует подождать да послушать, что скажет Совет, когда обсудит мою беседу с Михаилом Голицыным.

Однако после этого разговора у Сергея остался какой-то осадок. Как будто он услышал что-то важное, но никак не удается понять, что именно. Пожалуй, решил император, сегодня можно будет лечь спать попозже. И сразу после перерисовки эскизов глушителя с планшета начать внимательно перечитывать все материалы по истории – авось там найдется что-либо, проясняющее сложившуюся ситуацию.

Глава 12

К первым числам марта Новицкий сделал вывод, что в его выступлении перед генерал-фельдмаршалом Голицыным содержались какие-то особые глубины, потому как Совет до сих пор так на этот демарш и не прореагировал. Не происходило почти ничего. Единственной новостью было то, что царский духовник Пряхин по своей инициативе выступил перед царем с проповедью относительно великого поста. Первым делом он объяснил, что в это время крайности с той и с другой стороны равно вредны – и излишества поста, и пресыщение чрева. Притом неумеренное воздержание вреднее пресыщения, так как приводит к бессилию, а оное неуютно Господу.

«Из Кассиана Римлянина», – мысленно отметил Сергей, проявив приличествующее случаю воздержание – мужественно не зевнув. Протопоп же продолжал:

– Господь требует не голода, а подвига. Подвиг – это то, что может человек сделать самого большого по своим силам, а остальное – по благодати. Силы наши теперь слабые, а подвигов больших с нас Господь не требует.

То есть от Кассиана духовник перешел к цитированию пустытника Никифора. Но не

остановился на достигнутом, а поведал, что сказал по этому поводу преподобный Антоний Великий.

Интересно, подумал Новицкий, кто переврал цитату – Пряхин или Самуил Иосифович, преподаватель основ православия? Наверное, все-таки первый, его трудно заподозрить в излишней образованности, да и с доступом к первоисточникам здесь хуже, чем там. Но какой, интересно, вывод последует в конце? Недопугал я его или, наоборот, перепугал?

Из речи царского духовника следовало скорее последнее, ибо он разрешил своему чаду как болящему во время поста потреблять рыбу, за исключением среды, пятницы и Страстной недели, а также постное масло. И специально уточнил, что рыбой считается всякая тварь, обитающая в воде, но при этом лишенная крыльев.

«Эх, – вздохнул про себя молодой император, – если бы не тревожная обстановка, я бы прямо сейчас поручил отобрать десяток-другой поросят и начинать учить их нырять и плавать. Но с этим пока придется повременить. Хотя место для закрытого бассейна можно уже начинать подыскивать, тем более что особо большого тут не требуется. Интересно, сообразят ли на кухне насчет раков или им про эту рыбу придется специально напоминать?»

Протопоп закончил свою речь вручением красочно оформленного календаря, где были помечены дни, в которые император должен был обязательно посещать богослужения. Их оказалось не так уж много, Новицкий милостиво кивнул, и царский духовник с видимым облегчением покинул царские покои. Хм, прикинул царь, насколько он сам будет соблюдать пост? Хрен с ним, пусть жрет что хочет, но ведь и напиваться в это время тоже нельзя! Или себя он тоже объявит больным, только духовно, а водку – лекарством, единственно и придающим ему необходимые для смирения и воздержания силы?

Ближе к вечеру Сергей сообщил своей охране, что желает прогуляться в одиночестве до рожицы в полукилометре от дворца, где он истратил целых пять патронов, пристреливая наган с глушителем. Увы, точность стрельбы упала. Теперь Новицкий мог гарантировать попадание в человеческую фигуру только с тридцати метров, в то время как без глушителя эта цифра составляла сорок пять – пятьдесят. Но зато звук выстрела ослаблялся довольно значительно, сводясь к глухому хлопку, сквозь который даже можно было различить клацанье курка. План дома Андрея Ушакова с окрестностями у него уже был – ведь не в собственном же дворце императору учинять стрельбу! Да и по месту жительства клиента это тоже будет некрасиво и не так просто: больно уж у него хоромы здоровые.

Однако до окончательного решения дело еще не дошло, хотя Сергею пришло в голову еще несколько соображений в пользу, так сказать, активных действий. Итак, пусть Алексея Долгорукова сразит вражеская пуля, и тогда события могут пойти тремя путями.

Первый – ничто не изменится. Значит, главным гадом был не убитый, а кто-нибудь еще. Их не так много.

Второй – Совет станет по отношению к императору еще более агрессивным. Это будет указывать на Дмитрия Голицына, воспрянувшего духом в результате исчезновения своего главного конкурента.

И наконец, третий вариант, который казался Новицкому наименее вероятным. Верховный тайный совет, потрясенный кончиной своего главного подстрекателя, станет белым, пушистым и очень расположенным к молодому царю. Исходя из того, что его члены еще не чувствуют себя достаточно подготовленными для встречи с Господом.

Изучение содержавшихся в планшете исторических материалов затянулось на неделю и опять кончилось смутными подозрениями, будто упущено что-то важное. Для проверки молодой царь еще раз прочел все имеющее отношение к Миниху и Семеновскому полку, но ничего хоть сколько-нибудь нового для себя там не обнаружил. Никакого намека на то, что в описываемый момент в России была какая-то личность, имеющая достаточно сил для устранения императора, тоже не просматривалось. Но полностью успокоиться Сергей не мог – он доверял своей интуиции.

Совету на переваривание полученной от молодого императора информации потребовалось десять дней, пока наконец в Лефортовский дворец не явился Остерман. Первым делом он многословно похвалил своего воспитанника за успехи не только в Законе Божьем, но и в арифметике. А тот внимательно присматривался к собеседнику, чем помаленьку вводил его в беспокойство.

Нет, на неискушенный взгляд ничего особенного в облике вице-канцлера не было, но конкретно в этом вопросе Сергей был искушен, и весьма.

Почти сразу после перемещения пристроив наган в плечевую кобуру, молодой человек в первый же день убедился, что, присмотревшись внимательно, можно обнаружить некую асимметрию – все-таки камзол являлся довольно облегающей одеждой. Проблема решилась при помощи ваты, подложенной на правую сторону, напротив револьвера. Теперь, даже если кто-нибудь шибко наблюдательный это заметит, то решит: молодой царь просто хочет, чтобы его тощая мальчишеская грудь смотрелась более внушительно.

А вот Остерман до таких тонкостей недодумался, и слева его камзол едва заметно, но очень характерно топорщился.

Примерно полминуты Новицкий раздумывал, что будет лучше – сделать вид, что он ничего не замечает, просто спросить гостя, чего это он притащил за пазухой, или попытаться потрясти выдающейся прозорливостью, невзирая на риск сесть в лужу. Выбрав последнее и выждав паузу в речи вице-канцлера, молодой император сдвинул брови и поинтересовался:

– Чего же это ты, Андрей Иванович, к царю с заряженным пистолем за пазухой ходишь – али замыслил чего?

Остерман побледнел, а потом забормотал что-то насчет лихих людей, коих последнее время в Москве появилось довольно много... Да и вообще пистолет у него совсем маленький и незаряженный...

– Покажи, – прервал излишества гостя Сергей. В правой руке у него уже был нож, которым он весьма недвусмысленно поигрывал. А у стены стоял незнамо как появившийся в комнате Федор Ершов, страшный сам по себе, без всякого ножа. И очень нехорошо смотрел на Андрея Ивановича.

Остерман, чуть не оборвав дрожащими руками две верхних пуговицы, вытащил свое оружие.

– Дай сюда.

Новицкий отложил нож, взял длинный карандаш и по очереди ткнул им в оба ствола, расположенных вертикально, после чего поднял взгляд на вице-канцлера.

– Говоришь, незаряженный? Да как же у тебя совести-то хватает так нагло врать прямо в глаза своему императору! Тем более что это бесполезно, ангел меня не только исцелил, но и одарил возможностью видеть скрытое.

– Государь, там же нет пороха на полках, выстрелить он не может... позволь преподнести тебе сей итальянский пистоль в подарок...

– Долго, что ли, его подсыпать? Ладно, забирай, мне он не нужен, я править собираюсь не силой оружия, а опираясь на поддержку Господа.

Сергей с трудом сдерживал радостную улыбку. Надо же, как все удачно получилось! Пистолетик у Остермана по нынешним временам очень маленький, совсем немного крупнее нагана. И калибр миллиметров девять, а то и меньше! В то время как обычные имели порядка пятнадцати, если не двадцати. В силу чего рана от нагановской пули знающему человеку могла показаться довольно странной. Но ведь у этой игрушки почти такой же калибр! И значит, осталось только продумать, как с наибольшей эффективностью использовать такую приятную неожиданность.

Насчет бандитов дорогой учитель врет, это и ежу понятно – он же по Москве не пешком ходит, а едит, причем не один. Похоже, человек таскает с собой пушку для того, чтобы в безвыходной ситуации имелась возможность застрелиться. Времена-то сейчас суровые, и если его сожрут конкуренты, то еще до казни он успеет очень близко познакомиться с квалифицированными палачами. Да и сама казнь будет не каким-нибудь

банальным повешением, а, например, четвертованием. И тут, значит, возможны всякие ситуации. Например, такая.

Возьмет Остерман да пристрелит Алексея Долгорукова – ну больно уж рожа у того противная. А потом, осознав всю глубину своего преступления, застрелится оставшимся зарядом, благо стволов в его пистолетике два. Вот только как много времени у нас есть на подготовку? Хотя это сейчас скорее всего скажет сам вице-канцлер. Ведь не только же для похвал ученику он сюда приперся!

Остерман не обманул надежд молодого царя. Кое-как восстановив душевное равновесие, хоть и не в полной мере, он потихоньку начал переходить к основной цели своего визита. Правда, перед этим потратив минут пять на мягкие укоры в поспешности, описание тлетворного влияния избыточной роскоши на неокрепшие души и необоснованности подозрений в адрес столь бескорыстных людей, как его коллеги по Совету. И наконец, сообщил главное:

– Государь, цесаревна Елизавета собирается в Москву, дабы лично поздравить тебя с чудесным исцелением от смертельной болезни. Теперь, когда Иван Долгоруков и его сестра отправлены в ссылку, этому ничто не мешает, а Совет, в рассуждении доставить радость государю, отправил ей письмо об этом.

– Пусть приезжает, – оживился Сергей, – мы с ней весьма дружны. А когда мне ее ждать?

– Она хочет выехать не сегодня, так завтра, дабы успеть до весенней распутицы.

«Ага, – прикинул Новицкий, – это дней десять. Вряд ли мой тайный враг перейдет к активным действиям до ее приезда, и значит, неделя у меня точно есть. Но только кому может быть выгодно вступление Елизаветы на престол вместо меня – это при ее-то взбалмошности и непредсказуемости? Ладно, над этим еще есть время подумать».

Однако после раздумий ситуация стала казаться Сергею не столь радостной, как он изображал перед Остерманом. Да, тетка вроде бы беспечна и не помышляет ни о чем, кроме развлечений. Вот, например, в той истории так думала Анна Леопольдовна, и чем она кончила? Даже Миних ничего не подозревал, за что и поплатился. Мало того, за пару недель до переворота английский посол Финч отправил донесение, в котором утверждал, что Елизавета слишком ленива и безынициативна для того, чтобы участвовать в заговоре. Правда, историки утверждали, что характер будущей императрицы закалился за десять лет пребывания в немилости во время правления Анны Иоанновны. Но они там что, свечку держали?

Можно подумать, Елизавета сейчас в милости. Просто тогда смерть Петра Второго была слишком скоротечна, и цесаревна не успела ничего предпринять. А в этой реальности время у нее было, и разве она не могла использовать его с толком? Ведь какая получается красивая комбинация – сравить Петра с Верховным тайным советом, принять меры, чтобы молодой царь не пережил этого конфликта, а потом явиться в облике спасительницы престола от гнусных цареубийц. Тогда у нее на руках будут хорошие козыри! Она же дочь Петра и законная наследница по завещанию его супруги Екатерины Первой. Ну, а то, что Елизавета до последнего момента пребывала в своем имении недалеко от Петербурга, только избавит ее от подозрений в соучастии, но не очень помогает направлять события в нужную сторону. Мало ли, вдруг у нее есть в Москве какое-нибудь незаметное доверенное лицо, наподобие Анастасии Ивановны у Новицкого.

Неужели симпатичная молодая тетка и есть тот тайный враг, которого пока без особого успеха пытался вычислить Сергей?

Если да, то расклад по поводу Совета меняется: эти люди ей не нужны, и, значит, ни один из них не может обладать хоть сколько-нибудь полной информацией о планах цесаревны. А вот Ушаков на роль ее доверенного лица подходит просто идеально – мотив тут виден невооруженным глазом. Ведь даже если Петр Второй в каком-либо виде восстановит тайную канцелярию, то причин сразу устраивать широкомасштабные репрессии

у него нет. А у Елизаветы очень даже есть! И выходит, роль начальника спецслужб при ней будет куда значительнее, чем при нынешнем императоре.

«Эх, – вздохнул Сергей, – ведь здесь вроде уже известна поговорка про мавра. И на самом деле в число перспектив Ушакова входит не только долгая близость к новой императрице, как соучастника ее возвышения, но и случайная смерть от передозировки сока каких-нибудь не самых безобидных грибочков. А то и вовсе арест да быстрая казнь по надуманному обвинению после того, как Елизавета подберет подходящего сменщика, который все это и организует. Неужели он этого не понимает... Или в эти времена подобное еще не столь очевидно? Ей-богу, даже пожалел бы дурака, копай он не под меня, а под кого-либо еще. Может, все же поговорить с ним начистоту?»

Нет, быстро понял Сергей, это не годится. Будь Ушаков незаменимым – и то подобный разговор вряд ли оправдан, но, похоже, та же бабка Настасья справится с должностью ничуть не хуже него. Да и не только она, таких талантов всегда хватало в любой стране. Это вам не Нартов, который в настоящее время уникален: ведь до рождения Кулибина еще целых четыре года. Правда, наверняка есть какие-нибудь неизвестные потенциальные гении, но как их найдешь-то? Нет, поискать, конечно, нужно, однако быстрой отдачи ждать не стоит.

Значит, в ближайшее время Андрей Ушаков прикажет нам долго жить, подвел Новицкий итог первой части размышлений по только что открывшимся обстоятельствам. А вот вторую часть – кто составит ему компанию на этом пути – еще предстоит серьезно обдумать. Первым же делом, не откладывая, снарядить отстрелянные гильзы. Разумеется, порох у Новицкого уже имелся, причем лучший, который вообще можно было достать в Москве. Пули он тоже отлил заранее – ведь в контейнере в числе прочего имелась и маленькая, всего на два места, очень легкая пулелейка из магниевого сплава. Револьвер, ясное дело, еще в будущем испытывался с патронами на дымном порохе и свинцовыми безоболочечными пулями. Мощность выстрела при этом получалась несколько ниже, всего около двухсот пятидесяти джоулей, и немного падала кучность, но даже с такими боеприпасами наган оставался вполне приличным оружием. Капсюлей же Новицкий захватил с собой вполне достаточно, кончатся они очень нескоро.

Процесс снаряжения гильз не мешал думать, и Сергей продолжил свои размышления. Получается, что Остерман должен прибить не Алексея Долгорукова, а Ушакова. Что ж, для такой сцены декорации получатся даже проще. Надо вызвать Андрея Ивановича сюда и с грустным видом сообщить ему, что он, Петр, все осознал, согласен всего на пятьдесят тысяч годового содержания и готов немедленно удалить от своей особы Миниха. После чего вручить письменный приказ, адресованный Ушакову, о немедленном прекращении всех расследований, и велеть доставить его лично. Для того же, чтобы дальнейшее прошло без осложнений, у бабки Насти надо затребовать двух-трех головорезов с опытом реальной работы – они в случае чего нейтрализуют ушаковскую прислугу.

Старушка уже говорила, что подобные людишки у нее на примете есть. Жалко, что им нельзя доверить основную миссию, ее придется выполнять самому, чтобы потом не кусать локти из-за бестолковости бабкиных кадров. А Елизавету стрелять пока не обязательно – если она будет вести себя прилично, то отделается ссылкой в какой-нибудь Пелым.

После того, разумеется, как по всем правилам подпишет отречение от своих прав на российский престол. А не захочет – кто же ей тогда доктор? В упор прекрасно сработает и патрон, снаряженный местным порохом.

Глава 13

– Иди, государь, тут все тихо, – чуть приоткрыл дверь Пахом, первый из бабкиных «специалистов». Второй, Гаврила, остался наверху, у входа в прихожую, за которой находилась комната, где сейчас беседовали Остерман и Ушаков.

Император подавил неуместное желание спросить, сколько трупов образовалось в

процессе обеспечения тишины. Ведь еще на стадии разъяснения плана операции Новицкий предупредил, что надо по возможности обходиться без лишнего смертоубийства. Но оба исполнителя с таким изумлением уставились на него, что Сергей, ругнув себя за неуместные в этом времени комплексы, вынужден был с ходу придумать, что у него в доме Ушакова есть ценный осведомитель, которого не хотелось потерять зря. Такое объяснение устроило бабкиных кадров, но Гаврила попросил описать этого человека, дабы в случае чего не сомневаться. Уже закончив наскоро придуманный словесный портрет, Новицкий сообразил, что этот мифический осведомитель получился больше всего похожим на него самого.

Но не время отвлекаться, сейчас самому бы не напортчить! Молодой человек быстро поднялся по лестнице, держась у самой стены, чтобы избежать скрипа. Так, вроде особого шума не поднялось, осталось совсем немного...

– Кажись, их там трое, а не двое, – шепотом предупредил Гаврила.

Сергей кивнул. Трое так трое, на месте разберемся, промахиваться тут негде, а в барабане семь патронов, столько же в самодельной медной обойме-скорозаряднике, да плюс еще четырнадцать в правом кармане.

Чуть приоткрыв дверь, молодой царь глянул в полутьму комнаты. Так, вот эта спина явно принадлежит Остерману. Толстый он, зараза, отождрался на высокой должности так, что почти закрывает стоящего за ним. Кажется, это Ушаков. Третьего не видно, значит, он справа.

Остерман начал оборачиваться, что означало – тянуть больше нельзя. Новицкий рванул на себя дверь, сделал шаг вперед и тут же отпрыгнул метра на полтора влево, одновременно поворачиваясь направо. Первая пуля – незнакомцу, именно потому что неизвестно, кто он такой и на что способен. Ба, да это же Дмитрий Голицын! Но все равно, ствол уже смотрит в его сторону, не вертеться же теперь попусту туда-сюда.

На физиономии так и не состоявшегося автора «кондиций» только начало проявляться изумление, как негромко хлопнул выстрел. Сергей стрелял с самовзвода – промахнуться на таких дистанциях все равно невозможно. Тело Голицына еще не успело осесть на пол, как второй хлопок поставил точку на всех вариантах будущей карьеры Андрея Ушакова. Оставшийся на ногах Остерман с ужасом глядел на толстый глушитель, не понимая, что это такое, но явно догадываясь, что следующий «хлоп» будет последним звуком в его жизни.

Сергей стянул с головы шапочку-террористку и предложил:

– Андрей Иванович, достань-ка ты свой пистолетик, только осторожно, без резких движений, а то не дай бог у меня палец на спусковом крючке дрогнет.

Вице-канцлер громко икнул. Судя по его физиономии, он ожидал увидеть кого угодно, но только не императора.

– Шевелись, пока мне ждать не надоело, – поторопил своего учителя молодой царь.

Остерман начал судорожно дергать за отворот камзола, оборвал три пуговицы, но пистолет все равно застрял. Новицкий шагнул вперед, помог извлечь оружие, взвел сначала один курок, потом второй.

– Опять без пороха на полках, – попенял он Остерману. – Где там у тебя, доставай и подсыпай.

– В... в-ваше... ик... ство, я его не взял с собой...

– А как же ты стреляться собирался? Ну прямо дитя малое, сам ничего без царя не можешь.

С этими словами Сергей отошел к столу, быстро перезарядил две каморы в барабане своего револьвера, потом достал маленький картонный тубус с порохом, подсыпал его на обе полки остермановского пистолетика и защелкнул крышки. По идее, игрушка теперь стала готова к стрельбе. И смотрела она дырками своих стволов прямо в лоб Андрею Ивановичу.

– Расскажи, кто тут у вас главный, – ласково сказал император. – Нет, я-то, конечно, знаю, что это ты, но мне интересно посмотреть, как будешь выкручиваться.

– Гг... государь, да разве ж я мог? – сиплым шепотом возопил Остерман. – Это все он!

И начал судорожно тыкать пальцем в сторону Ушакова.

– Врешь, собака, – вздохнул Новицкий, – но это не так важно. С тобой-то что теперь делать? Можешь еще пригодиться, и оставил бы я тебя в живых, не будь ты таким трусом. Ведь всю оставшуюся жизнь будешь вспоминать этот день и трястись при каждом взгляде на меня! А перепуганный трус от ужаса может такого наворотить, что мало никому не покажется.

Тут к Сергею опять вернулось ощущение, будто он вот-вот упустит нечто очень важное. Черт побери, но что же именно?! И о чем там бормочет Остерман?

– Государь, я понимаю! И не буду бояться, Богом клянусь! Я не хочу кончить, как Ушаков! Пожалуйста, смилуйся! Вот уже совсем не боюсь, истинная правда!

– Да? А со стороны ни за что не скажешь. Это, значит, ты так здорово умеешь притворяться, не только лицом и голосом, но даже запахом? Хвалю. Но Ушаков, выходит, боялся?

– Конечно, государь! Ведь он был в коллегии, коя приговорила твоего отца к смерти, и даже, говорят, лично участвовал в казни! Очень боялся, что ты ему это все припомнишь.

Сергею показалось, что щелчок, с которым у него в голове все встало на свои места, был слышен даже Остерману. Блин, какой же, оказывается, идиот сидит сейчас на российском троне! Придумывал каких-то таинственных кукловодов, дергающих Ушакова за веревочки. Соображал, пристрелить или отправить в ссылку Елизавету, которая тут вообще никоим боком не замешана. Шлепнул Дмитрия Голицына, но это еще ничего, с ним все равно пришлось бы что-то делать. А как все оказалось просто! Ведь это для него, Новицкого, убитый двенадцать лет назад царевич Алексей был всего лишь объектом пары статей про петровские времена да фигурой с картины Ге. А Петру Второму это родной отец, которого он, возможно, даже помнил! И уж всяко мог питать недобрые чувства к одному из его убийц. И что подумал Ушаков, получив от царя указание заняться делишками Совета? Его подставляют, дабы было потом за что отправить черт знает куда или вовсе казнить! И, понятное дело, начал вести свою игру.

Сергей ненадолго задумался. Вообще-то он по возможности старался избегать экспромтов, но только тогда, когда имелся запас времени, а сейчас его нет. Значит, придется действовать по наитию.

– Хорошо, дам тебе шанс, слушай меня внимательно. Итак, ты прибыл сюда по приглашению Дмитрия Голицына и здесь был посвящен в заговор. Меня и прибывшую в Москву цесаревну Елизавету хотели убить, а потом для сокрытия следов устроить пожар в Лефортовском дворце. Затем посадить на трон курляндскую герцогиню Анну Иоанновну и править от ее имени. Ты, услышав такое, немедленно отказался от участия в столь грязном деле, но тогда эти двое решили не выпускать тебя живым. Но, как верный слуга моего величества и вообще герой, ты достал свой пистолетик и всадил предателям по пуле в лоб.

Новицкий подошел к окну, распахнул створку и выстрелил из обоих стволов остермановской игрушки. Несмотря на несерьезный вид, бабахнула она довольно громко, даже стекла задрожали.

– Сейчас со всей скоростью мчишься в Совет, где поведаешь о замышлявшемся невиданном злодействе, которое удалось предотвратить буквально в последний момент. Оттуда шлешь гонца в Лефортовский дворец – поставить в известность меня. Все понял? Тогда исполняй и помни, что от скорости и точности действий зависит твоя жизнь. Предашь – даже застрелиться не дам, тем более что тебе свою пушку и зарядить нечем. Долго и непросто будешь умирать, это я тебе обещаю. Не прощаюсь: через пару часов в любом случае увидимся.

Сергей повернулся, быстро спустился с лестницы, пробежал метров пятьдесят и плюхнулся в ожидающие его сани. Гаврила накинуд на плечи царя доху, а покинувший дом Ушакова последним Пахом вскочил на облучок и хлестнул лошадей.

Шел редкий снег – скорее всего последний перед наступлением настоящей, а не календарной весны. Лошадки резво бежали в сторону Лефортова, а Новицкий кутался в доху, чувствуя, как его все сильнее и сильнее пробирает дрожь. Да что же это такое, со злостью

думал он. Во всех книжках написано, что такая реакция бывает только на первый труп, а у него это уже второй и третий! Но все равно колотит почти как в первый раз. Или это оттого, что доха насквозь выморозилась, пока он там колупался в доме?

Против воли перед мысленным взглядом Сергея пронесли события почти трехлетней давности. Мать тогда уже сильно пила, и однажды к ним явился молодой лохотенный господин. Он предложил Новицким переехать из «двушки» в коммуналку, получив за это аж целых сто тысяч рублей. Если же мать заартачится, то уже есть решение соответствующих органов о признании ее конченной алкоголичкой, то есть недееспособной, не имеющей права ни распоряжаться своей квартирой, ни даже воспитывать детей.

Правда, визитер не рассчитал времени, мать была уже никакой и просто не могла понять, чего же от нее хотят. Но Сергей все понял сразу. До этого он считал, что хуже, чем они живут сейчас, жить просто нельзя. Однако оказалось, этот тип полагает, что очень даже можно!

«А вот хрен тебе, – совершенно спокойно подумал тогда Сергей. – Похоже, я правильно подозреваю, что моя жизнь кончена. Да, это правда, и осталось мне только одно – сделать так, чтобы ты, гнида, сдох хоть и ненамного, но все же раньше меня!»

Новицкий, не дожидаясь конца беседы, тихо вышел в прихожую, взял велосипед и спустился вниз. Откатил свой транспорт от подъезда и стал ждать.

Вскоре на улицу с брезгливым выражением на морде вышел скот, который еще не подозревал, что его конец может оказаться совсем близким. Сел в «БМВ» и поехал в сторону Севастопольского проспекта. Это хорошо, подумал Сергей, оседлав велосипед, в такое время проследить за ним будет нетрудно, там до самого Ясенева одна сплошная пробка.

Через час с небольшим он уже знал, где живет их незваный гость. Весь остаток вечера ушел на изготовление заточки из электрода-пятерки. Еще три дня – на тренировки, чтобы удар получился достаточно сильным. Кроме того, каждый вечер Новицкий ездил туда, куда его привел «БМВ». Да, тварь, судя по всему, жила именно здесь. И ставила машину практически вплотную к кустам, что сильно упрощало задачу.

Сначала только что назначенную операцию пришлось отложить, потому как объект вернулся слишком рано. Но зато на следующий день он добрался до дома аж в одиннадцатом часу вечера, когда Сергей уже начинал терять терпение. Подъехал к кустам, вылез из машины, встал спиной к замершему Новицкому и слегка нагнулся, чтобы запереть дверь. Пора!

Заточка вошла под лопатку куда легче, чем на тренировках в дюймовую доску. Не оглядываясь, Сергей пробрался сквозь кусты, вышел, спокойно дошел до своего велосипеда и поехал домой. По дороге он сделал небольшой крюк к Черемушкинскому пруду, швырнул туда заточку, и тут началось. Трясло его так, что ехал он практически на автопилоте. Добравшись до дома, бросил велосипед у подъезда, с трудом поднялся на третий этаж и позвонил, понимая, что ключом в прорезь замка ему просто не попасть. Впрочем, открывшая дверь мать не обратила на вид сына никакого внимания.

Отпустило его только под утро. Он вздохнул, спустился вниз, убедился, что велосипед уже украли, и опять вернулся домой. Через полтора часа следовало собираться в школу. Но вряд ли это надолго: вопрос тут только в том, когда за ним придут – прямо сегодня или все-таки завтра?

Самое интересное, что за ним вообще не пришли. То ли оттого, что убитый никому не говорил, куда ездил за четыре дня до смерти, то ли в милиции просто смогли повесить это дело на кого-то еще. Новицкий тогда даже растерялся. Ведь он твердо решил, что на этом ему конец, а жизнь, блин, течет себе и течет, как будто ничего не случилось! Ну не делать же новую заточку в самом деле и не всаживать ее себе в брюхо.

Однако через полтора месяца судьба сделала Сергею подарок в виде встречи с дядей Виталием. И оказалось, что жизнь вовсе не кончена, а только-только начинается.

Вскоре впереди показался Лефортовский дворец. Сергей передал Пахому небольшой мешочек с серебряными рублями, скинул доху, спрыгнул с саней и быстро зашагал к своему обиталищу. Гаврила развернул лошадей, и вскоре сани исчезли в вечерней снежной мгле.

– Государь, ты не простудишься? – встретил его выбежавший на улицу Афанасий.

– Нет. Первую роту сюда, быстро. Миниха тоже позови. Пару заряженных пистолетов мне возьми в кордегардии. И мой возок к парадному входу, а пока я действительно зайду немного погреться.

Вообще-то Сергею было не холодно, дрожь уже унялась, так что, похоже, в книгах и не очень сильно ввали.

Через пятнадцать минут первая рота Семеновского полка двинулась по направлению к Кремлю. За ними переваливался по утопанному снегу императорский возок. Миних ехал верхом.

Сергей осмотрел принесенные ему пистолеты. Да уж, это вам не остермановская итальянская мелочь. Пуля из такой хреновины все мозги разбрызжет по окрестностям. Правда, из этих дулострелов вряд ли удастся хоть куда-нибудь попасть, но оно и не очень важно, тут теперь и без императора есть кому пострелять, поработать штыком или помахать саблями. Ну а в крайнем случае можно будет использовать пистолеты для постановки дымовой завесы.

Новицкий глянул в окно. Опять Москву не посмотреть: стекло запотело, да и темно вокруг. А чего это вдруг впереди заорали? Как, уже Кремль? До чего же быстро, однако, летит время.

К моменту прибытия царя Верховный тайный совет собрался в Золотой палате уже полным на текущий момент составом – Головкин, Остерман, Алексей и Василий Долгоруковы, Михаил Голицын. Когда туда вошел император, все встали. Просто стало как-то не очень удобно сидеть под дулами десятка фузей вошедших следом за Петром семеновцев.

– Господа, – начал молодой царь, – вы наверняка уже знаете о прискорбном событии, приведшем меня сюда. В Совете завелась, не побоюсь этого слова, паршивая овца!

Алексей Долгоруков попытался было что-то сказать, но Сергей обернулся к Миниху, и тот рывкнул во всю мощь луженой глотки:

– Ма-а-алчать! Слушать государя со всем почтением!

– Да, вот именно, – подтвердил Новицкий, выждав, пока утихнет заметававшееся под каменными сводами эхо. – Итак, завелась овца. Я бы даже сказал, баран. А отчего это произошло? Оттого, дорогие мои, что у вашего Совета нет главы. Но коли ее нет, то это не государственный орган, а просто сборище, и я хочу вам помочь исправить сие недоразумение. Предлагаю избрать председателя, тем более что место Дмитрия Голицына все равно вакантно. Вот вам прекрасная кандидатура – Христофор Антонович Миних. Муж необычайных достоинств, вы только на его саблю посмотрите! Я такой и двумя-то руками с трудом могу махнуть, а он одной управляется как с пушинкой. Скольких ею зарубил – даже сказать не может, хотя весьма силен в математике. Значит, у него будет один голос, как у каждого из вас, в качестве простого члена Совета. А в качестве председателя – еще два. Итого три, если кто не успел сосчитать. Настоятельно рекомендую не медлить, а как можно быстрее принять правильное решение. Михаил Михайлович, ты что-то хочешь сказать?

Генерал-фельдмаршал Михаил Голицын хмуро смотрел в два пистолетных дула. Не дрожат руки у молодого царя! А ведь он давно подозревал, что Петр гораздо умнее и хитрее, чем хочет, точнее, до сего момента хотел, казаться. Взять хотя бы историю с падением Меншикова – Долгоруковы до сих пор уверены, что это исключительно их заслуга. А на самом деле молодой император небось сначала все решил сам, а уж потом начал делать вид, что прислушивается к словам Долгоруковых да своей тетки Елизаветы Петровны. Теперь же, получается, волчонок подрос и перестал таиться. Скажи что не так – точно выстрелит, и вопрос только в том – с одного ствола или сразу с двух. Нельзя ему сейчас открыто перечить.

– Да, государь, – наклонил голову генерал-фельдмаршал. – Господа советники, мне кажется, что мы должны немедленно выполнить царское повеление.

– Просьбу, генерал-фельдмаршал, всего лишь просьбу, – улыбнулся Петр, да так, что у Остермана по спине побежали мурашки. – Ведь Совет остается моим опекуном вплоть до совершеннолетия. Надеюсь, что в этом качестве вы будете принимать исключительно взвешенные решения, ибо иное чревато непоправимым ущербом для здоровья. Засим позвольте вас покинуть. Ах да, чуть не забыл, есть еще одна маленькая просьба. Не обижайте тут без меня Христофора Антоновича, а то ведь он человек простой и может слегка погорячиться. Так я пошел, а солдаты пока пусть останутся для усиления вашей безопасности.

Глава 14

Дзынь...

Проснулся Сергей сразу – этому он научился еще до тренировок в Центре. На всякий случай выставил на своем пульте комбинацию «100», то есть «повторить», хотя и так знал, кто к нему явился, дернул за шнурок, встал и начал быстро одеваться. Еще раз прослушал ответный сигнал, переложил наган из-под подушки в кобуру, глянул в зеркало, пригладил волосы ладонью и, зевнув, перекинул средний тумблер вверх. Христофор Антонович пришел, его ни к чему мариновать перед дверью.

По виду генерал-аншефа никто бы не догадался, что он провел бессонную ночь. Лицо свежее, чисто выбритое, мундир сидит безукоризненно, никаких красных прожилок в глазах или теней под ними нет и в помине.

– Извини, что разбудил тебя, государь.

– Да ладно, все равно скоро пришлось бы просыпаться. Рассказывай, как там в Совете – все живы?

– Пока все, – усмехнулся Миних. – Вот только не совсем я понимаю – а чего ты их вовсе не разогнал? Ведь момент был такой, что вряд ли кто воспротивился бы.

– Разогнать недолго, но зачем? Даже если не брать во внимание, что по возрасту у меня должен быть опекун, этот Совет – довольно полезная вещь. Как-никак управляет государством. Правда, довольно плохо, но причина тут ясная, и называется она – безответственность. Ведь ни перед кем они за свою службу не отвечали! Разве что если один вдруг вздумал бы творить что-то идущее вразрез с интересами всех остальных, его бы сразу укоротили, но таких дураков там нет. И кому в таких условиях придет в голову печься об интересах державы? Однако со вчерашнего вечера все изменилось. Теперь Совет отвечает перед нами с тобой, а это совсем другое дело. Кстати, если вдруг кто из них по привычке начнет вместо государственных интересов блюсти свои собственные, с оными идущие вразрез, а я буду сомневаться, что с таким человеком делать... ты мне напости про сегодняшний наш разговор. Договорились? Вот и отлично. Возвращаясь же к Совету – мне кажется, что со всеми его делами вполне могли бы справиться Остерман да Головкин. Его я, кстати, собираюсь завтра пригласить сюда, побеседовать. А остальные если и нужны, то только для того, чтобы этим двоим было против кого держаться вместе. Перегрызутся ведь иначе канцлер с вице-канцлером: как-то они не очень любят друг друга. Единственное, чего я ныне опасуюсь, – не поднял бы Василий Долгоруков своих преобразенцев.

– Вот сейчас это будет самый настоящий бунт, государь. Не думаю, что пойдет на него фельдмаршал. Семеновцы-то все как один за тебя встанут. Хотя... пес его, Василия, знает, чужая душа потемки.

– То-то и оно. И чтобы нам в этих потемках не блуждать, нужно найти в том полку хотя бы пару преданных царю офицеров да десяток солдат. Посулить, что за мной верная служба не пропадет, и поставить задачу. Коли вздумает Долгоруков поднимать свой полк, тут же пристрелить его. А уж что после этого кричать – надо еще придумать.

– Найду я таких людей, государь. Вот только...

– Понимаю, деньги нужны. Отыщем. Кое-что у меня уже есть, а мало будет – Совет добавит. До чего, кстати, он там без меня договорился?

– Принято решение, что надо составить кондиции, в коих будет четко прописано – что Совет может делать своей волей, а что император, не спрашивая разрешения. Писать эту бумагу будет Головкин, обещал управиться за два дня. Кстати, мне он приватно сообщил, что не против видеть тебя на посту председателя, а я тогда буду простым членом.

«Это у них что, хобби такое, – подумал Сергей, – кондиции сочинять? Анне Иоанновне не получилось подсунуть, чтобы она, значит, их «изодрать высочайше изволила», как было написано в официальном бюллетене, так теперь мне хотят всучить? До чего же упорные люди». И сказал:

– Ишь ты, какой он умный. Это ведь будет прямое нарушение завещания Екатерины! Нет, такие резкие движения нам делать еще рано. А вот принять меня туда кем-то вроде ученика... хотя нет, слово какое-то не очень. Пусть я стану ассоциированным членом без права голоса – пора уже потихоньку начинать вникать в государственные дела. Если же дойдет до того, что и твои три голоса не помогут, то мой все равно ничего не даст. Так что я лучше вместо этого голоса буду с собой пистолеты брать.

– Ты из них стреляешь-то хорошо?

– Думаю, что да, но точно сказать не могу, потому как ни разу не пробовал. Дашь несколько уроков?

– Надо же, – рассмеялся Миних, – а держал ты их так, будто с ними родился. Уроки же лучше брать у Губанова, он по пистолетам настоящий мастер.

– Спасибо, сегодня же к нему обращусь. А Совет что, до самого утра заседал?

– Нет, они еще ночью разъехались. Я же завернул в дом Ушакова, на покойников посмотреть, ибо были у меня сомнения, что Остерман смог с ними так лихо справиться. Как ни удивительно, но, похоже, не наврал вице-канцлер. Ранки маленькие, как раз под калибр его пистолетика. Вот только двое слуг куда-то делись, это мне непонятно. И еще – виноват я перед тобой, государь, что присоветовал обратить внимание на Ушакова.

– Был бы виноват, и сильно, если бы все кончилось плохо, – усмехнулся Сергей. – А раз оно получилось вроде и ничего, то вина твоя совсем невелика. Насчет же тех двоих... Может, они были особо доверенными при Ушакове и знали что-то о его планах – не сам же он собирался дворец поджигать. Глянули, что хозяин мертв, и пустились в бег, – предположил Новицкий, а сам подумал, что Гаврила с Пахомом, получается, зажмурили всего двоих. Действительно, бабка предоставила неплохих специалистов! Пора, пожалуй, расширить ей как финансирование, так и круг задач.

Чем молодой царь и занялся сразу после обеда, ибо Анастасии Ивановне аудиенция была назначена на два часа дня.

– Спасибо, бабушка, твои работники оказались весьма умелыми, – начал Сергей. – И это позволяет строить более серьезные планы. Но прежде, чем мы к ним перейдем, скажи – чем тебя наградить за верность да распорядительность?

– Ох, государь, так мне, старой, уже ничего и не нужно. Жить есть где, от голода не пухну, денег твоими милостями побольше стало, а уж какое ты уважение оказываешь, так я иногда сама себе завидую.

– Получается, ничего я для тебя сделать не могу?

– Можешь, ой, как можешь, только не для меня, а для моей внучки. Любимая она у меня, смотрю я на нее и радуюсь – ну прямо вылитая я в молодости, только еще красивей. А уж умница – просто страсть какая! И понимает она, что достойна лучшей доли. Целых девятнадцать лет девице, а она все не замужем! Я уж устала сватов-то подальше посылать, а она согласна выйти только за дворянина. Да где же его взять, чтобы согласился?

– Где взять – не проблема, но зачем это вам с ней? Вот сейчас давай про новые задачи и поговорим. Если вы с внучкой поможете мне в решении, то не ей какого-то захудалого дворянчика придется искать, а они сами счастливы будут, когда она обратит на кого-то свое благосклонное внимание. Итак, дело вот в чем. Я император или кто? А если да, то где мои

фрейлины? Ни одной ведь нет, это непорядок.

– Э-э... – растерялась бабка. – Так ведь фрейлины, государь, бывают не у императора, а у императрицы! Или ты опять жениться надумал?

– Окстись, старая. Я их просто хочу заранее завести, вот и все. Чтобы когда придет время жениться, они уже были давно собраны, обучены и так далее. Пока же пусть будут состоять при особе цесаревны Елизаветы. Присмотрят за ней и за тем, что вокруг нее происходит, но это еще полдела. Учиться им придется, и серьезно. Кто неграмотная – письму и счету. Как себя в высшем свете вести, это им Лиза покажет, я попрошу. Иноземные языки тоже желательно выучить, хоть это и не быстрое дело. Ну и другая учеба, совсем тайная. Надо, чтобы они с ножом обращались не хуже твоих Пахома с Гаврилой.

– Так ножом-то только Гаврила работает, а Пахом больше любит голыми руками шеи сворачивать. Хотя, конечно, и пырнуть тоже может, коли понадобится.

– Вот-вот, и это очень полезный навык, его обязательно надо внести в программу. В общем, нужно где-то с десятка девушек, способных всему этому обучиться и много чему еще. Сможет твоя внучка их сначала найти, а потом ими командовать? Происхождение, как ты сама понимаешь, тут никакой роли не играет.

– Наверное, сможет, государь, да и я ей помогу по мере сил. Так мне что, в следующий раз привести ее сюда?

– Приводи, только предупреди заранее, чтобы она мне тут глазки не строила. От нее служба потребуется, а не постельные утехы.

Кстати, и с этим тоже в ближайшие же дни надо что-то решать, подумал молодой царь, провожая бабку до двери. Это он сделал, во-первых, для демонстрации того самого уважения, коим недавно умилялась Анастасия Ивановна. А во-вторых, Новицкий после обеда все равно собирался совершить небольшую прогулку.

Разумеется, в Центре его учили верховой езде, причем все полтора года. До этого Сергей видел лошадей вблизи только пару раз, под конными милиционерами, поэтому первые уроки ему запомнились надолго. И после них резко повысился интерес к курсу «теория и практика тепловых машин»: ведь и по скоростным данным, и по динамике, и по управляемости лошадь значительно уступала скутеру «Хонда Дио», на котором Новицкому много раз давал покататься дядя Виталий. Кроме того, четвероногий транспорт оказался значительно выше двухколесного, и забираться на него было куда менее удобно, а падать, наоборот, проще и больнее. Однако потихоньку, по мере привыкания к животному и приобретения навыков управления им, у лошади начали обнаруживаться и некоторые преимущества. Выяснилось, что она куда умнее не только любого скутера, но даже автомобиля, и может везти седока сама, если ей знаком маршрут или впереди едет лидер.

Потом ипподромные занятия сменились выездами на природу, и Сергей оценил великолепную проходимость лошади. Он убедился, что по этому параметру она превосходит любой джип. В общем, к концу обучения Новицкий уже не так рвался начать свою жизнь в прошлом с постройки хоть какого-нибудь, пусть даже самого захудалого мотоцикла. Нет, со временем можно будет заняться и этим, но без всякой спешки. Вот когда ему перевалит за семьдесят и станет трудно ездить верхом, тогда и начать.

Заняв место Петра Второго, молодой человек уже через неделю своего пребывания в Лефортовском дворце познакомился с обоими своими здешними конями. Первый, Гермес, был весьма своенравной скотиной. Нет, он довольно быстро признал нового хозяина, но все равно так и норовил учинить какую-нибудь пакость – например, подвинуться на полшага в сторону в тот момент, когда Сергей на него запрыгивал. А вот вторая, кобыла Диана, или попростому Даша, оказалась очень доброжелательным и покладистым существом, так что император ездил в основном на ней. Правда, пока недалеко, по окрестностям дворца, громко именуемым парком.

В процессе изучения своего материального положения молодой царь быстро выяснил, что по документам лошадей у него должно быть не две, а пять, но до недавнего времени принимать меры было рано. Зато после вчерашних событий пора, однако Сергей собирался

делать это постепенно и без особых скандалов. Так что завтра Миних побеседует с мажордомом, который, оказывается, не только управляющий Лефортовским дворцом, но и гофмейстер императорского двора. Если беседа пройдет плодотворно, гофмейстер добровольно отдаст несправедливо нажитое, а потом отправится в неспешное, но наверняка познавательное путешествие по Владимирскому тракту. Если же нет – бог ему судья. В конце концов, Сергей в своей вчерашней речи перед Советом почти не преувеличивал насчет миниховской сабли. Зато следующий по списку, надо думать, после такой наглядной демонстрации поведет себя благоразумнее.

Ну, а освободившиеся должности займут Афанасий Ершов и его уже более или менее сформированная команда.

Однако сегодня Новицкий собирался не ограничиваться прогулкой по парку. В его планах было проехаться до Ново-Преображенского дворца, что стоял на противоположном берегу Яузы километрах в двух с небольшим выше по течению. Ведь именно в нем должна будет остановиться цесаревна Елизавета, приезд которой ожидался со дня на день.

Собственно говоря, это была первая поездка молодого императора по Москве, во время которой можно было хоть что-то увидеть. Ведь из закрытого возка не видно почти ничего. Из открытых саней обзор куда лучше, но поездка происходила вечером, шел снег, да и было тогда Сергею совсем не до рассматривания красот древней столицы. Сейчас же – самое время, хоть по сторонам не совсем Москва, а ее дальняя окраина.

Новицкий ехал чуть впереди десятка своей охраны и вертел головой, пытаясь привязать то, что он видел, к карте двадцать первого века. То, что Лефортовский дворец стоял в конце будущей Второй Бауманской улицы, выяснилось еще на стадии подготовки к забросу. Мост через Язу находился примерно на месте Госпитального, но был деревянным. Дальше дорога шла вдоль берега, справа же виднелись здания так называемой «военной гошпитали». В основном это были длинные бревенчатые дома, и только чуть в стороне стоял полуторазэтажный каменный особняк с облезлыми колоннами при главном входе.

Вскоре кавалькада по льду пересекла речку Хапиловку. Моста через нее не было, летом речушку форсировали вброд. Сергей чуть придержал Дашу, чтобы осмотреться, – ведь именно здесь Нартов собирался строить завод по производству станков. Поначалу привод будет от водяного колеса, а потом, если получится, заработает и паровой двигатель.

Через полчаса дорога резко повернула направо, ибо впереди было болото, где из-под снега торчали камыши. Ага, сообразил Новицкий, они сейчас где-то в районе метро «Электrozаводская». И движутся по направлению к одноименной улице.

Действительно, дальше дорога шла метрах в трехстах от реки и упиралась в тот самый дворец, расположенный, как оказалось, примерно на полпути между Яузой и тем местом, где в двадцать первом веке была станция метро «Преображенская».

А ничего так сооружение, прикинул молодой император, спешиваясь у парадного подъезда. Точнее, у одного из них, ибо на самом деле дворец состоял из трех впритык поставленных друг к другу зданий. Все они были деревянными. В центре – двухэтажная коробка с куполами-мансардами сверху, по бокам две башни аж о четырех этажах каждая, а от них под прямым углом отходят длинные одноэтажные пристройки – наверное, какие-нибудь хозяйственные службы.

Осмотрев дворец изнутри и снаружи, молодой император отправился домой. Замечательное место для цесаревны, размышлял он по дороге, если бы его выбирал он, то именно этот дворец и выбрал бы. С одной стороны – никакого урона для престижа, ведь это же царская резиденция! Здесь довольно долго жил сам Петр Великий. А с другой – дворец, хоть он и царский, но уже не совсем новый, да к тому же в последнее десятилетие слегка заброшенный. В общем, только от самой Елизаветы будет зависеть, где, как и сколь долго она будет жить. Если окажется очень полезной, то скоро справит новоселье. Если не очень, то обойдется косметическим ремонтом. Не будет от нее ни вреда, ни пользы, придется довольствоваться тем, что есть. Ну, а коли цесаревна поведет себя совсем неправильно...

Ведь деревянный дворец имеет одно очень большое преимущество перед каменным наподобие того же Лефортовского, меланхолично подумал Новицкий. Случись нужда – и пожар вроде того, что якобы собирались устроить Ушаков с Дмитрием Голицыным, тут организовать куда проще, а останется после него гораздо меньше.

Глава 15

Цесаревна приехала в Москву двадцатого марта и привезла с собой весну и кавалергардию. Первой молодой царь был однозначно рад, а вот прибытие второй вызывало у него более сложные чувства. Правда, при более внимательном знакомстве с объектом они несколько поуменишили интенсивность.

Кавалергардов прибыло всего два десятка, и это было все, что удалось наскрести в Питере. Все остальные, а ведь их численность превышала сотню, уже давно околачивались в Москве, частным порядком перебравшись туда в течение последних полутора лет. Не как кавалергарды, а в качестве простых князей и графов, которые сразу предпочли банальному безделью в Петербурге его же, но неподалеку от царского двора и Верховного тайного совета. Боеготовность всего этого войска Сергей сразу оценил как весьма умеренную, на чем пока и остановился. Разгонять ли ему данное подразделение, точнее то, что от него осталось, император пока не решил.

Еще с Елизаветой прибыл ее лейб-медик, от рождения имевший имя Иоганн Германн Лесток. Потом, уже во Франции, он обзавелся приставкой «де» перед фамилией и подкорректировал имя до Жана Армана. Однако, так и не поднявшись выше полкового врача, Лесток разочаровался во Франции, покинул ее и перебрался в Россию, став Иваном Ивановичем. Здесь он довольно быстро смог приблизиться к Петру Первому и даже сопровождал его во многих походах.

История не сохранила сведений о том, каким хирургом был Жан Арман. Современники, которых Новицкий опрашивал уже здесь, тоже не могли пролить света на его профессиональные качества, но все единодушно сходились в том, что Иван Иванович есть первостатейный бабник и интриган. Каковое мнение он и подтвердил в той истории, став одним из руководителей заговора по свержению Анны Леопольдовны и воцарению Елизаветы. Что с ним делать сейчас, Новицкий предполагал решить после личной встречи.

Через три дня после приезда цесаревна нанесла визит императору. Приехала она верхом и довольно скромно – в сопровождении пары кавалергардов, симпатичного молодого камер-юнкера и мелкой, тощей, на редкость некрасивой девицы, да к тому же с весьма визгливым голосом. Всю эту ораву царь принял в ассамблейном зале – самом большом помещении дворца. Именно здесь Анна Иоанновна порвала бы «кондиции», не вмешайся в это дело Центр со своей аппаратурой межвременного переноса. Новицкий не исключал, что и ему придется со временем порвать что-нибудь этакое, так что зал поддерживался в должном порядке.

Разумеется, молодой человек не сразу кинулся встречать гостей, а сначала послушал доклад дежурной смены у главного входа, затем через тайную дырку сам понаблюдал за пришедшими. И только проделав все это, соизволил явить визитерам свою царственную особу.

– О, ваше величество, вы так прекрасно выглядите! – воскликнула цесаревна и сделала не то реверанс, не то книксен. Так как настоящий Петр Второй совершенно не разбирался в подобных вопросах, их не стали преподавать и курсанту под номером семь, программа его подготовки и без этого была крайне насыщенной.

– Вы тоже, ваше высочество, – чуть наклонил голову Сергей.

Среди видеозаписей из восемнадцатого века, имеющихся у Центра, только на одной фигурировала Елизавета, да и то мельком, так что Новицкий с интересом рассматривал свою здешнюю тетку. Да, не то чтобы ослепительная красавица, но и далеко не уродина.

Курносый нос ее несколько портит, но она это отлично знает и старается не поворачиваться к царю боком. Зачем в ее свите эта замухрышка – понятно. На фоне такой кикиморы красавицей покажется кто угодно, а уж Елизавета и подавно. А вот с какого хрена тут оказался вон тот юноша – его сюда что, притащили с целью заставить императора немножко поревновать?

Сергей чувствовал себя несколько неудобно, и вовсе не из-за того что беседовал с молодой, сравнительно красивой и явно готовой перейти к решительным действиям женщиной, к тому же одетой в платье с открытыми плечами и внушительным декольте. Нет, дело было в том, что наган сейчас лежал в царской опочивальне, в тумбочке у изголовья кровати, и без его привычной тяжести ощущалась какая-то неуверенность. Чтобы преодолеть ее, молодой человек сделал два шага вперед, наклонился к уху цесаревны и шепнул:

– Лиза, зачем ты привела с собой этих людей? Мне так много хочется сказать тебе, но не в такой же компании!

В ответ Елизавета чуть прижалась к Сергею. Как раз к тому месту, где всегда была кобура, отметил про себя молодой император, но сейчас ничто не помешало ему еще чуть-чуть приблизиться к тетке.

– Петя, они нам не помеха, – призывно улыбнулась она, откинула голову и громко произнесла: – Ваше величество, вы не покажете мне место, где к вам явился ангел? Я вся сгораю от любопытства!

– С удовольствием, ваше высочество, – степенно кивнул Новицкий. – Позвольте предложить вам руку. Надеюсь, ваша свита не сочтет себя обиженной, если мы ее ненадолго покинем?

Вместо ответа Елизавета молча вцепилась в оттопыренный локоть.

Все так же в молчании пара прошла коридором, где в данный момент охрана несла службу в скрытом режиме, из-за чего он казался пустым. Поднялась на второй этаж к царской приемной. Здесь, как и положено, на видном месте сидел дежурный камердинер, а у дверей в опочивальню застыли два семеновца. Сергей отлепил от косяка маленький кусочек воска с оттиском печати, который показывал, что в его отсутствие внутрь никто не заходил, провел Елизавету в комнату, запер дверь на небольшой, но прочный засов и, старательно изображая смущение, произнес:

– Ну вот, наконец-то мы одни, и нам никто не мешает.

Правильно поняв слова императора, тем более что понять их неправильно в такой ситуации могла только полная дура, цесаревна обхватила его шею руками, прижалась всем телом и подставила рот для поцелуя.

Он продолжался довольно долго, так что Сергей имел время вдумчиво ощупать свою партнершу. Первым делом он убедился, что в пределах досягаемости его рук нет ничего, хоть отдаленно напоминающего кинжал. Выполнив обязательный пункт программы, молодой человек уже просто ради интереса поискал корсет. Но, кажется, его не было ни на талии, ни выше, ни ниже.

Наконец у Елизаветы кончился запас воздуха в легких, она немного отстранилась и кокетливо спросила:

– Так куда же именно явился ангел?

– Вон туда, – показал Сергей на кровать.

В свое время он достаточно подробно изучил женскую моду восемнадцатого века. Более того, на одно из занятий по сексуальной культуре преподавательница явилась в копии вечернего платья императрицы Анны Иоанновны. Вид у нее в этих тряпках был, конечно, потрясающий. Но зато избавляться от них пришлось минут десять, причем совместными усилиями. Новицкий мечтательно улыбнулся, вспомнив, как его трясло от нетерпения, а на чертовом платье еще оставалась прорва нерасстегнутых крючков и каких-то идиотских завязок.

Однако сейчас таких подвигов не требовалось. Елизавета ответственно подошла к подготовке своего визита, так что на раздевание ей понадобилось меньше двух минут, а

помощи не потребовалось вовсе.

Сергей задержал дыхание, чтобы покраснеть, и принялся расстегивать камзол нарочито неловкими движениями, не отводя взгляда от обнаженной цесаревны. Да, зрелище, конечно, не очень вдохновляющее. Кожа белая, чуть ли не дряблая, и тело колыхнется, как студень. Грудь? Нет, это скорее подходит под определение «сиськи-моталки». Ну просто никакого сравнения с идеальной фигурой преподавательницы. А уж как у нее под загорелой кожей перекачивались стальные мышцы, когда она заключала юношу в свои мощные объятия...

Но молодой организм плевать хотел на эстетические воззрения своего хозяина, и тот, быстро закончив с раздеванием, осторожно присел на край кровати.

Все остальное цесаревна сделала сама.

Новицкий лежал, положив руку на левую грудь Елизаветы, и считал пульс. Так, похоже, он уже в норме. Дело было в том, что Стерлядь неоднократно напоминала ему – после секса произносить что-либо, кроме слов, выражающих восхищение партнершей, можно только тогда, когда пульс у нее замедлится до восьмидесяти ударов в минуту. Если, конечно, не хочешь ее специально обидеть. В данный момент этого не требовалось, но пульс уже стал почти нормальным, так что Сергей сказал:

– Ах, до чего же не хочется вставать! Да через полчаса ко мне придет Миних с докладом. Но, может, задержишься у меня в гостях до вечера?

– Ты, наверное, хотел сказать «до утра»? – рассмеялась Елизавета. – Миленький, ну конечно, куда же я от тебя теперь денусь.

Пока молодой император с цесаревной, как было объявлено ее свите, занимались важными государственными делами, подчиненные Афанасия Ершова успели поболтать со слугами приехавших. И выяснили, что камер-юнкера зовут Петр Шувалов, а кикимору – Мавра Шепелева. Не исключено, что эти двое являются любовниками.

Ага, припомнил Новицкий, выслушав доклад своего главного камердинера. Кажется, это тот Шувалов, коему предстоит изобрести секретные единороги с овальным в сечении каналом ствола. Надо бы занять его чем-нибудь полезным, чтобы человек не маялся дурью. Ведь энергии ему не занимать. А крыска, получается, его будущая жена? Впрочем, до свадьбы еще далеко, в той истории она состоялась через десять лет, так что можно не спешить с выражением глубокого соболезнования. Хотя, конечно, ради карьеры люди женились и не на таких страшилищах. У этой хоть ноги не очень кривые, как утверждает ее служанка. В общем, данная пара – довольно перспективные молодые люди, и надо, пожалуй, озадачить бабку сбором более подробных сведений о них.

Доклад Миниха был посвящен последнему заседанию Верховного тайного совета и не содержал каких-либо неожиданностей. «Кондиции» утверждены, и завтра в Лефортовском дворце состоится церемония их подписания, а пока он, Христофор Антонович, привез бумаги на ознакомление.

Сергей быстро просмотрел документ, не отличающийся особой длиной. Совет без согласования с императором мог делать почти все, за исключением утверждения смертных приговоров, а в отношении лиц первых трех классов табели о рангах – вообще любых. Кроме того, он не мог самостоятельно объявлять войну.

Император же без согласования с Советом мог только распоряжаться выделенными на его содержание средствами, каковые составят на текущий год сто тысяч рублей. И объявлять помилование – этот пункт был внесен Головкиным по результатам приватной беседы с молодым царем. Потому как допустить, чтобы кто-то посторонний имел право решать судьбу его людей, Новицкий никак не мог. Да и самому теперь не придется в случае необходимости лазить по чужим домам с наганом за пазухой. Исполнители, зная, что в любом случае, кроме предательства, их обязательно помилуют, будут действовать куда увереннее.

Ужинал император в компании цесаревны – после того как она проводила свою свиту. Происходило это в малой трапезной, примыкающей к царской опочивальне.

– О, как интересно! – восхитилась Елизавета, когда Сергей отложил меню. – Можно и мне посмотреть? И тебе что, всегда теперь приносят такую бумагу на завтрак, обед и ужин?

– Разумеется, – подтвердил царь, пододвигая к себе рыбные котлеты. – Зря, что ли, меня читать учили? Тем более что ангел меня не только исцелил, но и обязал исполнять определенные требования. Первое – самому неустанно заботиться о своей безопасности. Второе – не пить вина.

Этот пункт был внесен в ангельский перечень потому, что Новицкий, насмотревшись на то, во что превратилась его мать, уже к шестнадцати годам стал убежденным трезвенником.

– И третье – прекратить тратить свое драгоценное время на охоты и прочие шумные забавы. Если совсем нечего будет делать – почитать книжку или заняться каким-нибудь ремеслом по примеру Петра Великого.

– Ой, бедненький, – вздохнула тетка, причем, кажется, вполне искренне. – Так тебе теперь нельзя охотиться?

– Увы, это так. Поэтому дарю я тебе своих собак вместе с псарями.

– А соколов?

– И их тоже.

– Как я тебе благодарна, Петенька! Но расскажи все-таки, что ты чувствовал, когда ангел... вот так прямо взял и явился, да? Это был серафим или обычный?

– Не знаю, мне было не до подсчета числа крыльев. Я ведь совсем уже помирал, а тут вдруг смог открыть глаза и вижу: висит он надо мной, слегка крылами помахивая. И говорит мне: мол, хоть и нагрешил ты много, но наверху решено предоставить тебе последний шанс. Затем перечислил, чего мне можно и чего нельзя делать, и положил ладонь на лоб. Тут благодать меня пронзила до самых пяток, ангел же поднялся и улетел прямо сквозь потолок. А я вдруг почувствовал себя совсем здоровым. Только небольшая слабость осталась, да и она прошла к вечеру. А через неделю все язвы на лице и теле окончательно зажили, не оставив следов.

Елизавета слушала, приоткрыв рот. И ведь ничто в рассказе не противоречило известным ей фактам! Да, император умирал. А теперь на его коже даже оспин нет, что было бы удивительным, не приложи сюда руку ангел. Потом на ее лице отразилась работа мысли, и она не очень уверенно спросила:

– А насчет этого... ну, телесного греха... ангел ничего не запрещал?

– Нет, только наказывал не забывать потом каяться на исповеди. Кстати, она у меня должна быть совсем скоро, я же еще толком и нагрешить-то не успел! Поможешь мне в этом деле? А то ведь пока выходит так мало, что и каяться-то просто неудобно.

– Два раза подряд – это тебе мало? – захохотала Елизавета. – Дай поесть, ненасытный, а то мне за обедом и кусок-то в рот не лез от волнения. А потом, конечно, помогу, не оставлять же моего Петеньку совсем безгрешным.

Заснул Сергей только под утро. И хотя обычно ему не снилось ничего, а если и снилось, то сразу после пробуждения забывалось, в эту ночь он смотрел настоящий эротический 3D-фильм, причем запомнившийся во всех подробностях. Только главной героиней его была почему-то не Елизавета, а преподавательница сексуальной культуры из навсегда покинутого Новицким мира.

Открыв глаза, император увидел, что Елизавета уже проснулась. Они поцеловались, а потом молодая тетка игриво спросила:

– Петенька, а что это ты меня ночью называл каким-то странным именем? Я не запомнила, не до того было. Кажется, севрюгой.

– Э... – растерялся Сергей, мысленно матеря себя за потерю самоконтроля, – это я от любви.

Немного подумал и добавил:

– Рыбонька.

Состоявшаяся же на следующий день исповедь выглядела так.

– Грешен, – заявил император, – ибо прелюбодействовал. С кем – сам знаешь, но болтать об этом все равно не моги, а то мне неохота потом каяться в куда более серьезном деянии.

– Много ли нагрешил, сын мой?

– Много, батюшка, – вздохнул исповедуемый с искренним раскаянием. – Днем два раза, потом ночью пять, а может, и все шесть, да еще и утром один.

– Ох, тяжело, – покачал головой исповедник. – Ну разве же так можно? Совсем ты себя не бережешь, государь.

– Да понимаю я, понимаю и впредь допускать таких излишеств не стану.

Глава 16

Впрочем, если бы молодой человек и захотел нарушить слово, данное своему духовнику, в ближайшие несколько суток у него это просто не получилось бы. В момент исповеди он чувствовал себя сравнительно неплохо, а вот на следующий день началось.

Ходить получалось только не очень быстро, и при этом широко расставляя ноги, попытки же перейти на нормальную походку приводили к ноющей боли в паху. Смотреть на смазливых девиц, а такие встречались среди подчиненных Ершова, получалось, только преодолевая отвращение. И воспоминания о незабвенной Стерляди, хоть и оставались светлыми, никаких грешных поползновений уже не вызывали. А ведь предупреждала его преподавательница, чтобы он, дорвавшись, не зарывался! Сам виноват: не послушал умной женщины – вот и ползай теперь на полусогнутых. Хорошо, хоть далеко идти не пришлось – церемония подписания «кондиций» состоялась в зале, где за день до того произошла первая встреча с цесаревной.

Сергей и раньше понимал, почему Центр поручил его сексуальную подготовку столь нестандартной даме, а после ночи с Елизаветой окончательно в этом убедился. Ему сделали прививку от юношеской влюбчивости. И хотя он и тогда отлично знал, что для большинства мужчин идеал женской красоты выглядит совсем не так, но поделать с собой ничего не мог. В восемнадцатом же веке при всем желании не получится найти женщину, хоть отдаленно напоминающую его первую любовь, – в этом он уже не боялся себе признаться. Ведь Елизавета, в сущности, довольно привлекательна даже по меркам двадцать первого века. Чуть полновата, но многим это нравится. Они, эти многие, вовсе не считают, что женщину красит умение легко выжимать полторапудовую гирию. Да наплевать, в конце-то концов. Центр, хоть и преследуя свои цели, все сделал правильно. Там считали, что ему нельзя влюбляться, пока он не соберет, не настроит и не запустит маяк. И он полностью согласен – да, нельзя! Выполнение задачи, которую он сам себе поставил, потребует напряжения всех сил, и отвлекаться на чувства – это значит предать и самого себя, и память о дяде Виталии.

Так что никакого сладостного нетерпения в ожидании следующей встречи с цесаревной молодой император не испытывал. А она должна была состояться через три дня, и теперь уже в Ново-Преображенском дворце. Сегодняшним же вечером Сергею предстояло познакомиться с теми, ради кого на самом деле эта встреча и затевалась.

Делегация пришла сразу после ужина, Сергей принял ее в малой трапезной. Привел гостей сам Ершов, и он утверждал, что этого не видел никто, кроме двух караульных семеновцев, а это надежные люди. Глава делегации, бабка Настя, была согласна с главным камердинером, а с недавних пор уже мажордомом, мечтающим, и небезосновательно, о должности гофмейстера. Кроме Анастасии Ивановны, к Сергею пришла ее внучка Аня и

четыре девушки, которых она уже успела подобрать для предстоящей службы.

Новицкий поздоровался сначала с бабкой, похвалив ее за оперативность. Потом повернулся к внучке. Да, девица вроде ничего... пожалуй, будет даже чуть попривлекательней Елизаветы. Хотя, может, это ему только кажется в силу причин, над которыми он только что раздумывал. Ладно, сойдет и так, ведь ему с ней не спать, подумал молодой человек, непроизвольно вздрогнул и предложил гостям садиться.

– Итак, красавицы, – начал он, – я вас пригласил, чтобы предложить службу. Она будет и опасной, и трудной, это могу обещать сразу. Придется рисковать не только жизнью, но и, так сказать, женской честью, причем еще неизвестно, чем чаще. А в благодарность будет все, что я смогу для вас сделать. Подумайте, сейчас это вовсе не так уж много. Еще раз повторяю: подумайте, даю десять минут. Сегодня вы еще можете отказаться, и вам за это ничего не будет, кроме рубля за беспокойство. Но потом – нельзя.

– Государь, да стала бы я их сюда вести, будь они несогласные, – подала голос бабка. – Аль у тебя эти минуты совсем лишние?

– Ладно, тогда представляйтесь, начиная с самой младшей.

Вставшей пигалице было от силы лет четырнадцать.

– Евдокия Носова меня зовут, – смущенно сказала она.

– Племянница Гаврилы Петровича, – уточнила бабка, – того самого, государь. Брата его убило на шведской войне, при Гренгаме, о семье с тех пор Гаврила заботится.

– И что, учил тебя дядя чему-нибудь полезному?

– Учил, государь, – совсем смутилась девчонка.

– Чему выучил? Рассказывай, что умеешь.

Малявка замялась, но бабка вдруг рявкнула, ухитрившись сделать это шепотом:

– Ты чего мне тут мнешься, разэтакая?! Краснеть будешь, когда тебе государь прикажет, и не раньше, а сейчас докладывай коротко и ясно! Не то выгоню к чертям, а уж потом сама перед царем за дурость твою повинюсь, авось помилует старую.

– Умею писать и читать, – закатила глаза к потолку девочка, – могу разглядеть, где человек деньги носит, и украсть так, что он не заметит. Пролезу в любое окно, даже закрытое. Могу подрезать хоть человека, хоть коня, но дядя Гаврила говорит, что это у меня плохо выходит, дальше учиться надо. Пока...

Тут докладчица запнулась, но глянула на бабку и мужественно закончила:

– Пока еще девица.

– Это хорошо, – улыбнулся Сергей, – а вот скажи-ка мне, чего у меня сейчас есть при себе ценного?

– Несколько серебряных рублей в правом кармане камзола. Шесть или семь, не вижу. За пазухой справа тряпки подложены, а вот слева... не кошелек, точно. Наверное, пистоль, только какой-то уж больно маленький.

– Ну ты сильна, – покачал головой Новицкий. – Чувствую, предстоят нам с тобой интересные дела. Читаешь-то хорошо?

– Хорошо, государь. Могу вот такой лист прочесть и почти не устать, – гордо сказала девчонка, руками показав что-то размером примерно с формат А4. – А вот при письме, бывает, ошибки делаю.

Остальные девушки заявили гораздо более скромный букет навыков. Кроме Евдокии, грамотной была Анюта, причем эта, кажется, уже по-настоящему. Кроме того, она знала около сотни французских слов и даже могла составлять из них какие-то предложения. Насколько это получалось правильно, Сергей оценить не мог, потому как настоящий Петр Второй из иностранных языков знал только немецкий, да и то очень плохо, и умел нецензурно выражаться по-татарски. Понятно, что его сменщика в Центре учили тому же самому и примерно в таком же объеме. Кроме того, еще со школы у Сергея оставалось знание английского, но довольно умеренное. То самое, что в анкетах стыдливо обозначается как «читаю со словарем».

Еще одна волонтерка, Аглая, сразу обратила на себя внимание императора. Она,

пожалуй, на лицо была даже пострашнее Мавры Шепелевой из свиты цесаревны. Присмотревшись, можно было обнаружить явное сходство с обезьяной, причем не простой, а с синдромом Дауна.

– Ты, государь, не гляди, что у Глашки рожа-то дурная, – вновь сочла нужным вмешаться бабка, – на самом деле она очень умная, только по-своему. Что услышит или увидит – сразу запомнит и никогда не забудет. Москву знает даже лучше меня, а я ведь до недавнего времени считала, что такого просто быть не может.

– Правду говорит Анастасия Ивановна? – обратился Новицкий к Глаше. – Ну, а раз так, слушай стих на иностранном языке, потом повторишь.

Император напряг память, на которую в общем-то тоже до сих пор не жаловался, и начал читать зазубренный еще в школе монолог Гамлета:

– «Ту би о нот ту би, зат из зеквесшен...»

Правда, дочитать он его смог только до середины, дальше пошли провалы.

...Диктофон, ну прямо самый натуральный диктофон, восхищенно думал Сергей, слушая Аглаю. Ведь даже интонации повторяет! Интересно, а если прочитать ей инструкцию по наладке управляющего контура маяка, что записана в планшетах? Небось и ее осилит, Шекспира ведь воспроизвела без малейшей запинки. Но так извращаться ни к чему, а вот место, где она сможет спрятаться в его комнате, нужно оборудовать срочно. И пусть сидит там во время каких-нибудь важных переговоров, чтобы потом при необходимости всегда можно было прослушать запись. Жалко, что аналогичного фотоаппарата ему тут даже бабка не найдет, очень бы не помешал. Или на всякий случай озадачить, нехай попробует?

Две оставшиеся девушки никакими талантами не блистали, даже грамотностью, однако очень хотели подняться из тех низов, где пребывали до сего момента.

– Спасибо, бабушка, – чуть наклонил голову Сергей, – ты все исполнила как надо. Сама ненадолго задержись, а дев твоих сейчас Афоня проводит вниз, где им для жилья и учебы выделены две комнаты и небольшой зал. До завтра, девочки, а с утра начнем с вами составлять программу занятий.

После ухода будущих не то фрейлин, не то вообще незнамо кого Сергей встал и прошелся по комнате. Его не покидало чувство, что он опять, как с Ушаковым, только что увидел или услышал нечто важное, но пока не может понять, что именно. Однако недавняя история научила его с большим доверием относиться к своим предчувствиям, и молодой император попытался сообразить, когда же и что ему показалось, благо случилось это совсем недавно.

Итак, заходят девицы во главе с бабкой. Нет, это однозначно не вызвало никаких подспудных мыслей. Дальше – беседа с малолетней воровкой. Опять пусто. Затем представилась та здоровая, уже забыл – Наталья она или это следующая, а та, наоборот, Софья... ладно, сейчас это не совсем важно. Потом – знакомство с мартышкой-диктофоном. Точно, именно тогда его что-то и кольнуло! Но что именно?

«Ладно, – подумал Сергей, – у меня память хоть и не такая, как у Глаши, но уж один-то эпизод я смогу промотать в замедленном режиме. Итак, вперед выходит Аглая. Интуиция... пожалуй что молчит. Смотрю на девицу и думаю: Господи, ну до чего же не красавица, просто слов нет! Так, повторяю это уже сейчас – вновь пусто. Значит, возвращаемся назад. Я тогда сделал шаг вперед, присмотрелся и прикинул – она ведь даже страшнее Мавры... эврика! Вот что показалось мне интересным. И, значит, самое время озадачить бабку».

– Ну, а у нас с тобой, Анастасия Ивановна, есть еще одно небольшое дело, – сказал император, пододвигая стул и сядя рядом с собеседницей. – Во время визита цесаревны при ней состояла некая Мавра Шепелева. Семеновским полком командует Степан Андреевич Шепелев. И наконец, есть еще его старший брат, генерал-майор Дмитрий Андреевич Шепелев. Так вот, я хочу знать, как связаны меж собой эти трое. Кто кому протезирует, например. Насколько дружны братья, и если да, то который у них заправляет. Старший до недавнего времени пребывал в Петербурге, но ведь он не только генерал-майор, но и лейтенант кавалергардии. Где он сейчас? Наконец, за последнюю неделю я два раза видел

Степана не просто выпившим, а откровенно пьяным, раньше же за ним такого вроде не замечалось. Это мне тоже интересно. Вопросы есть?

– Э-э... государь...

– Да тьфу на тебя, старая! Ну когда ты со мной начнешь как с человеком разговаривать – или и перед девками своими так же мнешься, когда речь про деньги заходит? Сколько тебе надо, говори просто.

– Рублей двести, ваше величество. Впрочем, и триста лишними не будут, если тебе надо поскорее. А что мнусь иногда – так извини, не привыкла я еще у самого царя денег просить.

– Так можешь и не привыкать, я разрешаю. Но сейчас ты ничего не просишь, а сообщаем, в какую сумму выльется выполнение поставленной задачи, а это совсем другое. И значит, чтобы тебя в дальнейшем всякие такие сомнения не мучили, мы сделаем так. С завтрашнего дня в Российской империи учреждается Невидимая Служба, коей ты командуешь в чине... ну, например, младшего комиссара. Пусть это будет соответствовать четвертому классу табели о рангах. Должностной оклад – сто рублей в месяц. Мало, понимаю, но ты ведь и сама знаешь, что с деньгами сейчас у меня не очень. Указ про это будет готов завтра же. Но так как служба-то невидимая, то прочитать его я дам только тебе, всем прочим оно пока ни к чему.

Вместо того чтобы от полноты чувств хлопнуться в обморок или по крайней мере радостно всплеснуть руками, бабка вздохнула:

– Ох, и высоко же ты меня поднимаешь, государь. Наверное, падать будет больно.

– Если не предашь, то падать будем только вместе, но лучше пусть это делают наши враги. Ты же на всякий случай имей в виду, что твой чин – это вовсе не потолок в новой службе. За ним идет просто комиссар, выше – главный комиссар. Ну, а если совершишь на своем посту нечто выдающееся, то пожалуй тебя высшим званием, и станешь ты директором, а это первый класс, то есть равно канцлеру. Но до таких высот тебе еще работать и работать. Хотя ты вроде женщина способная и не ленивая, так что все в твоих собственных руках.

– Спасибо на добром слове, государь, – степенно кивнула Анастасия Ивановна, – а про Мавру я тебе прямо сейчас могу кое-что рассказать.

В отличие от императора цесаревна в преддверии грядущей встречи с ним не могла думать ни о чем другом. Боже, как изменился Петенька за те почти два года, что они не виделись! Но в главном остался тем же самым – умным, хитрым и упрямым. Только раньше это были свойства еще не оперившегося мальчика, а теперь...

Елизавета была очень наблюдательной женщиной, и ее ближайшая подруга Мавра ей не уступала. Так вот, после визита в Лефортовский дворец обе сошлись во мнении, что порядок там наведен железный. Значит, после болезни Петя взялся за ум и начал со своего дворца. А потом показал Совету, что с императором, хоть он еще и несовершеннолетний, надо считаться. Что будет дальше? Петр, если ему не помешают, продолжит в том же духе. Сначала станет настоящим хозяином в Москве, а потом и по всей России. Правда, раньше он был нетерпелив, но сейчас все изменилось.

Тетка царя улыбнулась, вспомнив свою небольшую проверку. Вовсе не так уж она хотела есть, когда Петр предложил ей продолжить начатые днем постельные утехы! Цесаревне было интересно, как царь прореагирует на отсрочку. Так вот, он взял себя в руки и продолжил ужин, почти не выдавая своего нетерпения.

Раньше за ним такого не замечалось... какая жалость, что она, Елизавета, у него не первая! Надо было тогда, в Петербурге, быть немного настойчивее, и, может, Петр не уехал бы оттуда мальчиком. А сейчас это мужчина, причем, что удивительно, явно с хоть и небольшим, но все же опытом. Ну и змея же эта Катька Долгорукова! И когда только успела, холера толстомясая? Или это кто-то еще?..

Тут Елизавете стало как-то немного не по себе. Ведь Петр без малейших колебаний

отправил эту девку в ссылку, несмотря ни на что! Может, и ее ждет похожая судьба?

Нет, все же решила цесаревна, Петя так поступил только из-за того, что Долгоруковы покусились на трон. И если она не будет плести интриг, а, наоборот, станет молодому царю первой помощницей и утешением в трудные минуты, ее ждет великое возвышение. Боже, как же надоело жалкое прозябание в Сарском! Где приходилось не только терпеть нужду, но и вообще опасаться за свою жизнь. Однако теперь все будет иначе – разумеется, если она, Елизавета, не наделает ошибок.

Молодая женщина вздохнула. Кажется, одна уже сделана. Но кто же знал, что Петя окажется столь неутомим в постели! Однако мальчик, кажется, все-таки немного надорвался. И теперь скорее всего грядущая встреча приведет его в разочарование, которое чревато многими неприятностями, вплоть до того что место рядом с императором займет другая. Этого нельзя допустить, но что делать? Может, Мавра знает? Ведь от нее у Елизаветы давно уже нет тайн.

– Да, Лиза, я представляю, как тебе помочь, – сразу сказала верная подруга, выслушав излияния цесаревны. – Петра надо приворожить. Не удивляйся, я знаю что говорю! Есть в Москве известная бабка-ведунья, она, говорят, в молодости с самим чернокнижником Брюсом якшалась. Я сама хотела к ней обратиться, дабы накрепко она привязала ко мне Петю Шувалова, но тебе, конечно, уступлю, мне ведь можно и потерпеть. Немедля надо ехать к этой бабке, еще до визита его величества. Волос-то ты его не потеряла? Она поможет, если не покусимся, про это многие говорили, только ей волос обязательно нужен.

Глава 17

В гости к Елизавете Сергей немного опоздал, но по вполне уважительной причине. Опять же изречение «Точность – вежливость королей» еще не было высказано, потому как до рождения его автора, Людовика Восемнадцатого, оставалось четверть века. Кроме того, я не какой-то там король, а целый император, подумал Сергей, предлагая Нартову присесть, перевести дух и откусать кофию либо брусничной воды.

Андрей Константинович прискакал в Лефортовский дворец в весьма возбужденном состоянии.

– Аль стряслось чего, господин? – поинтересовался спустившийся в вестибюль на шум главный камердинер.

– Работает! – закричал ему чуть ли не в ухо царский токарь. – Так и передай государю, что паровая машина работает! Да побыстрее, царь очень ждет этой вести.

Насчет этого Афанасий был в курсе, так что уже минуты через две Нартов докладывал то же самое императору, но с подробностями.

Ох, грехи наши тяжкие, сокрушенно подумал Новицкий. То есть тьфу, меньше надо на ночь глядя с владыкой Феофаном беседовать, спохватился он. Итак, начнем сначала. Вот же, блин! Значит, нартовская машина подняла четыре пуда на две сажени за четверть минуты, и теперь надо прикинуть мощность. Нет, хрен с ним, с фотоаппаратом, пусть бабка срочно ищет калькулятора или калькуляторшу, а то тут с этими пудами и сажнями последние мозги сломаешь. Могут же в России быть уникамы, мгновенно и точно считающие в уме? Итак, в пуде примерно сто шестьдесят ньютонов. Сажень – это два метра. Хорошо, хоть тут вместо минут никакой хрени не придумали! Значит, ньютоны умножаем на метры и делим на секунды, получается около ста пятидесяти ватт. Что-то маловато выходит, по расчетам мощность модели должна быть примерно вдвое выше. А, сообразил Сергей, у него же небось половина теряется в редукторе! От движка ременная передача к оси, на которую наматывается веревка и через блок поднимает груз.

– Сколько весит машина? – поинтересовался царь.

– Четыре пятых пуда без парового котла, но он для нее слишком большой, пара дает раза в три больше, чем нужно.

– Что же, очень неплохо. Даже от такой машинки уже можно крутить любой из твоих

токарных станков. Значит, теперь следует приступить к постройке более серьезной, которая будет раз в двадцать мощнее. Эту модель ты сделал за три недели. Сколько времени уйдет на большую машину?

– Никак не меньше полугода, государь. У меня же сейчас просто не на чем обтачивать цилиндры и поршни потребного диаметра. Да и то полгода – это если все сразу получится, не будет никаких заминок. С малой-то машиной так быстро вышло оттого, что я многие детали приспособил от недоделанного станка, только поршень да цилиндр пришлось мастерить с пустого места.

– Ладно, я не тороплю. Сам приеду посмотреть на твою машину завтра после обеда, тогда поговорим более подробно. Ты не голоден? А то могу распорядиться, чтобы принесли чего-нибудь поесть.

– Нет, государь. Ты извини, я тебя, наверное, от дел отрываю?

– Вообще-то да, – не стал отрицать Сергей, – но от таких, кои с твоими ни в какое сравнение не идут. Понадобится – их и до вечера отложить недолго.

Однако Нартов, сообразив, какие именно дела имеет в виду молодой царь, почел за лучшее откланяться, сказав, что сегодня он сам еще не очень готов к серьезному разговору.

И теперь императорский кортеж приближался к Ново-Преображенскому дворцу, опаздывая всего на полчаса. Вот сейчас и посмотрим, усмехнулся Сергей, сколь бабка сильна в своей основной специальности, то есть ворожеи, сводницы и чуть ли не ясновидящей, как считали некоторые ее не в меру экзальтированные клиентки. И насколько Елизавета готова выполнять поставленные ей условия, без чего бабкин приворот никак не сможет обрести должной силы. Зря, что ли, она ему вчера испортила весь вечер?

Сергей давно заметил, что если сразу после получения какого-либо приличного объема информации лечь спать, не принимая специальных мер для запоминания, то к утру в голове не останется почти ничего. Но затягивать с отходом ко сну нельзя: пересидишь – и все, ночью потом и половины не забудется. Поэтому визит епископа Феофана и был назначен на поздний вечер. Но когда император почтительно проводил гостя до дверей и облегченно, уже не сдерживаясь, с подвыванием зевнул во весь рот, явилась бабка. Нет, она, конечно, все сделала правильно. Проявила, так сказать, разумную инициативу, то есть согласилась приворожить Петра к Елизавете, и, получив аванс, тут же приступила к обряду. Закончив его, она потом долго описывала граничные условия, только при исполнении которых этот обряд сработает должным образом: Мавра, приведшая Елизавету к бабке, даже все записала, не понадеявшись на память. А потом Анастасия Ивановна кинулась во дворец, прихватив кошель с полученными деньгами.

– Значит, эту сумму ты кладешь в бюджет Невидимой Службы, – резюмировал Сергей. – А то мало ли, вдруг потребуются срочные траты и не будет времени бежать куда-то за деньгами. Тебе за расторопность записываю премию в двадцать рублей, выдам вместе с очередным окладом. Согласна?

– Да кто я такая, чтобы своим несогласием... То есть согласна, ваше величество, извини за многословие.

– Ладно, а теперь давай подробнее, чего ты там говорила про дни, недели и месяцы, я как-то не до конца понял.

– Говорила я, что в ближайшие два месяца Лиза будет давать тебе не чаще двух раз в неделю и всего по одному разу за ночь.

– Это почему же? – на всякий случай спросил Сергей, хотя в глубине души был согласен с только что услышанными ограничениями.

– Да потому, что твои медики немецкие, коих ты все равно прогнал из дворца, в гроб тебя загонят, попытаюсь вернуть мужскую силу! А ты ее точно растеряешь, если и дальше будешь из себя молодого кобеля изображать. В общем, тут ты мне, будь добр, не перечь, а слушай дальше. Нагадала я цесаревне на углях, что когда ты попросишь ее принять участие в судьбе пяти дев, молодых да пригожих, ей следует со всем рвением к этому

отнестись и окружить их заботой, тогда не уйдешь ты от нее ни к кому.

– Ладно, уговорила, не уйду. Еще что-нибудь было?

– Было, государь, не торопись. Сказала я Лизавете, что ежели она тебе изменит, то ты, даже про это не прознав, все равно тут же к ней навсегда охладеешь, ибо обряд мой сразу станет недействительным. Ох, и до чего же у нее личико-то скорбное стало! Но обещала блюсти себя.

– Зачем? – пожал плечами молодой человек. – Я не ревнив, а от нее не убудет.

– За тем, чтобы ты, ваше величество, невзначай на конец свой царственный дурную болезнь не намотал.

Сергей хмыкнул, но, разумеется, не стал говорить бабке про ампулы с антибиотиками, лежащие в контейнере, в том числе и на подобный случай. Береженого, как говорится, Господь бережет, да и сказано в Писании... Тьфу, зараза, вот ведь привязались-то как Феофановы нравоучения!

За всеми этими размышлениями дорога до Ново-Преображенского дворца прошла незаметно. Уже и приехали, подумал Новицкий, но оглянулся и понял: нет, еще не совсем. Карета с пятью «пригожими девами» опять застряла в весенней грязи, далеко не первый раз за сегодня. К ней, заранее выражаясь не самыми цензурными словами, поворачивали коней шестеро семеновцев из конвоя – вытаскивать.

Сергей опасался, что Елизавета не пожалеет сил на организацию пышной встречи, и заранее приготовился подавлять зевоту, но ничего такого не потребовалось. Кажется, тетка оказалась более чутким человеком, чем можно было предполагать, мельком подумал император. Тут он, конечно, был прав, но все-таки основная причина скромности цесаревны лежала в несколько иной плоскости. А именно – в финансовой. Хоть Остерман и прислал ей денег на дорогу и первое время в Москве, упрекнуть вице-канцлера в безудержной щедрости до сих пор не получалось ни у кого, и дочь Петра Великого не была исключением. Кроме того, посещение бабки-ведуньи пробило основательную брешь в и без того умеренном бюджете, так что, поразмыслив, Елизавета с Маврой решили не потрясать гостя роскошью, а, наоборот, даже слегка подчеркнуть свою честную бедность, которая, как известно, не порок. Тем более что Андрей Иванович сказал: у молодого царя с деньгами сейчас совсем неплохо. Причем не только из-за увеличения сумм, отпускаемых Советом на содержание императорского двора, но и благодаря личным усилиям его величества. Авось царь и войдет в тяжелое положение своей подруги детства и просто родственницы.

Поэтому никакого почетного караула, даже самого захудалого, без оркестра, у центрального подъезда дворца не наблюдалась. Там стояла только сама Елизавета, одетая в подчеркнуто скромное платье, закрывающее не только грудь и плечи, но даже часть шеи. По контрасту Сергей предположил, что сзади может оказаться вырез примерно до середины попы. Поэтому, обнимая шагнувшую навстречу ему цесаревну, он свесил голову и посмотрел через ее плечо. Но нет, и с тыла все было пристойно до полной приторности. Зато наряд Мавры, скромно приткнувшейся в сторонке, почти не скрывал ее костлявых прелестей. Ничем не выдавая желания сплунуть при виде такого зрелища, император милостиво улыбнулся Шепелевой, подал руку цесаревне, и вся компания проследовала в обеденный зал, где, естественно, был уже накрыт стол. «Да, – подумал Сергей, – Лиза явно приняла близко к сердцу бабкины инструкции и неукоснительно их исполняет, то есть даже не пытается провоцировать меня на беспримерные подвиги. Ну а на обычные, не беспримерные, я и сам ближе к ночи прекрасно спровоцируюсь».

На ужине, как с удовлетворением увидел Сергей, вина не подавалось. Новицкий с аппетитом поел, а в порядке развлечения попытался догадаться, в какое из блюд было подмешано приворотное зелье, полученное от бабки-ворожее. Но и Анастасия Ивановна, и цесаревна свое дело знали, поэтому однозначно определить не получилось.

После трапезы тетка устроила своему племяннику экскурсию по Ново-Преображенскому дворцу, хоть и знала, что он тут уже бывал. Да и время для осмотра было выбрано не самое лучшее, ибо уже темнело, а свечи освещали только небольшое

пространство вокруг них. Но, похоже, так все и было задумано, потому как раз обстановка не располагала к осмотру достопримечательностей, император с цесаревной вдоволь наобнимались и нацеловались по темным углам. В процессе чего Елизавета нашла время поинтересоваться, что это у дорогого Петеньки висит на ремне справа и чуть сзади.

Во время подготовки к визиту Сергею пришлось решить одну попутную задачу. Как быть с наганом? Ведь дама почувствует эту железяку за пазухой при первом же объятии. Оставить оружие в Лефортовском дворце? Нет, к такому героизму, вплотную граничащему с безалаберностью, Новицкий готов не был. Тогда что делать?

Решение нашлось быстро. Если что-то не получается спрятать в незаметном месте, его надо расположить на самом заметном, замаскировав не сам факт существования данной вещи, а только ее функции. Поэтому наган и перекочевал в закрытую кобуру на ремне, но она была сделана в виде треугольного позолоченного футляра с бахромой и не наводила на мысль, будто внутри лежит что-то огнестрельное.

– Там большая царская печать, – пояснил император. – Я теперь всегда ношу ее с собой. Мало ли, вдруг придется срочно и радикально решить какой-нибудь вопрос, заранее это ведь можно узнать далеко не всегда. А тут... понадобилось – достал, шлепнул. И все, проблема исчерпана. Вот только показать не проси, это такая вещь, которую можно видеть одному императору. Я и сам-то ее получил совсем недавно.

Ночь прошла спокойно и даже как-то буднично, в полном соответствии с полученными обоими участниками данного действия инструкциями. Сергею она показалась похожей на супружескую, хотя, понятное дело, быть женатым ему еще не доводилось. После главного действия оба быстро заснули, причем молодому человеку снилось что-то не очень запомнившееся, но весьма приятное и связанное с Елизаветой. Проснувшись, император полюбовался своей (то есть на самом деле, конечно, не своей) молодой теткой, раскинувшейся на широченной четырехспальной кровати.

И очень даже неплохо, с некоторым удивлением подумал он. С чего это она мне в прошлый раз показалась некрасивой? Жира почти нет, только совсем немного по бокам, а бедра так и вообще вполне приличной формы. Грудь, правда, все-таки слегка висит, но самую малость, почти незаметно, так что это даже придает ей дополнительную пикантность. Кожа, конечно, белая, местами аж до синевы, но девочка же не виновата, что у нее не было ни малейшей возможности загореть! Как и накачать мускулатуру. И вообще не всем же быть похожими на идеал – и такой вариант, что лежит сейчас перед ним, тоже имеет полное право на существование, особенно тогда, когда появления идеала не предвидится.

Тем временем Елизавета проснулась, мило зевнула и осведомилась, о чем сейчас думает Петенька.

– Ни о чем, тобой любуюсь.

Женщина якобы только сейчас увидела, что она лежит совсем неприкрытой, изобразила смущение на лице и завернулась в простыню. Правда, в процессе этого действия предоставив Сергею достаточно времени на рассмотрение ее еще и сзади. Там тоже все выглядело достаточно привлекательно, о чем племянник немедленно сообщил тетке. После чего встал и быстро оделся.

Завтракали они вдвоем, и тут Елизавета решилась спросить:

– Петя, я, конечно, выполню все, что говоришь, но все же – зачем тебе понадобились эти девицы?

– Они нужны не столько мне, как тебе. Вспомни, сколько дам из петербургского высшего света вертелось вокруг тебя при жизни отца и матери! А куда они все подевались после того, как ты оказалась в опале, устроенной Долгоруковыми? Сейчас, надо думать, эти коровы грызут ногти с досады. Но насколько им будет обидно увидеть, кто занял их место! Они тогда эти свои ногти вообще до локтей сгрызут. Не знаю как тебе, а мне будет интересно полюбоваться на такое зрелище. Однако это еще полдела. Вспомни, год назад, сидя в Сарском, ты велела купить три ружья, пороха и пуль к ним. Зачем?

– Страшно было, Петенька. Да и не хотелось в случае чего помирать как овце, без сопротивления.

– Вот-вот. Но неужели ты думаешь, что страшно может быть только в опале? Зависть людская – она ведь способна на многое. А эти девы, коих я специально отобрал, смогут тебя защитить получше мужиков. Хотя бы потому, что от них такого никто не ждет.

– Ох, милый мой, спасибо. Приму я их и прослежу, чтобы обучились они здесь политесу и языкам, как ты просишь.

Елизавета пребывала в каком-то расслабленно-умиротворенном состоянии. Теперь Петя уже не казался ей мальчиком, дорвавшимся до женского тела. Нет, это мужчина. Мало того – ее мужчина! С таким действительно не страшно. Но он не только сильный и решительный, нет. Он еще нежный, предупредительный и, что даже приятно, немного ревнивый! Потому как, конечно, эти девы действительно будут выполнять то, о чем говорил молодой царь. Но не только! Они нужны ему еще и для спокойствия в том смысле, что обязательно доложат, если у цесаревны заведется кто-то еще. Ну и пусть. В ближайшее время она ничего эдакого делать не собирается – зря, что ли, такие деньги бабке уплачены. А потом видно будет. Не все эти девы усмотрят. Да, может, и не обо всем сразу докладывать побегут, если она, Елизавета, будет к ним добра. А вот бабка – ох, сильна старая! Надо же, как с одного раза приворожила Петеньку, совсем другой человек стал. Пожалуй, лучше к ней еще раз зайти, поблагодарить да денег добавить, хоть их и мало. Кто знает, что понадобится в будущем. Хотя теперь-то Петя рядом, он поможет с деньгами, если правильно попросить!

С такими мыслями цесаревна махала платочком отъезжающей царской кавалькаде.

Глава 18

Как было обещано, на следующий день сразу после обеда император выехал к Нартову посмотреть паровую машину, сделанную на монетном дворе. Сергей уже знал, что конкретно этот находится в Китай-городе, на Никольской улице. Помимо него в Москве имелся еще один работающий в полную силу монетный двор, он располагался на окраине, в Хамовниках. Кроме того, в самом Кремле тоже было нечто подобное, но там в основном чеканили медали, а последние три года перестали делать даже это.

На сей раз обстановка позволяла глазеть по сторонам, чем Новицкий и занимался, благо его лошадь Даша сама шла за конем Нартова, показывающего царю дорогу.

Путь лежал через Немецкую слободу, на месте которой в двадцать первом веке проходила улица Радио. С точки зрения Сергея, сейчас тут было куда живописнее. Впрочем, слобода быстро кончилась, и царская кавалькада выехала на Басманную улицу, перед названием которой еще не появилось слова «Старая». Дома вдоль нее стояли пореже и попроще, чем в Кукуе, но зато вкусно пахло свежее испеченным хлебом. Заканчивалась улица у земляного вала. Самого настоящего, только старого, местами осыпавшегося, с двумя небольшими деревянными башенками по сторонам прохода, за которым начиналась уже собственно Москва, улица Покровка. Тут дома стояли заметно теснее, большей частью они были каменными. И наконец, колонна добралась до Никольской улицы, которая здесь именно так и называлась. Причем она была мощенной не булыжником, как Басманная, и не грубо подогнанными бревнами, как Покровка, а досками, и довольно аккуратно.

– Богатые люди здесь живут, – обернулся Нартов к царю. – А монетный двор – вон он, справа перед воротами. Коней придется оставить снаружи, машина во внутреннем дворе.

Поначалу Новицкий ее даже не узнал. Дело в том, что на его эскизах цилиндр располагался горизонтально, как на учебном пособии, по которому он изучал устройство паровика в Центре. И на паровозах, судя по картинкам, цилиндры тоже стояли параллельно земле. Здесь же цилиндр мало того что был вертикальным, так еще и шатун торчал вверх, а венчало сооружение примерно полуметровое в диаметре ажурное колесо маховика.

– Если ставить цилиндр как ты нарисовал, государь, – пояснил Нартов, – то сила

тяжести будет прижимать к нему поршень, и от одного произойдет усиленный износ. Можно, конечно, продолжить шток, на котором он закреплен, до противоположного конца цилиндра, но тогда потребуется еще одна бронзовая втулка, весьма точно сделанная, да и шток такой длины изготовить тоже не так просто. Поставив же цилиндр стоймя, я обошелся коротким штоком и всего одной направляющей втулкой. Кроме того, под действием своего веса поршень в конце работы опускается вниз, то есть занимает самое удобное для следующего запуска положение. Если бы цилиндр стоял боком, то поршень мог бы остановиться где угодно, и перед подачей пара пришлось бы вручную доворачивать маховик.

– Хорошо, – кивнул Сергей, – ты же мастер, тебе виднее. Так что запускай машину, мне интересно посмотреть ее в работе.

Два закопченных мужика в штанах и кожаных фартуках уже разжигали топку под котлом, а Нартов скрылся в небольшом сарайчике, но тут же вышел оттуда, неся что-то вроде средних размеров примуса. При ближайшем рассмотрении оно оказалось часами со здоровенным горизонтальным циферблатом. Причем, что удивительно, стрелок было три, то есть имела и секундная. Правда, стекла не было вовсе.

– Хронометр работы мастера Клемента, привезенный мной из Англии, – гордо сообщил Нартов. – По оному образцу я сделал часы Петру Великому, но они сейчас в Петербурге. Давление в котле поднимется за семь-восемь минут, и можно будет пускать пар в машину.

Когда подошло время, Андрей Константинович шагнул к котлу, крикнул: «Поберегись», – отчего мужики тут же отбежали от топки, и повернул рычаг на трубе от котла к золотнику. Раздалось шипение, маховик повернулся, и тут из отверстия посредине цилиндра ударила струя пара, затем еще одна, потом еще и еще. Маховик раскрутился примерно до трех-четырех оборотов в секунду, и Нартов начал вертеть какую-то рукоятку снизу. Видимо, от нее шел привод к натяжителю ремня, потому что он натянулся и начал проворачивать мощную дубовую балку с намотанной на нее веревкой. Другой конец ее проходил через шкив на вершине трехногой мачты к мощной чугунной гире. Вот веревка натянулась до звона, и гиря медленно поползла вверх. Сергей смотрел на часы. Да, действительно, уже на четырнадцатой секунде гиря почти вплотную подошла к шкиву. Нартов перекрыл пар, ослабил ремень, и гиря с четырехметровой высоты ухнула на землю.

– Здорово, – восхищенно сказал Сергей, а про себя прикинул, что, пожалуй, для полной завершенности картины не хватает одной небольшой детали. Например, Алексея Долгорукова, аккуратно положенного под треногу сразу после начала подъема гири. Вслух же император продолжил: – Я, собственно говоря, и не ожидал иного исхода, раз за работу взялся сам Нартов. И поэтому написал вот такую бумагу. Правда, пока она силы не имеет, ибо должна быть подтверждена Верховным тайным советом. Однако даю императорское слово, что как только заработает большая машина, сделанная по образу этой, весь Совет поголовно у меня тут же распишется здесь как миленький. На, читай.

Нартов взял бумагу, прочел первые две фразы, открыл рот, да так и остался стоять, не в силах поверить увиденному. Потому что он держал в руке указ о пожаловании ему графского титула и награждении орденом Андрея Первозванного.

Когда Андрей Константинович немного пришел в себя после сногшибательной новости, Сергей вручил ему заказ на четыре десятка небольших медных и железных пластинок. Потому как до сих пор он использовал планшет очень редко, экономя заряд аккумулятора, но ведь, как его ни эконожь, он все равно довольно быстро кончится. Поэтому Новицкий собирался изготовить штук двадцать небольших гальванических элементов. Но не вольтовых, потому как хоть сколько-нибудь чистый цинк в России пока получать не умели. Однако пара «железо – медь» с нашатырем или соляной кислотой в качестве электролита тоже даст напряжение, хоть и совсем небольшое. Зарядное же устройство в контейнере имелось, и нестандартное – оно могло работать при входных напряжениях от пяти до шестидесяти вольт.

– Государь, позволь спросить, а что это будет? – поинтересовался Нартов.

– Да вот захотелось мне что-то на досуге заняться химическими опытами, – пояснил Сергей.

– По-моему, зряшное это дело, ваше величество, – с сомнением сказал механик. – Встречал я в Англии двух алхимиков, и оба были шарлатанами. Одного, кажется, уже повесили.

Новицкий почувствовал что-то вроде обиды. Как, интересно, без химии взрывчатку делать? Андрей Константинович тут явно не прав. Хотя... ведь емкость задуманной батареи намного больше, чем нужно для заряда планшета! И значит, потом можно будет провести небольшую демонстрацию – показать Нартову, что такое гальванопластика. Уж ее-то он, надо думать, оценит по достоинству. И наверняка после этого изменит свое мнение как о химиках в частности, так и обо всей этой полезнейшей науке в общем. Хотя, пожалуй, первый шаг в данном направлении не помешает сделать прямо сейчас.

– Я тоже видел одного алхимика, и он совершенно точно был жулик, – кивнул Сергей, имея в виду Шенду Кристодемуса. – Но, несмотря на это, ему все-таки удалось добиться кое-каких интересных результатов. Вот я и подумал: а что получится, если химией займется не шарлатан, а честный человек вроде меня? Подозреваю – нечто удивительное, но это еще надо проверить.

Изготовление и успешный пуск маленького паровика вдруг привели к довольно неожиданному последствию.

Миних пришел с очередным докладом по поводу текущих дел Совета, и Сергей обратил внимание, что генерал-аншеф явно торопится побыстрее закончить свою речь. Раньше за ним такого не замечалось, поэтому Новицкий предложил:

– Если ничего срочного там не произошло, то давай лучше поговорим о том, что тебя волнует. Ведь не из-за речей же Головкина ты сейчас чувствуешь себя как на иголках?

– Чистая правда, государь, мне об этом сборище ныне и вспоминать-то неохота. Потому как сразу после сегодняшнего заседания поехал я к Нартову да попросил показать в действии машину, изготовленную им по твоему повелению. Ты хоть сам-то понимаешь, что за вещь вы сотворили?

– Паровой двигатель, – пожал плечами Новицкий, – предназначенный для приведения в движение различных механизмов вместо водяного колеса, а также ради замены мускульной силы людей или животных.

– Да пес с ними, с механизмами этими, их пока и мужики неплохо крутят! Но ведь ваша машина выполняет ту же работу, что здоровый человек вроде меня, и не устает. А Нартов сказал: если сделать машину всего в пять раз больше, то она будет в сто раз мощнее! То есть заменит сотню гребцов на галере и не будет уставать при этом, сколь угодно долго двигая корабль полным ходом. Только надо придумать привод от колеса машины к веслам, но Андрей Константинович мужик башковитый, он справится.

– Не нужно привода, – хмыкнул Сергей. – В древней Греции жил великий ученый Архимед, и он придумал архимедов винт, его можно посадить прямо на ось маховика. Но какой смысл заменять гребцов машиной? Ей же дрова нужны всегда, а гребцов можно накормить заранее.

Разумеется, молодой человек это отлично знал, но ему было интересно, что скажет Миних.

– Все виктории флота российского в войне со шведами были одержаны гребными судами, – пояснил генерал-аншеф. – Это давало нам возможность маневрировать в безветрии, когда корабли противника двигаться не могли. Однако если на судне много гребцов, то на нем уже нет места для пушек. Что плохо, артиллерийский огонь шведов наносил немалый урон, а наши почти не могли отвечать. Но машина займет совсем немного места! И значит, получится корабль, вооруженный как фрегат или даже сильнее, но способный двигаться в безветренную погоду подобно галере. Сие есть великое дело, государь, поверь мне.

– Поверить нетрудно, корабль сделать уже труднее, а десятки паровых машин – и вовсе невозможно без хорошего завода. Один же корабль особой пользы не принесет, а вот вред от него может быть. Увидят такое чудо шведы, англичане или голландцы – да тоже построят себе, а нам останется только кусать локти. Вот поэтому Нартов сейчас начнет строить именно завод, а вместе с ним – новую машину, которая будет крутить станки на этом заводе. И только потом можно будет думать, как поставить паровую машину на корабль.

– Как сказать, – покачал головой Миних, – начинать думать никогда не бывает рано, а вот поздно – это случается, и часто. Если решено, что когда-нибудь у России будут корабли с паровыми машинами, то готовить для них механиков и прочих людишек вплоть до капитанов нужно уже сейчас.

– Ладно, в общем, я согласен, и давай сделаем так. Летом съездим в Петербург, посмотрим, что там и как, а то я слышал, будто город сей потихоньку начал хиреть. Среди моряков подберем несколько десятков помоложе да потолковей, и чтобы были согласны служить на новых кораблях. Ближе к осени я привезу их в Москву, и пусть они на заводе у Нартова учатся обращению с машинами. Ты же останешься в Питере надзирать за постройкой первого парового судна. А чтобы никто раньше времени не начал проявлять к нему интерес, говори, что строится царская яхта. И труба там нужна... ну, скажем, для бани. Или для пекарни какой-нибудь особой, не суть. Царь же на ней плавать будет!

– Моряки говорят «ходить», государь.

– А я пока еще не моряк, так что мне можно. Значит, в ближайшее время жду от тебя бумаги, где будет написано, сколько денег и когда потребуется для постройки такого корабля. Без машины: с ней будем отдельно разбираться. Потому как есть у меня большое подозрение, что моего содержания, хоть и увеличившегося против прежнего более чем в три раза, хватит только на лодку, коя сможет плавать отсюда в Кремль и обратно. Вообще-то деньги у нас будут, но не сегодня и не завтра.

И даже не послезавтра, закончил про себя император. А никак не раньше середины следующей зимы, да и то если у Порфирия Баташева все получится как задумано.

Глава 19

После беседы с Минихом молодой император надолго задумался. Но вовсе не о способах установки паровика на корабль – в конце концов, сколько ошибок при этом ни наделай, обязательно выяснится, что в истории техники был уродец и хуже. Тем более что строить придется явно не «Грейт Истерн», а для начала нечто небольшое и учебно-тренировочное. Нет, Новицкого привело в задумчивость другое.

С самого начала было ясно, что в роли Петра Второго ему понадобятся помощники. И для того чтобы они работали в полную силу, им надо что-то дать взамен. Иногда это бывает нетрудно, как, например, в случае с тем же Баташевым. Ну очень хотелось человеку стать дворянином! Да и от золота он тоже отказываться не собирался, так что теперь как миленький работает над расширением финансирования императорских проектов. Или взять Ершова. Перспектива из простого лакея дослужиться до гофмейстера двора подвигла его на такое трудолюбие, что просто диву даешься. Даже пить перестал, хотя раньше, по бабкиным сведениям, частенько позволял себе заложить за воротник. Кстати, надо подумать, что оставить ему в качестве морковки, когда он все-таки получит свой вождеденный чин.

Много их уже, почувствовавших возможность подняться повыше, подытожил Сергей. Но это нужно не всем. Нартов видит смысл жизни в создании все новых и новых механизмов, каждый из которых будет лучше предыдущего. И еще ему хочется, чтобы эти его устремления воспринимались не как чудачества, а как достойнейшее занятие для государственного мужа. Молодой император понял это с первой же встречи, и теперь оставалось всего лишь время от времени поддерживать уверенность механика в том, что все его начинания обязательно получают необходимую поддержку на самом верху.

А вот Христофор Антонович Миних, обрусевший немец, стоял особняком. Не нужно

ему было от царя ни званий, хотя, конечно, со временем он не откажется стать фельдмаршалом, а потом, глядишь, и вовсе генералиссимусом. Ни денег – их у него сейчас больше, чем у самого Сергея. Генерал-аншефу нужен был сам император. В качестве фигуры, которая поведет державу к могуществу и процветанию при посильной помощи его, Христофора Миниха. Может, он думал не совсем такими словами, но суть от этого не менялась.

«Вот так, – прикинул Новицкий. – Если хочу, чтобы мне верно, преданно и с радостью служил этот человек, придется самому точно так же служить России.

Да, но я же вроде не против, – продолжил рассуждения молодой человек. – Наоборот, очень даже «за»! Царем ведущей мировой державы быть куда приятней, чем сидеть в занюханном дворце посреди бардака и соображать, ту ли страну назвали Гондурасом. Правда, у меня есть миссия, которая вроде бы никоим боком не относится к озвученной задаче. Хотя это как сказать! Научный престиж тоже вещь немаловажная. Ладно, с паровиком все в порядке, полезность этой машины не вызывает сомнений, хотя тот экземпляр, к постройке которого скоро приступит Нартов, предназначен всего лишь для вращения четырехкиловаттного генератора. Его тоже придется сделать, и он опять-таки не будет лишним и после благополучного запуска маяка. Правда, здоровенные высоковольтные конденсаторы, для изготовления которых я уже заказал бумагу, воск и свинец, пожалуй, ни к чему полезному приспособить не удастся. Зато вместо «лейденской банки» в будущих учебниках физики окажется «нартовский бочонок», что тоже неплохо. Да и насчет их бесполезности, похоже, мысль была поспешной. Пес с ним, с еще не родившимся доктором Гильотеном, не будем перехватывать у него лавры изобретения головоотделительной машины. Возьмем массивный дубовый стул, подведем к ножкам и подлокотникам провода от конденсатора, зарядим его до двух киловольт, а потом останется только посадить кого-нибудь очень вредного в это кресло и включить рубильник. Так что – подведем итог – зря я тут комплекую. Выполнение моего задания ничуть не помешает реализации того, чего ждет от меня Миних и другие, ему подобные».

Нартов не задержался с выполнением заказа на медные и железные пластины, принес их во дворец уже через два дня. И попытался узнать более конкретно, что именно с ними собирается делать царь, но услышал в ответ, что ему, разумеется, все покажут и расскажут. Только по завершении опытов, кои продлятся не более недели.

– Я не хочу выносить на суд людской незрелые плоды ума своего, – заявил Новицкий, и вроде как Андрея Константиновича удовлетворило такое объяснение.

Нашатырь нашелся прямо по месту жительства – оказывается, здесь им что-то чистили. Когда Ершов принес образец в небольшой склянке, поначалу Новицкий впал в сомнение. По идее, раствор хлорида аммония должен быть прозрачным, бесцветным и не иметь запаха. Притащенная же Афанасием жижа имела мутный белый цвет с грязно-желтым оттенком и мерзко воняла. В основном аммиаком, но при желании в амбре можно было различить и другие составляющие сортирного характера. Однако мажордом утверждал, что это и есть самый настоящий нашатырь.

Да наплевать, принял решение Новицкий. В качестве электролита может работать что угодно, лишь бы оно не было электронейтральным, а в отношении принесенного реактива таких подозрений не возникало. В конце концов, это всяко лучше упаренной мочи, которая фигурировала как резервный вариант.

Поэтому теперь в небольшом сарае за северным крылом дворца ждали своего часа две глиняные бутылки с нашатырем местного разлива. Там же лежал отрез льняного полотна и контейнер из четырех досок, на скорую руку собранный дворцовым плотником. Он имел основание в виде квадрата пять на пять дюймов, то есть под размер нартовских пластин, и половину аршина, что примерно соответствовало сорока сантиметрам в высоту.

Работа по изготовлению заменителя вольтового столба заняла примерно час. В самый низ Сергей положил медную пластину и сбоку вбил гвоздь, так что он уперся в торец

пластины. Сама пластина будет положительным электродом, а гвоздь – токосъемником. Затем отрезал кусок тряпки, сложил его вчетверо и накрыл им пластину. Плеснул нашатыря, после чего уложил сверху железяку, а поверх нее новую медяшку. И так далее, всего двадцать раз, при помощи гвоздей делая отводы через каждые три элемента. Потом посмотрел на дело рук своих, достал из кармана маленький тестер и замерил получившееся напряжение. Каждая тройка элементов давала вольт с небольшим хвостиком, а все вместе они показывали почти семь.

Новицкий подсоединил к батарее зарядное устройство, воткнул разъем в планшет, убедился, что зарядка пошла, и присел на табуретку – процесс должен был продолжаться часа полтора, а то и два. Пока суть да дело, император собирался еще раз прочитать статью о гальванопластике из детской энциклопедии, которая имела в библиотеке планшета.

Вскоре процесс зарядки благополучно завершился. Император рассовал по карманам планшет и зарядное устройство и отправился к себе обедать. У сарая остался пост из двух семеновцев, которым было наказано никого не пущать ни под каким видом, ибо внутри находится секретный механизм государственной важности. Воняет? Да, это он, у него такие свойства.

После обеда Сергей вернулся в сарай и приступил к опытам по гальванопластике. При себе он имел три графитных стержня, вытащенных из карандашей. Один после этого не подвергался никакой обработке, он покроется медью полностью. Второй с одной стороны был замазан воском для получения медного желоба, который будет легко снять. На третьем, кроме того, имела нацарапанная надпись. Новицкий изобразил тезис «слава Господу», хотя первым его побуждением было вырезать на графите короткое неприличное слово.

Кроме игрушек, коими на самом деле являлись сердцевинки от карандашей, молодой император нес в сарай четырнадцать недавно отлитых пуль для нагана. Потому как чисто свинцовые порядочно загаживали ствол, а покрытые медью должны вести себя приличнее.

Теперь оставалось только погрузить образцы в плошку с раствором медного купороса, подвести к ним минус, потом погрузить туда же медную пластину с подсоединенным плюсом, при помощи отводов от батареи подобрать оптимальный ток и ждать завершения процесса.

Показ Нартову достижений электрохимии состоялся не через неделю, а через три дня, ибо в вольтовом столбе начало потихоньку падать напряжения, а перебирать его Сергею не хотелось. Для начала он объяснил, на каких принципах, по его мнению, работает представленная батарея.

– Заметил я, что если медь и железо бросить в соленую воду, то они там будут потихоньку портиться, или, по-научному, разлагаться. Но ежели их соединить, то порча пойдет намного сильнее! Мне еще про это в Петербурге говорил корабельный мастер Осип Най – мол, нельзя медные листы к днищу корабля железными гвоздями прибивать, мигом все съест ржа. И вот тогда я взял и соединил их не прижиманием друг к другу, а железной проволокой, а сами куски расположил подальше друг от друга. Все равно портились, как будто лежали вплотную. То есть их портила какая-то сила, передающаяся по металлу. Андрей же Иванович Остерман учил меня, что по металлам передается электрическая сила. Вот я и решил ее выделить. Вроде получилось.

Нартов внимал, а Новицкого несло дальше:

– Подумалось мне: а что, ежели сделать наоборот? Коли два металла, помещенные в едкий раствор и соединенные меж собой, начинают разлагаться, может, если их не соединять напрямую, а приложить к ним электрическую силу, то оные металлы начнут восстанавливаться? Вот они у меня и начали. Если в растворе медного купороса медный полюс моей батареи подсоединить к меди, а железный – к графитовой или свинцовой детали, то поверх нее начнет ровным слоем ложиться медь, повторяя малейшие изгибы и выбоины, вплоть до невидимых глазу. Так можно печати делать, всякую чеканку, да мало ли чего еще.

Железные детали медью покрывать, например.

Вообще-то Новицкий собирался использовать гальванопластику для изготовления штампов, с которых будут печататься бумажные деньги. Потому как скоро от Баташева начнет прибывать золото, и его, конечно, можно будет сразу пустить на монеты. Но в любом случае не все, часть обязательно останется как резерв, под что будет учрежден госбанк, благо его тут еще нет. Ну, а потом потихоньку начинать печатать бумажки, кои в любой момент можно будет обменять на золото. Сначала именные векселя, немного погода – ассигнации на предъявителя. Если печатать их в строгом соответствии с золотым запасом, то очень скоро бумажным деньгам начнут доверять. Особенно если дать какие-нибудь льготы – например, небольшой вычет при уплате налогов ассигнациями. И вот тут гальванопластика окажется очень кстати. Потому что благодаря ей все штампы будут абсолютно одинаковыми, сделанными с одной матрицы, чего не сможет повторить никакой, даже самый искусный гравер. И значит, работа фальшивомонетчиков будет сильно усложнена.

– Государь, ты сделал великое дело! – заявил Нартов. – Можно, я тоже попробую собрать электрическую батарею и проведу опыты с ней?

– Просто так нельзя. Ты же понимаешь, что это государственная тайна, ее невместно знать всем подряд. Поэтому сначала выдели несколько специальных комнат, где будут производиться опыты. Затем поставь там караул, чтобы пускал он туда только тебя, меня, а также людей по особому списку, утвержденному моей подписью. Вот когда все это будет готово, тогда и приступай, но не раньше. И не занимайся электричеством в ущерб большой паровой машине, очень тебя прошу.

– Конечно, государь, ведь сам я буду для нее делать только некоторые важные части, остальное же сработают подмастерья. Вот только...

– Понимаю, деньги нужны. Сколько?

– Две тысячи рублей, ваше величество.

– Хорошо, пятьсот выделю послезавтра, а недели через две – все остальное. Если узнаешь что интересное про электрическую силу – тут же сообщай мне. Кажется, здесь много чего сокрыто, нам пока неизвестного. И сделай, пожалуйста, еще один набор пластинок. Я ведь тоже собираюсь продолжать опыты, а эти, поди, скоро совсем запаршивеют.

Молодой император действительно собирался продолжить свои научные занятия, но несколько в иной области, нежели гальванопластика. А именно собрать несколько схем и посмотреть, как они будут работать.

В свое время он изо всех сил поддерживал Саломатина, считавшего, что в контейнер нужно положить как можно больше радиодеталей для всех возможных ремонтов и обучить курсанта их производству. Все это, понятно, за счет вещей, которые хоть как-то можно будет сделать в прошлом. В результате груз почти не содержал проводов, за исключением соединительных шнуров для контроллера и планшета. Зато там имелись простые микросхемы, транзисторы, диоды, небольшие конденсаторы и прочая мелочовка общего назначения. И теперь молодому императору предстояло собрать схему, про которую, несмотря на ее широкое применение, он не рисковал задавать вопросы на занятиях по практической электронике в Центре. Мало ли, а вдруг кто-то сильно сообразительный догадается, как ее можно использовать! По этой же причине ее не было в планшетах, Сергей мог надеяться только на свою память. Ну и на те знания основ схемотехники, которыми его снабдил сначала дядя Виталий, а потом преподаватели Центра.

Потому как маяк, что предстояло построить и запустить молодому человеку, должен был состоять из управляющего и силового контуров. Второй надо было полностью сделать на месте, а вот первый имелся в контейнере. Он состоял из датчиков, входного и выходного контроллеров и собственно контура, представляющего собой сложную систему, об устройстве которой Сергей знал только в самых общих чертах.

Так вот, перепрограммировать контроллеры нечего было и думать. Но обмануть их,

пропустив входные сигналы не напрямую, а через промежуточные схемы, вполне возможно!

Собственно, исказить требовалось всего три сигнала. Контроллер должен был считать, что напряжение в первой цепи управляющего контура втрое ниже, чем на самом деле. Ну, это совсем нетрудно, с такой задачей справится простейший резистивный делитель. По второму каналу показания силы тока должны были в три раза превышать истинные. Это уже чуть посложнее, но тоже ничего особенного. Операционный усилитель плюс четыре прецизионных резистора – вот вся схема.

А по третьему каналу контроллер должен был видеть частоту, втрое меньшую той, что будет генерироваться в контуре, и тут предстояло повозиться.

Для этих работ Сергею и понадобился вольтов столб существенно крупнее первого. Ведь питать предстояло не только схемы, но и маленький паяльник, а ему требовалось двенадцать вольт при максимальном токе в два ампера.

Блин, подумал Новицкий, и чем только не приходится заниматься простому русскому императору! Но дело того стоит. Просто подложить хорошую свинью гаду Саломатину – и то вполне достойная цель, для достижения которой не жалко усилий. Но ведь задачу-то себе Сергей поставил более масштабную! Сделать так, чтобы существование того поганого Центра вообще потеряло всякий смысл. Со всеми вытекающими последствиями для его руководства, которые наверняка окажутся очень серьезными, потому как это был довольно дорогой проект, стоимость которого измерялась миллиардами. Правда, Сергей не знал, чего именно, но надеялся, что это были не рубли, а доллары или даже евро.

Глава 20

За то время, что Сергей потратил на развитие отечественной электротехники, бабка Настасья докопалась до причины, по которой командир Семеновского полка вдруг начал попивать. Брат его здесь был ни при чем, Мавра вроде тоже, но это только пока. В общем, причина оказалась стара, как мир. Майор гвардии влюбился. Но вот объект внезапно вспыхнувшей страсти был выбран явно неудачно. Им оказалась цесаревна Елизавета, которую Шепелев увидел в первый же день по приезде ее в Москву. Он провожал кортеж до Ново-Преображенского дворца – в общем, времени человеку хватило. Но и соображения тоже, поэтому, поняв, что взаимность ему никоим образом не светит, принялся искать утешения на дне стакана.

«Ну и дела, – подумал Сергей. – Это что же получается – я своими... образно говоря, руками настраиваю против себя начальника своей же собственной охраны? Да за такое кому другому под корень то самое бы оборвать, которое не руки. Ладно, но делать-то теперь что? Назад уже не отыграешь – ну не являться же к Елизавете с предложением обратить ее благосклонное внимание на майора гвардии, а он, император, себе еще кого-нибудь найдет».

Однако на этой мысли Сергей с удивлением почувствовал довольно сильное внутреннее сопротивление. «То есть как это – вот просто так взять и кому-то отдать Лизу? Она мне и самому нужна, а то, что не очень похожа на идеал, так это я уже привык. Нет, мы пойдем другим путем, но вот только каким, хотелось бы знать». А раз собственного опыта для решения задачи не хватает, то следует обратиться к специалисту. Благо его и искать не надо: ведь бабка – она по своей прямой специальности ворожея да сводница. Вот и пусть сведет майора с кем надо, а потом приворожит. Или наоборот? В общем, на ее усмотрение, только чтобы он бросил пить, выкинул из головы все мысли про Елизавету и сосредоточился на командовании полком. Потому что снимать его с должности сейчас совершенно не время – не настолько уж прочное у нас положение, чтобы менять командира единственного верного подразделения.

Бабка восприняла поставленную задачу без особого удивления.

– Я уж и сама над этим начинала думать, государь, – вздохнула она. – Девку Степану Андреевичу подложить недолго, но недолго он с ней и пробудет, а потом его только сильнее тоска загрызет, и, боюсь я, как бы он с тоски той чего не учудил.

– Зачем обязательно девку? Невесту, да такую, чтоб сразу его под венец затащила, а потом была бы ему всю жизнь верной подругой.

– Правильно ты мыслишь, ваше величество, светлая у тебя голова, и не только волосом. Но ведь вот так, с бухты-барухты подходящей невесты не найдешь. Нужна знатного происхождения.

– Так в чем вопрос? – не понял Сергей. – Ты ищи невесту, а уж с ее происхождением я сам что-нибудь придумаю. Хоть бразильской графиней ее объявить, хоть троюродной внучатой племянницей бухарского эмира, хоть дочерью вождя могикан Чингачгука Большого Змея. Окрутит Степана Андреевича – я тут же подтверждаю ее титул, и станет она туземной княгиней Великозмейской.

Примерно с минуту Анастасия Ивановна переваривала услышанное – похоже, столь смелый полет императорской мысли все-таки был для нее внове. Но, видимо, все-таки переварила, потому что продолжила:

– Интересные вещи говоришь, государь. А вот я, старая, хотела к делу подойти проще. Ведь пьет-то Степан Андреевич не абы с кем, а с преображенским капитаном Тихоном Павшиным. Это, скажу я тебе, жук еще тот. Происхождения непонятного, при деде твоём как-то ухитрился приобрести потомственное дворянство, но сейчас карьера его застопорилась. Однако почуял, шельмец, что ныне в семеновцах-то поболее светит, и начал виться вокруг Степана. Если поговорить с ним да пообещать чего, так он кого угодно признает хоть дочерью, хоть сестрой, хоть матерью своей. Но только говорить с ним придется тебе, мне он не поверит – я для него никто.

– А что, – прикинул Сергей, – интересное предложение. Причем оно даже не отменяет моего, тут возможны комбинации. Но у тебя еще что-то есть? Не томи, выкладывай.

– Есть, – кивнула бабка. – Пьют они вдвоем, а надо к ним подвести третьего, моего человечка. Ты, наверное, думаешь, что наговоры всякие – это блажь да шарлатанство, а зря. Ежели человеку, когда он только засыпает или того гляди упадет под стол от выпитого, незаметно пошептать нужные слова, то потом, проснувшись, он их своими считать будет, лично им придуманными. Сие, конечно, непросто, тут уметь надо, но мой человечек умеет.

Ай да бабка, мысленно восхитился Сергей. Она, кажется, владеет еще и какими-то невербальными технологиями. Или они называются вербальными? В общем, при ее профессии тут нет ничего удивительного.

– Договорились, – кивнул император. – Значит, ты быстренько узнаешь, что надо пообещать этому Павшину, и приводишь его сюда. Сколько на это денег понадобится?

– Нисколько, государь, даже наоборот. С чего это я Тихона просто так к твоему величеству поведу? Подозрительно будет. Нет, мне он за это заплатит, и, мнится, не так уж мало.

Лейб-гвардии Преображенского полка капитан Тихон Петрович Павшин выглядел очень располагающе. Темно-зеленый мундир с красными отворотами как влитой сидел на его сухощавой фигуре. Сверкали начищенные до зеркального блеска штиблеты. Треуголку, правда без перьев, бравый капитан держал в левой руке. Парик был небольшим, но тщательно сделанным и аккуратно завитым. А лицо под париком совершенно явно было отмечено печатью благородства и честности.

Правда, вот тут внимательный наблюдатель, а Сергей был именно таким, мог бы заметить небольшую тонкость. Она состояла в том, что господь, похоже, прикладывал упомянутую печать от души, с плеча да с хорошего размаха, отчего объект приложения слегка деформировался. Нет, если смотреть только на левую сторону, то все было просто великолепно – обладателю такого лица можно не задумываясь доверять не только, скажем, невесту, но даже последний рубль. Справа картина выглядела в общем-то похоже, но с небольшой оговоркой – чужую невесту и чужой рубль, а свои все-таки лучше побережь. Разумеется, обладатель лица был в курсе всех этих тонкостей, поэтому встал так, чтобы Сергей смотрел именно на безукоризненную левую сторону. Но гость не учел, что молодой

император очень ответственно подошел к мебелировке своего кабинета и не стал экономить на зеркалах, расположенных так, что визитера при желании можно было рассмотреть с любого ракурса.

После того как вошедший по всей форме представился, император милостиво кивнул и начал речь:

– Здравствуй, Тихон Петрович, много хорошего я про тебя слышал. А недавно еще одно узнал – ты, оказывается, верного моего слугу, майора лейб-гвардии Шепелева, не бросил в беде, а по мере сил помогаешь ему рассеять душевную кручину.

– Так точно, государь! – браво отвечивал капитан. – Нет сил смотреть, как майор твой прямо на глазах угасает. Не по себе он пассиву высмотрел, в чем его и пытаюсь по мере сил убедить. Мне на это последней копейки не жалко, а ведь Степан Андреевич – человек с понятием, дешевых вин не употребляет.

Нормально, оценил Новицкий. Дядя, похоже, не любит длинных предисловий. Тогда, пожалуй, и мы без них обойдемся. Итак, начинаем.

– Деньги – это не главное, был бы человек хороший, а рубли всегда найдутся. Или десятки тысяч рублей, если он не просто хороший, а верный, все с полуслова понимающий да лишних вопросов не задающий. Но ведь не только в деньгах счастье. Слышал, наверное, что Иван да Василий Долгоруковы против меня замыслили, отчего их имущество ныне на меня переписано. Пока, правда, его Совет опекает, но ведь той опеки осталось меньше двух лет. И кому, как ты думаешь, я эти деревеньки жаловать буду? Своих-то у меня и без них хватает.

На лице гостя, причем в основном справа, начало проступать воодушевление, и Сергей продолжил:

– Однако сидеть в поместье да вспоминать былое – это уместно в старости, а ты, господин капитан, пребываешь в самом расцвете сил. И, наверное, много еще можешь сделать во славу государства Российского, прежде чем уйдешь на покой. Вот недавно задумался я – с чего это полков лейб-гвардии у меня всего два? Непорядок, бог ведь троицу любит. Но кому поручить тот третий полк сформировать да потом им командовать, это еще не решено. Понимаешь, о чем речь-то идет? Но все это будет не просто так, мне от тебя служба понадобится. И не простая, ее кому попало не поручишь, тут особый человек нужен.

– Ваше величество, – со спокойным достоинством поклонился Павшин, – я всегда готов живот свой положить за тебя, как и все славные предки мои, сил не жалевшие на государевой службе.

Причем левая половина лица полностью подтверждала сказанное. Правая в общем-то тоже, но с небольшими уточнениями, что Сергей увидел, незаметно косясь в сторону подходящего зеркала. Во-первых, насчет живота господин капитан несколько преувеличивал. Предки его, про которых он помнил, явно подвизались не на государевой службе, а скорее наоборот. Да и вообще не факт, что Павшин – это его настоящая фамилия.

Пожалуй, это будет ценный кадр, подумал император и приступил к изложению своего задания. Оно не заняло много времени, а в конце Сергей подытожил:

– Сам понимаешь, что ни на поместья, ни тем более на должность командира гвардейского полка это пока не тянет. Денег дам. Немного, только чтобы не вводить тебя в расход. Проверка это будет – годишься ты, Тихон Петрович, для серьезных дел или нет.

– Все понимаю, государь, – подтвердил капитан, – и все исполню как надо. Вот только когда я шептуна-то твоего увижу? Переговорить бы с ним надо, дабы потом в деле не путаться.

– Прямо сейчас, если соизволишь обернуться, – усмехнулся Новицкий.

Платон Семенович Воскобойников появился в кабинете незаметно и абсолютно беззвучно – впрочем, среди бабкиных знакомых многие обладали таким талантом. Этот, в силу специфики своих умений, тоже не был им обделен.

Отцом Платона был ярыжка с Охотного ряда, а сын поднялся повыше и сейчас

подвизался на какой-то мелкой должности в Ямской канцелярии. Попал он туда благодаря содействию Анастасии Ивановны, а вообще-то он с ней давно и плодотворно сотрудничал.

Сейчас Воскобойников предстал перед царем и капитаном в не новом, но аккуратном мундире коллежского регистратора. И вообще имел вид небогатого дворянина из какого-нибудь провинциального городишки. Подробности же его легенды только предстояло разработать, с чего Сергей и начал:

– Подумай, Тихон Петрович, по какой такой причине в вашей с майором компании окажется сей достойный муж.

Капитан обошел мужа кругом, хмыкнул и выдал:

– Да по той же самой, от безответной любви его в кабак потянет, а дальше уж мое дело. Только желательно, чтобы объект его воздыханий был из ближайшего окружения цесаревны.

Сергей напряг память – но нет, в том самом ближайшем окружении он смог припомнить только одно лицо женского пола и дворянского происхождения, но оно на объект страсти совершенно не тянуло. Похоже, у капитана тоже не получилось припомнить кого-то еще, но это его несколько не смутило.

– Видел ты в Ново-Преображенском Мавру Шепелеву, государь? – спросил он. – Вот пусть наш шептун по ней и страдает.

– Тогда ее надо ему как-то показать, – с сомнением произнес царь.

– Зачем? Увидит этакое страшилище на ночь глядя – так она, не приведи господь, ему еще и приснится, а там и до кондрашки недалеко. Сам я сию даму опишу, да так, что никогда он ее ни с кем не спутает, ибо спутать такую никак невозможно.

– Видал я Мавру Шепелеву, – вступил в беседу Воскобойников. – Да, страшна девица, но приходилось мне встречать и пострашнее.

Голос у него был неожиданно звучный и приятный для столь плюгавой внешности.

– А если, господин любезный, сия Мавра, прознав про твои глубокие чувства, возьмет да и ответит взаимностью? – с издевкой поинтересовался капитан, но, наткнувшись на ледяной взгляд царя, тут же поспешил добавить: – Извини, если не так сказал, это я просто пошутил.

– Мы на нашей работе и не таких видали, – гордо сообщил Платон. – А ответит – значит, судьба моя такая, в каждом деле свои опасности есть.

– Ладно, а когда нам девицу представят, к коей воспыхает страстью Степан Андреевич? – вернулся к повестке дня капитан.

– Поначалу нужно определить, какая ему нужна, – важно разъяснил Воскобойников. – А на это, сударь, не один штоф уйти может. Бывает, что иногда даже и не десяток. А откуда потом она девица появится да как на себя внимание господина майора обратит – это уже мое дело.

Окончание последней фразы Платон произнес голосом Павшина, явно его пародируя.

А ведь Миних, разыскивая в Преображенском полку офицеров, могущих оказаться полезными в случае попытки поднять мятеж, на этого внимания не обратил, подумал император, когда гости покинули его кабинет. Все правильно, он искал верных, а Павшин на такого никак не тянет. Однако при случае и донесет вовремя, и даже пристрелит кого надо – если, конечно, не будет чувствовать в этом особой для себя опасности. В общем, весьма полезный тип, но бабке придется поднапрячься и более основательно покопаться в его биографии. Авось там и найдется что-нибудь, во избежание разглашения чего этот пройдоха сможет свернуть горы. Потому что одной положительной мотивации, как в случае с Нартовым, Минихом и даже Ершовым, при общении с таким типом будет совершенно недостаточно. Нет, тут необходим не только пряник, но и хороший кнут, – только тогда Павшину можно будет всерьез доверять.

Ну а пока все вроде идет как задумано. Медная проволока, графит и железные пластины для генератора заказаны в Туле, но их сделают только к осени. На возню со схемой делителя частоты выделено две недели, это с хорошим запасом. То есть по технике летом в

Москве делать будет нечего, с проблемами по изготовлению большой паровой машины Нартов прекрасно справится и сам.

Остаются дела, так сказать, административные. Но тут вроде тоже не предвидится особых потрясений. Головкин с Остерманом, хоть и косятся друг на друга, тем не менее успешно ведут дела в Совете, причем даже без специальной помощи от Миниха.

Пожалуй, хватит пугать Андрея Ивановича, решил Новицкий. Пора показать ему пряник, то есть подать в Совет бумагу о признании его полноценным графом. А то получается как-то странно – с одной стороны, Петр Первый при свидетелях объявил о пожаловании ему графского титула. А с другой, на бумаге это так до сих пор и не было зафиксировано, так что Андрей Иванович, если копнуть поглубже, был все-таки каким-то не совсем настоящим графом.

В общем, есть надежда, что Верховный тайный совет и дальше будет вести себя прилично. Ну, а если его занесет маленько не туда, на то есть архиепископ Феофан Прокопович. Владыке так и не удалось отобрать у Совета права опеки над имуществом Ивана и Василия Долгоруковых, в силу чего он испытывал к верховникам далеко не самые теплые чувства.

Оставалось только дожждаться благополучного завершения операции по восстановлению душевного покоя майора Шепелева, и тыл можно будет считать практически обеспеченным. Еще и потому что Павшин, освободившись, сможет уделять больше внимания настроениям среди своих коллег-офицеров.

Как и было обещано Миниху, Сергей собирался устроить себе каникулы, то есть на все лето съездить с генерал-аншефом в Петербург. Заодно и посмотреть, что это за город, а то побывать в нем в двадцать первом веке как-то не довелось. Потом решить, как быть со столицей – оставлять ее в Москве или вернуть в Питер. Вообще-то пока Новицкий склонялся к первому варианту, но все-таки перенос столицы – это не перетаскивание шкафа из комнаты в прихожую. Его если и делать, то только после всестороннего изучения проблемы.

Оставался еще один вопрос: как быть с Елизаветой? То есть пригласить ее с собой в Питер или не приглашать.

Возьму с собой, решил император, почти не тратя времени на раздумья. Что молодой женщине делать летом в Москве? Пусть съездит к морю, развлечется. Оставишь ее здесь – а вдруг уведут? Нет, бабка, конечно, присмотрит и в случае чего даже вмешается, но зачем доводить дело до таких крайностей. Тем более что Лиза в Питере никак лишней не окажется.

Сергей мечтательно вздохнул, представив себе картину – море, песчаный пляж до горизонта, а на нем они с Елизаветой. Потом тряхнул головой, хмыкнул и вновь начал соображать, не забыл ли он чего-нибудь важного, что необходимо сделать именно перед путешествием.

Глава 21

Вопреки общеизвестному закону подлости на сборку и наладку делителя частоты ушло заметно меньше времени, чем планировалось, – всего четыре дня. Причем первый из них был посвящен изготовлению новой батареи, теперь уже на двенадцать вольт. На примере первой Сергей убедился, что вертикальная конструкция, конечно, заметно проще в изготовлении – знай себе клади пластины попеременно с тряпкой да подливай электролита в каждую секцию. Но в ней оказалось довольно трудно обеспечить изоляцию по жидкости – покрытые воском рамки, видимо, с этим не справились, и происходила утечка через электролит. Именно из-за нее батарея быстро начала садиться, а за неделю села практически в ноль.

Теперь Новицкий опробовал горизонтальную конструкцию – узкое корытце с перегородками. Каждый элемент располагался в своей ячейке, и ток мог протекать только по внешней цепи. Действительно, за все время возни со схемами эта батарея почти не уменьшила своего напряжения. Причем она понадобится и для выполнения задания. А именно при помощи нее будут предварительно намагничены сердечники статора генератора,

чтобы обеспечить появление хоть какого-то начального тока.

Ну, а пока Сергей достал из контейнера пенопластовую кассу с деталями, макетную плату, паяльник, пинцет, припой и приступил к работе.

В свое время дядя Виталий долго вдавливал ему, как работает делитель частоты. И рисовал схемы на самых различных элементах, вплоть до самодельных вакуумных ламп. Но до такого, к счастью, не дошло – Центр все-таки решил снабдить своего посланца достаточным количеством элементов для проведения почти любого ремонта имеющейся в контейнере аппаратуры. Поэтому на пайку схемы ушел всего один неполный день.

Следующий потребовался для того, чтобы понять: почему же она, зараза, не работает? Наконец Новицкий, исчеркав несколько листов бумаги, пришел к выводу, что он все-таки нарисовал схему делителя не совсем правильно. И, естественно, точно так же ее и спаял.

Третий день начался с замены сгоревшей в результате неправильного подключения микросхемы, после чего молодой император до обеда любовался, как замечательно работает его устройство. Оно четко пропускало только каждый третий импульс в диапазоне входных сигналов от герца до двух мегагерц – ровно столько мог дать тестер-генератор. Впрочем, реально должно было быть не более полутора сотен килогерц, так что Сергей не волновался. Он допаял на плату резистивный делитель на три, трехкратный усилитель, убедился, что все прекрасно работает, после чего аккуратно отнес свое творение в спальню и положил в контейнер. Все, больше можно не отвлекаться на творчество, дальнейшие шаги будут строго соответствовать инструкциям Центра. Кроме финального монтажа аппаратуры, который произойдет еще не скоро, перед самой подачей сигнала.

По завершении возни с электроникой Новицкий занялся литературным трудом, то есть сел вспоминать, что у него осталось в голове от романов Купера «Зверобой» и «Последний из могикан», читанных в детстве. И переносить кое-что из припомнившегося на бумагу, потому как бабка, несмотря на свою довольно широкую эрудицию в самых неожиданных вопросах, о жизни в Северной Америке не знала почти ничего, а капитан Павшин до вчерашнего дня вообще не подозревал о существовании упомянутого материка. Понадобилось же это потому, что девицу, коей предстояло отвлечь майора Шепелева от несбыточных мечтаний о Елизавете, решено было представить сестрой Павшина. По легенде, в совсем юном возрасте она покинула Россию и в конце концов оказалась в Америке, где вышла замуж за вождя, того самого Большого Змея. А недавно, овдовев, вернулась к родным пенатам. Но перед встречей с майором, пожалуй, ей следовало поглубже окунуться в американский колорит.

Сергей еще не успел закончить своего изложения, когда во дворец явился Нартов. Он сообщил, что форма для отливки цилиндра большой машины уже практически готова, а потом пожаловался, что электрическая сила из его батареи очень быстро куда-то утекла, не дав толком познакомиться с осаждением меди на разные изделия. Император сказал, что в этом нет ничего удивительного, после чего проводил механика к своей новой батарее и объяснил, чем она отличается от старой. Потом поподробнее расспросил про подготовку к отливке цилиндра, попрощался с Нартовым и решил, что теперь уже можно точно определить дату отъезда в Петербург.

Она была назначена на двадцать пятое апреля, сразу после Пасхи. Афанасий по результатам опроса знающих людей утверждал, что дороги к тому времени совсем подсохнут, и Миних был с ним согласен. Генерал добавил, что вообще-то дорога от Москвы до Петербурга хорошая и поддерживается в порядке в отличие от многих прочих.

Определившись со временем отъезда, Сергей съездил в Ново-Преображенский дворец поставить Елизавету в известность о своем грядущем путешествии и пригласить ее с собой. Ну, разумеется, и тесно пообщаться тоже, потому как скоро начиналась Страстная неделя, и заниматься во время нее плотскими увеселениями было как-то даже неприлично. Вообще-то подобное не приветствовалось во время всего поста, но то был грех обычный, никого особо не удивляющий. Наоборот, если бы молодой император вдруг стал совсем святым, это могло

вызывать ненужное недоумение. Однако, как уже говорилось, Страстная неделя стоит особняком, так что в преддверии нее царь с цесаревной по обоюдному согласию превысили установленный бабкой лимит ровно в два раза. Потом Елизавета сказала, что она готова ехать с Петенькой не только в Петербург, но вообще куда угодно, взяла с него слово обязательно погостить у нее в Сарском, и не один день, после чего молодые люди спокойно заснули. Новицкому вновь приснилась Стерлядь, но сейчас сон был лишен малейших намеков на эротику. Преподавательница появилась в спальне Елизаветы в строгом брючном костюме, присела на край кровати, где лежали царь с цесаревной, потрепала Сергея по волосам и, одобрительно взглянув на его спящую соседку, сказала:

– Вижу, не зря я тебя учила.

И медленно растаяла в воздухе наподобие ангела, что сопровождал появление Новицкого в этом мире.

Утром Сергей ненадолго заехал в Лефортовский дворец, где слегка перекусил, переложил наган из футляра на ремне за пазуху и взял несколько листов бумаги с карандашами. Немного подумав, местных пистолетов он решил не брать, хотя дальнейший его путь лежал в Кремль, на заседание Верховного тайного совета.

Это был третий случай присутствия его императорского величества Петра Второго на подобном мероприятии. Первый визит сделал еще предыдущий Петр в двадцать восьмом году. Просидев полчаса, мальчишка сбежал оттуда и больше никогда там не появлялся. Второй произошел сразу после инцидента в доме Ушакова, и тогда верховников посетил уже новый Петр, то есть Новицкий. И, наконец, сейчас должен был произойти третий визит. На нем Сергей собирался сообщить о своем отъезде, а перед этим послушать, чем же господа вообще занимаются и какие мировые проблемы решают. Все-таки теперь он тоже был членом Совета, хоть и ассоциированным, и считал, что пора начинать вникать в тонкости государственного управления.

Так как члены Совета были в курсе предстоящего визита императора, они, естественно, подготовились к этому событию. Потому как ну просто не может быть, чтобы все заседания проходили столь убийственно скучно!

Сначала слово взял Алексей Долгоруков и закатил вступление примерно на полчаса, из коего следовало, что сейчас господам советникам предстоит обсудить проект бюджета на текущий год. Потом эстафету перехватил Головкин, за время вступления разложивший перед собой кучу бумаг, и начал нудным голосом перечислять всякие налоги, особое внимание обратив на винный, соляной и табачный. Затем пошли какие-то недоборы, недоимки и прочие «недо».

Замысел верховников стал кристально ясен Сергею еще во время речи Долгорукова. Почтенные господа хотели довести молодого императора до того, чтобы он вновь сбежал. А не выйдет – так пусть просто заснет, тоже неплохо получится.

Однако жизнь с детства приучила Новицкого к терпению, а после тренировок в Центре он вообще мог часами слушать любую ахинею и не только не зевать при этом, но демонстрировать глубокое внимание и даже иногда задавать относящиеся к делу вопросы.

Поэтому сейчас он спокойно слушал нудное бормотание Головкина, изредка одобрительно кивал, а пару раз даже сделал какие-то пометки в своих бумагах. На лицах членов Совета начало потихоньку проступать удивление, и только Миних сидел с совершенно безмятежным видом.

Наконец Головкин явно устал. Он начал сбиваться, в голосе появилась хрипотца, и Новицкий, пожалев пожилого человека, подал голос:

– Стоп! А вот отсюда, пожалуйста, поподробнее. Семьсот тысяч с внутренних таможен – это, конечно, здорово, но хотелось бы узнать детали. То есть сколько с каждой, почему не больше, по каким товарам, чем это хорошо или плохо, ну и так далее. Андрей Иванович, прошу вас.

Обращение на «вы» Новицкий применил специально, хотя оно в текущем времени еще

не так чтобы прижилось. Этим он хотел подчеркнуть, что обращается не как император к вице-канцлеру, а как ассоциированный член к действительному. Ну и как юноша к человеку в годах тоже.

Остерман не удивился просьбе, а прокашлялся и начал излагать. Правда, в силу отсутствия времени для подготовки речь его была несколько сумбурна, он часто без заметных оснований перескакивал с одного на другое, но это только удлиняло выступление вице-канцлера.

Сергей вслушивался, стараясь понять: а есть тут хоть какая-нибудь мысль? И если да, то как бы ее вычленил?

Скоро молодой император убедился, что мысль в выступлении Андрея Ивановича очень даже есть, а некоторая путаность речи – она только кажущаяся. Например, оратор долго описывал состояние дел на малороссийских таможах, потом наконец добрался до итоговой суммы сборов, причем якобы случайно повторил ее два раза подряд. А затем вроде бы без всякой связи перешел к описанию торговли между Москвой и Петербургом, которая вообще была совершенно бестаможенной и, значит, к сути вопроса вроде бы не относилась. Однако сумма налогов с купцов тут оказалась больше таможенных сборов в предыдущем случае!

В общем, если отжать из выступления Остермана воду, то оно свелось бы к доказательствам простого тезиса: внутренние таможи есть зло, и чем быстрее их убрать, тем лучше будет для государства. Вот только отжимать пришлось бы долго, потому как выступление вице-канцлера продолжалось больше полутора часов.

Миних, слушая произносимые речи, сначала просто одобрительно кивал, но потом начал потихоньку перемежать кивки зевками. Вскоре, видимо устав зевать, он положил на стол треуголку, на нее – голову и спокойно заснул. Причем как культурный человек совершенно не храпел во сне.

Новицкий же ждал окончания речи Остермана с интересом и без малейшего нетерпения. Объяснялось это очень просто – ему тоже было что сказать по обсуждаемому поводу. Так уж получилось, что в памяти молодого человека отложилось множество почти не связанных меж собой отрывков из монографии «Развитие промышленности и торговли России в восемнадцатом веке». Причем попали они туда не сами по себе и не на занятиях в Центре, а несколько раньше.

Когда дядя Виталий предложил ему путешествие в прошлое, молодой человек согласился сразу. Какая разница, куда сбежать из опостылевшей малогабаритной «двушки» в хрущевке, уже десятый год стоящей в очереди на снос! От неистебимых тараканов, дуры-сестры и пропойцы-матери. А в допотопном веке небось будет всяко лучше, чем в тюрьме. И скорее всего чем в армии тоже, а других вариантов своего будущего Сергей даже не рассматривал во избежание неизбежного разочарования, ибо в бандиты идти было уже поздно, для этого следовало родиться лет на двадцать раньше.

А дальше Новицкий получил разъяснения, почему первым по этому пути придется идти именно ему.

– Человек моего возраста при переносе забудет вообще все, что помнил, причем с гарантией. У тебя же есть шансы, и их можно сильно увеличить регулярными тренировками. Правда, они могут показаться довольно неприятными.

Сергей уже совсем было собрался огрызнуться – мол, много вы понимаете в неприятностях! – но глянул на дядю Виталия и промолчал. Кажется, тот на самом деле когда-то любил его мать.

Потом начались упражнения, на которые приходилось ездить во Фрязино, потому что аппаратура стояла там и для перевозки не предназначалась. Первое время зайцем, а потом, когда Сергей опоздал из-за того, что его ссадили с электрички, за деньги. Дядя Виталий сначала отругал его, потом себя и выдал своему ученику пятнадцать тысяч на транспортные расходы.

Тренировки же происходили следующим образом.

Молодому человеку вручался какой-нибудь неудобочитаемый текст, который следовало запомнить. Чаще всего это были отрывки из той самой монографии, причем дядя Виталий, кажется, специально отбирал их так, чтобы смысла там было поменьше, а цифр – побольше. После того как текст более или менее откладывался в памяти, на голову Новицкому надевался обруч, подключенный к приборной стойке, затем нажималась кнопка, и юноша очень качественно получал по мозгам в самом прямом смысле этого слова. Поначалу он вообще не сразу вспоминал, что это за место и какого черта его сюда занесло, но под конец уже мог, отдышавшись, выдать не меньше половины того, что запомнил перед очередным ударом.

Отвлечшись на воспоминания, молодой император чуть не пропустил момент, когда Остерман закончил свое выступление. Но все же вовремя спохватился, чтобы успеть пресечь поползновение Головкина, который, кажется, хотел объявить о завершении сегодняшнего совещания.

– Господа, – привстал Новицкий, – честно скажу, я не ожидал услышать столь разумных и безусловно полезных речей, кои были произнесены здесь уважаемыми Гавриилом Ивановичем и Андреем Ивановичем. У меня тоже родились некоторые мысли по затронутым вопросам, и я прошу вас их не только выслушать, но и сделать скидку на то, что вникать в столь глубокие тонкости мне до сих пор не приходилось. Однако, кроме этого, я прошу вас также немедленно указать мне, если я где-то буду не прав. И не только потому что я ныне всего лишь ассоциированный член сего досточтимого Совета, но и войдя в разумение следующего. Император, который поставил дело так, что никто из подданных не смеет указать ему на совершаемые ошибки, обречен на неудачи. Пусть не сразу, но они обязательно перечеркнут все то полезное, что он смог сделать на благо державы. Итак, вспомним, что новоторговый устав одна тысяча шестьсот шестьдесят седьмого года от рождения Христова подтвердил замену различных сборов единой пошлиной в размере десяти денег с рубля, что логически завершало преобразования, начатые с введением Уставной грамоты в одна тысяча шестьсот пятьдесят четвертом году. Однако ныне...

Долгоруков говорил полчаса. Головкин – почти два, а Остерман – два часа десять минут. Сергей замечал время по здоровенным стоячим часам с маятником, которые гулко и редко тикали в углу Золотой палаты. Себе молодой император поставил задачу хоть немного, но перекрыть рекорд своего учителя и был полон решимости с ней справиться.

Это ему удалось, хотя он для большей честности состязания не стал учитывать времени небольшой паузы, возникшей примерно посередине его выступления. Головкин долго крепился, всякий раз отворачиваясь, когда желание зевнуть становилось нестерпимым, но от этого у него, похоже, заболела шея, так что в очередной раз поворот у него просто не получился.

– Неужели вам неинтересно? – с таким искренним огорчением спросил молодой царь, что Гавриил Иванович смутился и забормотал что-то насчет трудного дня и преклонного возраста. А Сергей, благосклонно выслушав его и сказав нечто соболезнующее, продолжил свою речь.

Наконец часы показали, что можно закругляться, и Новицкий прямо посреди очередного рассуждения заявил, что у него пока все, и сообщил Совету о своем грядущем отъезде. Совсем было павшие духом верховники, поняв, что тягомотина, кажется, на этом закончится, без возражений одобрили путешествие.

– Спасибо, господа, – чуть наклонил голову Сергей, – сегодня я услышал много нового и надеюсь, что в последующие разы, когда мне вновь доведется здесь присутствовать, нового и интересного будет еще больше. Кто там поближе – разбудите, пожалуйста, Христофора Антоновича, и мы вас покидаем, у нас еще много дел в связи с подготовкой к отъезду.

Глава 22

Путь в Питер начался с того, что ранним утром пять десятков всадников и шесть небольших пароконных карет собрались у Кремля, где был назначен старт путешествию. Миних быстро провел нечто вроде переключки, в процессе которой убедился, что солдаты и младшие офицеры присутствуют в полном составе, Елизавета со своей мини-свитой тоже, а больше его никто и не интересовал. Была подана команда, и процессия с генерал-аншефом во главе двинулась к каменному мосту через речку Неглинную, за которым начиналась Тверская улица.

Сергей ехал верхом, имея в виду пересест в карету после обеда, потому как сильно сомневался, что сможет выдерживать в седле по десять часов в день. И глазел по сторонам, потому как Петр Второй проезжал по Тверской всего один раз, три года назад, когда только явился в Москву. Правда, сам Новицкий бывал на этой улице гораздо чаще, но зато в другом времени, поэтому теперь ему было на что посмотреть.

Главных впечатлений было два. Первое состояло в том, что улица оказалась неожиданно узкой, только-только разъехаться двум каретам. Второе – она интенсивно застраивалась, причем исключительно каменными домами. По теперешним меркам, улица была довольно длинной, кончаясь примерно там, где и в двадцать первом веке. Но никакого Белорусского вокзала на том месте, естественно, не было, а торчала будка и два полосатых столба по обочинам. Тут кончалась Москва. Сразу после заставы начинался бывший Тверской, а ныне Петербургский тракт с полями и перелесками вдоль него.

Дорога была не просто хорошей, как обещал Миних, а отличной по местным меркам. Впрочем, Сергей уже знал, что таковой она будет только до Черной Грязи.

Туда кавалькада добралась часам к одиннадцати дня, но останавливаться, несмотря на наличие ямской станции, не стала. Обед был запланирован в селе Гомзино, стоящем примерно на месте будущего Солнечногорска, а вообще за первый день предполагалось добраться до Клина. Дорога действительно стала чуть похуже, но не намного. Во всяком случае, скорость движения восемь – десять верст в час поддерживалась легко.

Новицкий пребывал в некоторой эйфории. Во-первых, это можно было считать первым в его жизни нормальным туристическим походом. Потому как до учебы в Центре ему как-то не довелось никуда сходить: семейная обстановка не позволяла. Потом же были не походы, а марш-броски по программе курса «основы выживания», и никаких хоть сколько-нибудь приятных воспоминаний после них не осталось. Сейчас же – красота! Даже сказал бы лепота, но времена все-таки уже не те.

Впереди как минимум десять дней пути, и все это время он будет никому ничего не должен! В первую очередь себе, но все работы по подготовке к запуску маяка остались в Москве и как-то движутся, не требуя его участия. Совет – там же, и слава богу, ибо надоел. Правда, по приезде в Питер придется вникать в дела города и флота, ведь это обещано Миниху, но до города на Неве еще ехать и ехать. Причем путешествие, как это ни странно, напоминало Новицкому дорогу до Фрязино.

До встречи с дядей Виталием ему не доводилось проезжать по этой ветке. Чаще всего молодой человек ездил в Сергиев Посад, в гости к бабушке, пока та не умерла. И в основном на александровской электричке, которая практически всю дорогу неслась со стокилометровой скоростью, почти не делая остановок. Фрязинская же ползла от силы сорок, останавливаясь чуть ли не у каждого столба. И пейзажи вокруг были какие-то... ну прямо патриархальные, особенно на последней трети пути. Леса, дачные поселки, застроенные не коттеджами, а домиками-скворечниками советских времен на участках в шесть, а то и четыре сотки. Сергей, глядя в окно, не мог отделаться от ощущения, что он едет по какой-то другой стране, где темп жизни на порядок ниже, чем тот, к которому он привык.

И вот сейчас у молодого императора возникло похожее чувство.

В Клин процессия прибыла, когда уже темнело. Миних, составляя план путешествия, исходил из желания императора проделать путь как можно быстрее, поэтому первый перегон

и был таким длинным. Сергей даже сомневался, что они его осияют, потому как читал в кавалерийском уставе сталинских времен, что нормальный марш конницы – это шестьдесят километров в сутки. Форсированный – от ста до ста двадцати, но после него обязательно нужно дать отдых лошадям, а от центра Москвы до Клина как раз и было примерно сто километров. Однако его Даша вроде не очень устала – возможно, потому, что ее седок все-таки был довольно легким. Да и ехал он на ней только до Гомзино, а потом пересел в карету.

Миних всю дорогу провел в седле, но утверждал, что для его коня это так, легкая прогулка. Действительно, животное было здорова, под стать седоку. Среди же остальных лошадей примерно половина требовала замены, но еще за неделю вперед по всем ямским станциям были высланы курьеры, и по крайней мере в Клину было на что заменить выбившихся из сил животных.

Кстати, Совет, отойдя от выступления Новицкого, решил было покрыть расходы на путешествие из средств, выделяемых императору, но подобный образ действий было легко предвидеть, поэтому там присутствовал Миних – свежий, полный сил и отлично выпавшийся на предыдущем заседании. Он заявил, что путешествие императора вызвано государственной необходимостью, ибо имеет целью разобраться с причинами начавшегося упадка северной столицы, любимого детища Петра Великого. И если по уму и совести, царю надо бы вообще доплатить за тяготы пути, кои он добровольно взваливает на свои еще не окрепшие плечи.

Против доплаты Совет встал насмерть, тут не помогли бы три голоса генерал-аншефа, но так и было задумано. Зато в конце концов согласился отнести путевые расходы, в том числе и по замене лошадей, на казенный счет.

Второй перегон планировался короче первого – обедать предполагалось в Завидове, а ночевать в Твери. Как и вчера, первую половину дневного пути Сергей ехал верхом. Елизавета сегодня тоже переоделась в мужской костюм, чего не позволяла себе в Москве, и ее конь трусил рядом с Дашей.

– Какая все-таки Россия – огромная страна! – поделилась она своим восхищением с императором. – Ведь мы проехали от силы десятую часть пути. За это время можно было пересечь из конца в конец весь Гольштейн, где умерла моя несчастная сестра Анна.

Да, подумал Сергей, это действительно примерно сто километров. А вообще-то пора начать соображать, как реализовать свои права на тамошний престол – ведь не может же быть такого, чтобы у него их совсем не было! Потому что если мы собираемся всерьез озаботиться добычей золота в Южной Африке, то нужен более удобный и безопасный выход в Атлантику, чем через датские проливы. То есть Кильский канал. Точнее, перешеек, никакого канала там еще нет, но его можно будет прорыть. Это, конечно, план не на ближайшие годы, но заниматься им все равно когда-нибудь придется. Потому что второй путь в океан лежит через турецкие проливы, а потом через английский Гибралтар, и в обозримом будущем свободное плавание по ним российским кораблям не светит. Но что там говорит Лиза? А, про огромные расстояния...

– Десятая часть пути – это потому, что мы едем в Петербург, – заметил император. – Ехали бы в Охотск – была бы примерно сотая. Да и то по расстоянию, а по времени – хорошо если пятисотая.

– Петя, ты что, и туда собираешься? – округлила глаза Елизавета.

– Да, но нескоро. Вот когда удастся сделать так, что дорога будет занимать не более полугода, тогда и съезжу. Должен же император знать, как выглядит его держава!

Дальше цесаревна ехала молча, почувствовав, что ее Петя о чем-то задумался.

Он действительно вновь вспоминал свои поездки во Фрязино.

– Понимаешь, – говорил ему дядя Виталий, – побочным проявлением импульса, который мы, не мудрствуя лукаво, назвали темпоральным, будет стирание памяти у существа, подвергшегося переносу. Причем тут уже можно заметить интересную

закономерность. Есть предельная масса объекта, которую можно отправить в прошлое. Причем чем глубже будет заброс, тем больше окажется эта масса. И наоборот, естественно. В восемнадцатый век можно закинуть килограммов полтора. К древним грекам – почти полтонны. А во вчерашний день – миллиграммы, а то и меньше. Так вот, перенос максимально допустимой массы сопровождается стирающим память импульсом максимальной интенсивности. Если же, например, отправить назад по оси времени десятую часть возможного, то импульс будет слабым, такой даже я выдержу без особых последствий. Проблема в том, что привязка есть исключительно к первой трети восемнадцатого века, и все. Да только...

Дядя Виталий задумался, а потом рассмеялся.

– Надо же, ведь я уже рассказал тебе столько совершенно секретного, что легко потянет на пару высших мер по шпионским статьям, а теперь мнусь по поводу интриг в нашей конторе. Так вот, там преобладает мнение, что надо сосредоточить усилия на продвижение точки привязки не назад, а вперед, в самое ближайшее прошлое. Тем более что мой помощник, Саломатин – кстати, редкая скотина! – даже родил теорию, что точку привязки вообще можно двигать только вперед. Не знаю, верит он сам в это или просто пытается сделать приятное начальству, которое хочет именно туда, а не в глубь веков.

– Но зачем, – не понял тогда Новицкий, – какой толк от миллиграммов?

– Никакого, они никого особо и не интересуют. Однако аппаратура позволяет принимать изображения из того времени. Например, разве лишним будет посмотреть, что происходило в генштабе вероятного противника полчаса назад? Но, по-моему, это просто отмазка. На самом деле будут подглядывать в офисы конкурентов или, например, в баню, где неугодный политик развлекается с мальчиками. Мне, честно скажу, такое направление совсем не нравится. И я провел кое-какие собственные исследования, результат которых ты сейчас и пробуешь на себе. У разных людей разная сопротивляемость воздействию темпоральных импульсов. У тебя – достаточно высокая, подобных тебе меньше процента. Но ее все равно не хватит для безопасного путешествия в восемнадцатый век даже без всякого груза, на половинной мощности импульса. Однако сопротивляемость можно повысить тренировками, чем ты и занимаешься. О том, что это вообще возможно, не знает никто, кроме нас с тобой. Насколько я могу судить, эти ослабленные импульсы безопасны. Во всяком случае, крысам они не нанесли никакого вреда. Мне тоже, но и пользы от них не было, я слишком стар. А вот ты совсем другое дело.

– Постойте, – наморщил лоб Новицкий, – но ведь вы занимаетесь настолько важным делом, что за вами наверняка следят! И получается, знают о моих визитах к вам. Если не слушают все, о чем мы с вами говорим.

– Прослушки нет, это можно сказать точно, я все-таки электронщик, и неплохой. А знать, конечно, знают. Ведь руководство считает, что здесь разрабатывается методика определения врожденной устойчивости к воздействию импульсов, а ты проходишь как подопытный кролик. Разумеется, случись что, и начальство будет совершенно ни при чем, мальчика из неблагополучной семьи замучил маньяк-одиночка, то есть я. Меня даже специально уволили, я теперь якобы безработный. Так вот, в ближайшее время я собираюсь отправить наверх доклад, в котором полностью и без утаек опишу свою методику отбора. И добавлю, что мной найден абсолютный уникал, чья природная устойчивость превышает среднюю в сотни раз, то есть ты. Ну, а сейчас давай в последний раз проверим, насколько это стало соответствовать истине в результате наших с тобой тренировок.

Через полтора месяца дядя Виталий погиб. Он ведь часто ездил на маленьком японском скутере. Вид, конечно, был еще тот – примерно такой, как если бы Миних вдруг поехал верхом на собаке. Однако эта трещотка позволяла ему легко просачиваться сквозь пробки, которыми всегда было богато Щелковское шоссе. Разумеется, сбившего его автомобиля так и не нашли.

А еще через месяц в гости к Новицким явилась делегация во главе с пузатым мужиком, похожим на французского актера Жерара Депардье. Он долго распинался перед Сергеем,

живописуя ему ослепительные перспективы участия в некоем чрезвычайно секретном и очень важном проекте. Многословно и красочно объяснял, что в случае успеха Сергей обеспечит блестящее будущее не только себе, но и своим родным. Матери, которая попыталась было влезть в беседу, он не глядя и не считая сунул несколько пятитысячных бумажек, добавив: дело настолько важное, что финансовый вопрос тут вообще не играет роли. Мол, сколько надо, столько и будет. Кажется, он хотел таким образом получить дополнительную поддержку от матери, но просчитался – поняв, что именно ей дали, она суетливо засобиравшись в магазин, не обращая внимания на гостей.

Новицкий слушал, старательно чередуя на лице выражения недоверия, надежды, а в конце просто ничем не прикрытого энтузиазма. Он уже знал, куда его приглашают. Насчет блистательного будущего, которое на самом деле окажется прошлым, где придется оставаться до самой смерти, Сергей тоже был в курсе. И сейчас прикидывал, когда надо соглашаться – вот прямо сию минуту или пусть этот хмырь и дальше молотит языком, пока не устанет.

«Дам толстопузому выговориться, – решил молодой человек. – Глядишь, и сболтнет что-нибудь полезное. А нет – так просто составлю о нем более основательное представление, тоже небось пригодится. Кстати, а не причастен ли он к смерти дяди Виталия? Даже если не учитывать, что тот считал своего заместителя скотиной, все равно вполне вероятно – с подобной рожей и не такое можно совершить».

– Я согласен! – сказал Сергей, дождавшись паузы в речи Саломатина. – Это же здорово! А стрелять меня научат? Или на мотоцикле ездить?

На самом деле парень просто забеспокоился, как бы молчаливый спутник оратора, за весь визит не проронивший ни слова, не заинтересовался изменением выражения его лица. Вроде ничего такого быть не должно, но мало ли. Хотя, конечно, теперь придется постоянно контролировать свои эмоции – хорошо хоть, что не все. Например, нет никакой нужды скрывать, что он, Новицкий, готов приложить максимум усилий для выполнения задания, которое на него собираются возложить эти люди. А вот желание сделать еще и то, о чем просил дядя Виталий незадолго до смерти, его, конечно, придется скрывать, и как можно тщательнее. Насчет же стрельбы и так ясно, что в программе подготовки ей будет уделено немалое внимание. Правда, с мотоциклом наверняка выйдет облом, но в мире вообще нет совершенства, это Сергей знал точно.

– Государь, – отвлек императора от воспоминаний подскакавший Миних, – до Завидова осталось три версты. Предлагаю сегодня остановиться там на ночь, а в Тверь ехать завтра. Во-первых, мы и так уже опаздываем часа на полтора. А во-вторых, впереди тучи, и может пойти дождь. Тогда мы точно не успеем, и придется ночевать в поле или в какой-нибудь совсем захудалой деревеньке.

– Хорошо, генерал, – кивнул Новицкий, – я полностью доверяю твоему опыту. Командуй, как считаешь нужным.

Глава 23

Царская колонна прибыла в Петербург поздним утром десятого мая, потратив на дорогу двенадцать суток. С одной стороны, это было довольно много – курьеры, бывало, покрывали это расстояние и за четыре, а нормой считалось пять. Да и сам Петр Второй, когда ехал в Москву на коронацию, пробыл в пути десять дней – правда, это если не считать двух остановок из-за его болезни.

Но вот Радищев, например, добирался из Петербурга в Москву три недели. Правда, Александр Николаевич скорее всего думал тогда не о том, как бы побыстрее достичь цели, а о своей будущей книге.

В общем, Новицкий остался весьма доволен поездкой. Он даже немного прибавил в весе.

Жить Сергей собирался в Летнем дворце. Во-первых, сейчас было уже почти лето, и зря, что ли, тот дворец так называли? А во-вторых, и в-главных, молодому императору понравились небольшие размеры этого здания и его простая планировка. В таком гораздо проще навести порядок и обеспечить нормальную охрану, чем, например, в громаде Зимнего. Правда, это был не тот дворец, который вроде бы подвергся знаменитому штурму в семнадцатом году и вообще являлся одной из главных достопримечательностей Питера, но все равно достаточно большой, да еще недавно расширенный императрицей Екатериной. Хотя, конечно, Сергей планировал в ближайшее время посетить и его. Интересно же посмотреть на здание, которого никто в его времени не видел даже на фотографиях.

Молодой император вообще-то опасался, что выбранная им резиденция будет пребывать в упадке и запустении, но ошибся – двухэтажный особняк, по виду на дворец совершенно не тянувший, вполне прилично выглядел как изнутри, так и снаружи.

Сергей подозвал Василия Нулина – молодого парня из команды Ершова, который из младших уже дослужился до просто камердинера. Из прислуги только он да Федор Ершов сопровождали императора в путешествии. Афанасий, когда узнал об этом решении государя, даже чуть не расстроился, но Сергей объяснил, что много слуг ему ни в дороге, ни в Петербурге не понадобится. А понадобится его императорскому величеству уверенность в том, что во время его отсутствия Лефортовский дворец будет поддерживаться в должном порядке. Старший Ершов успокоился, тем более что ему, честно говоря, не очень и хотелось ехать черт знает куда. До сих пор он, кроме Москвы, бывал только в Коломенском и в Тушине.

– Вася, – обратился царь к подбежавшему камердинеру, – разужнай, чьими стараниями Летний дворец поддерживался в таком прекрасном виде. Причем на самом деле, а не как в бумагах написано, это не всегда одно и то же. Сам-то, кстати, когда читать научишься? Без этого тебе выше простого камердинера не подняться.

– Так скоро же, вашеество! Уже всю азбуку выучил, почти не ошибаюсь, в дороге даже пытался из букв слова складывать, – не упустил случая похвастаться Василий. – А поручение твоё, государь, я к завтрашнему утру выполню. Не поздно будет?

– В самый раз, ступай. Да кликни ко мне Федора.

– Здесь я, государь, не надо меня кликать, – раздался сзади голос особоуполномоченного. – Таскать чего надобно али рыло кому набок своротить?

– Пока только таскать, пошли со мной.

Император второй раз прошелся по дворцу. Сейчас он выбирал себе комнаты и прикидывал, какую мебель туда придется внести, а какую, наоборот, вынести. И что заказать, если во дворце вдруг не найдется чего-нибудь нужного. Вот тумбочки, например, пока ни одной не встретилось. Да и табуреток всего две, в основном тяжеленные кресла, а они не всегда бывают удобны.

Сергей выбрал для проживания две смежные комнаты с прихожей на втором этаже с видом на Неву, показал их поручику Губанову на предмет организации караульной службы, еще раз уточнил про мебель и спустился вниз. Пора было ехать на торжественный обед, даваемый в честь приезда императора заместителем Миниха Соймоновым, которого Христофор Антонович при отъезде в Москву оставил вместо себя командовать в Питере.

Однако произошла небольшая задержка, связанная с тем, что, пока император осматривал дворец, к нему подъехал небольшой, но богатый с виду пароконный возок, в коем восседал маг и астральный целитель Шенда Кристодемус. Вообще-то ничего удивительного в этом не было, потому что Сергей, приняв решение о поездке, тут же написал ему письмо, в котором сообщал о своих планах и уточнял, что теперь микроскоп в Москву отправлять не нужно.

Первым делом Шенда поведал, что доля его величества за подотчетный период составляет три тысячи восемьсот семьдесят два рубля и они могут быть немедленно доставлены в указанное царем место. Но, несмотря на значительность суммы, маг сообщил про нее скороговоркой, явно спеша, чего за ним раньше не наблюдалось. Вдобавок он явно

был слегка под градусом, чем тоже вроде до сих пор не увлекался.

«Неужели и этот влюбился, – в некоторой растерянности подумал Новицкий. – Где же мне на вас на всех могижанских княгинь набрать?»

Однако действительность оказалась сложнее и в чем-то даже возвышеннее. Кристодемус не страдал от банальной влюбленности, а, как он сам объяснил, сумел воспарить разумом в самые сокровенные тайны природы.

– Правильно ты решил, государь, доверить мне исследование жизни и свойств мельчайших существ, именуемых микробами, – гордо тараторил он. – Ибо не знаю, кто еще мог бы справиться с оной задачей, а ведь я пошел дальше. Не только установил, что некоторые микробы в желудке не умирают, потому как вода, будучи сначала выпитой, а потом извергнутой обратно, все равно их содержала. Более того, один матрос, коему я ради науки не пожалел дать полтинник, выпил воду, где этой мелочи было особенно много, и потом четыре дня маялся животом. То есть можно считать доказанным, что мелочь микробная наносит вред человеку. Но не остановился я на этом, а стал думать, как бы вредодействие оных злокозненных микробов пресечь. Долго я думал, пока не посетило меня озарение – нужно найти вещество, кое будет являться для микробов ядом, а для человека – безвредным. И ведь нашел я его, государь!

Тут Шенда сделал паузу, дабы царь поглубже осознал все величие его разума. А после нее выдал:

– Ежели в каплю воды с микробами добавить каплю хлебного вина, именуемого водкой, то поганые те микробыдохнут от оной добавки все без исключения! И не только в капле – ведь я продолжил исследования дальше.

«Ясно, – подумал Новицкий. – Так продолжил, что по сей день остановиться не может. Герой, блин, прямо как Пастер. На себе эксперименты ставит. Или он мне тут уже половину Питера успел спойть?»

А целитель тем временем пустился в более подробное описание своих экспериментов.

– Много я опытов проделал с выпитием и последующим выблеванием, – гордо отчитывался он.

Сергея передернуло. Уж чего-чего, а подобных опытов он насмотрелся в двадцать первом веке, причем в куда больших количествах, чем хотелось бы. Кристодемус же продолжал:

– И все они показали волшебную силу хлебного вина. Причем чем оно было крепче, тем лучше умертвляло микробов. Только тебя я ждал, государь, дабы немедля отправить описание нашего открытия в Королевское научное общество, кое в граде Лондоне обитает.

Ух ты, мысленно восхитился Новицкий, он даже не забыл начальство в соавторы пригласить. Да, это настоящий ученый – далеко пойдет, если только не увязнет в своих антисептических экспериментах. А идея с Королевским обществом – вообще блеск.

– Отлично, господин Кристодемус, твое беззаветное служение науке заслуживает всяческих похвал, – изрек император, сделав значительное лицо. – Поэтому из денег, составляющих мою долю, можешь оставить себе половину на дальнейшие опыты. Но только с одним условием – на себе их больше не проводить! Ясно? А с письмом в Лондон – это ты хорошо придумал. Отправляй, да приложи к нему посылку – пару бочонков самой крепкой водки, которая только найдется в Питере. Микроскоп они пускай сами ищут. А еще припиши, что собираешься заняться исследованием не только тех микробов, что попадают в желудок через рот, но тех, что извергаются из кишечника через противоположное отверстие человеческого организма. Сам-то пока еще их морить не пробовал? Вот и хорошо, оставим эту честь лондонским академикам. Пусть они тренируются друг другу водочные клизмы ставить, авось пригодится.

Обед состоялся в Меншиковском дворце, вместе с усадьбой занимавшем чуть ли не половину Васильевского острова. «Ох, и здоров же домина, – подумал император. – На картинках и планах, изучавшихся им в Центре, ибо здесь часто бывал настоящий Петр

Второй, это не так бросалось в глаза. Нет, правильно мой предшественник его в ссылку турнул, – сделал вывод император. – Если первый министр строит себе такие хоромы, то когда ему заниматься государственными делами? Тут воровать надо по двадцать часов в сутки, а ни на что другое времени не останется».

Никакой пышной встречи императора не предусматривалось, а список приглашенных Миних, согласовав его с Новицким, отправил курьером еще из Новгорода. Такая скромность никого не удивляла, все еще помнили времена Петра Первого, который часто появлялся в городе без всякой помпы, а иногда и вовсе незаметно.

Проходя по коридорам дворца в Большую палату, Новицкий отметил, что здесь в отличие от Летнего хозяйской руки не чувствуется. Стены обшарпаны, полы грязноваты, а вон там вообще стекло разбито, и никто не удосужился хотя бы заколотить дыру досками. Нет, с этой хороминой надо что-то делать. Ее, кажется, через год передадут Кадетскому корпусу, который пока еще называется Шляхетским? Вовсе незачем ждать еще год, пока тут все еще больше развалится. Надо делать оба дела прямо сейчас. То есть подарить дворец корпусу, а заодно и переименовать его как положено. Потому что «Кадетский» – это звучит. Теперешнее же название не вызывало у императора ничего, кроме вопроса: а при чем тут вообще какие-то поляки?

Приглашенных на обед было немного. Кроме самого Федора Ивановича Соймонова, присутствовал адмирал Гордон, брат описанного в романе Толстого генерала Гордона, генерал-аншеф Ягужинский, архитектор Михаил Земцов, кораблестроители Осип Най и Гаврила Меньшиков. Миних заранее просветил царя, что он никакой не родственник светлейшего князя, да и фамилия у него немного другая, пишется с мягким знаком.

Стол был накрыт довольно скромно, а вин на нем не было вовсе. Поели быстро и практически в молчании, после чего император вытер рот салфеткой и заявил:

– Спасибо, господа, все было очень вкусно. А теперь расскажите мне, пожалуйста, чего хорошего случилось за время моего отсутствия в городе Санкт-Петербурге.

Господа растерянно переглянулись, а потом Соймонов неуверенно сказал:

– Ваше величество, за это время не приключилось ни одного крупного пожара. И от наводнений нас Господь миловал.

Сергей, убедившись, что добавить никто ничего не рвется, усмехнулся:

– Замечательно. А теперь, пожалуй, просветите меня насчет плохого. Павел Иванович, начни ты.

– Воровство, государь, достигло невероятных размеров, – твердо начал Ягужинский. – А дела государственного управления, наоборот, находятся в полном упадке. Правительствующий Сенат, который и осуществлял их, ныне лишен не только власти, но даже содержания. Делами губерний Сенат сейчас заниматься не может, а Совет не желает, и поэтому каждый губернатор вертит дела как хочет. Такое положение нетерпимо, оно ослабляет державу. Генерал-прокурора в Сенате нет уже третий год, а обер-прокурором сидит Матвей Воейков, которого и собственная-то жена ни в грош не ставит, не говоря уж обо всех прочих. В результате никакого надзора за исполнением законов нет. Сие есть разрушение всего, что было создано твоим великим дедом, и более я ничего сказать не могу.

– И не надо, – кивнул Новицкий. – Для начала я, пожалуй, внесу ясность в вопрос устройства власти Российской империи. Так вот, здесь ничего не изменилось. Как и прежде, ее главой является император. Но сейчас, в силу его несовершеннолетия, опеку над ним осуществляет Верховный тайный совет. Председатель которого сейчас перед вами, это всем известный генерал-аншеф граф Миних. Мы с ним считаем, что он обладает достаточными полномочиями для восстановления должности генерал-прокурора Сената и назначения на нее тебя, Павел Иванович. Послезавтра жду письменного доклада о первоочередных делах, с коих ты начнешь свою службу в этой должности. И чего тебе не хватает для ее успешного исполнения. Вопросы есть?

– Так точно. Почему человек, сумевший отлично организовать полицию Санкт-Петербурга, до сих пор находится в ссылке, отправленный туда Меньшиковым? Я говорю о

бывшем генерал-полицмейстере Антоне Мануиловиче Девиере.

– Наверное, потому что он был против моего восшествия на престол, – пожал плечами Новицкий.

– Сие есть лживый навет на него, государь, – твердо сказал Ягужинский. – Он не хотел допустить узурпации власти светлейшим князем, за что и поплатился. Против тебя же Девиер никогда ничего не умышлял.

Сергей глянул на Миниха. Тот сидел с довольно кислой физиономией, но вступать в беседу не спешил. А это означало, что мнения, которое он готов отстаивать, по данному вопросу у него нет.

– Значит, на тебе, Павел Иванович, еще и возвращение из ссылки Девиера, – подвел итог молодой царь. – Не тяни с этим, надо успеть до августа, пока я еще буду в Петербурге. А теперь мне хотелось бы услышать, в каком состоянии сейчас находится российский флот.

Вообще-то Новицкий не ожидал иного ответа, кроме как «в плачевном». Про это ему много раз говорил Миних, да и краткая речь Ягужинского тоже настраивала на соответствующий лад. И Гаврила Меньшиков, который не родственник бывшего хозяина дворца, не обманул ожиданий. К чести его, он был краток.

Император в очередной раз узнал, что из тридцати с лишним линейных кораблей, числящихся в списках Балтийского флота, в удовлетворительном состоянии находятся шесть, в хорошем – один, а отличным нельзя признать вообще ни одного. Остальные же существуют просто потому, что Адмиралтейская коллегия никак не удосужится выделить средства на их разборку. Плаваний не производится, среди старых матросов падает дисциплина, а новые ничему не могут научиться.

– Поэтому даже в отношении лучшего корабля я не могу обещать, что, случись такая надобность, он дойдет хотя бы до Ревеля, – закончил речь кораблестроитель.

Сергей знал, какое судно имеется в виду, но все же спросил название у Меньшикова.

– «Петр Первый и Второй», – был ответ. Действительно, трехпалубный линейный корабль о ста пушках назывался именно так.

– Странное название, – хмыкнул царь. – Кто-нибудь может привести еще один пример, когда корабль назывался бы именем не почившего, а благополучно царствующего монарха?

– «Рояль Луи» и «Ле Солиель Рояль» были названы в честь французского короля Людовика Четырнадцатого, государь, – блеснул эрудицией Меньшиков.

– Так ведь в честь же, а не его именем, это все-таки разные вещи. Да и не совершил я еще ничего такого, чтобы в честь меня корабли называть. Поэтому предлагаю сократить название. Пусть это будет «Петр Первый», а Второй пока так обойдется. Возражений нет? Тогда, господа кораблестроители, подготовьте церемонию переименования – я буду на ней присутствовать. И, наконец, остался еще один не до конца проясненный вопрос. Господин Земцов, твоих речей я еще не слышал. Так что жалуйся, теперь очередь дошла до тебя.

Однако архитектор не воспользовался любезным предложением императора. Его больше интересовало, что теперь будет со столицей – останется она в Москве или вернется Санкт-Петербург?

У Новицкого уже появились кое-какие мысли, и он поделился ими с присутствующими.

– Окончательно пока ничего не решено, такие дела не след вершить с наскока. А думаю я так. Россия исстари была сухопутной страной, и лишь недавно стала еще и морской. Опять же подобных ей по размеру государств сейчас нет. Поэтому не вижу ничего особенного в том, что столиц станет две. Все учреждения, имеющие отношение к морским путям, будут располагаться в Петербурге. Коллегия иностранных дел – тоже, ведь отсюда ближе до Европы. Здесь же будет резиденция канцлера и Сената. А император будет жить в Москве, но приезжать в Петербург каждый год. И в Москве же останутся все сухопутные ведомства. Но, разумеется, пока еще ничего не решено, это я просто так, размышляю. И вы подумайте, если появятся какие предложения – выслушаю. Засим позвольте попрощаться. Мы уже засиделись, да и день выдался довольно насыщенный, а мне еще надо устраиваться на новом месте.

Глава 24

Если путь от Москвы до Питера молодой император воспринимал как каникулы, то сразу по приезду в северную столицу они кончились. Правда, по дням, а местами даже часам была расписана только первая неделя, но Сергей не имел никаких оснований подозревать, что дальше все пойдет как-то иначе. Хотя, конечно, он не отказывался от мысли как-нибудь выделить денек-другой и просто поваляться на пляже, но пока до этого было еще далеко.

На следующий после приезда день, то есть одиннадцатого мая, были запланированы визит в Академию наук и посещение Кронштадта. Кроме осмотра собственно острова, Миних пригласил царя в гости – ведь его дом стоял именно там.

Надо сказать, что про упомянутую академию Новицкий почти ничего не знал. Ведь в Центре ему преподавали не вообще историю, а только то, что могло пригодиться при выполнении задания или помешать ему. Например, он знал, за кого вышли замуж все три дочери Миниха, а также где сейчас находится и что делает его сын. А вот от академиков, видимо, не ожидалось ни вреда, ни пользы, и сведения императора о них ограничивались всего тремя пунктами. Академия наук существует, ее в конце жизни учредил Петр Первый, и сидит она в Кунсткамере.

Однако практически сразу выяснилось, что полностью соответствует действительности только второй пункт. Потому как даже название Сергей знал не очень точно – официально оно звучало как «Санкт-Петербургская академия наук и курьезных художеств». И сидела она не в здании Кунсткамеры, которое, оказывается, до сих пор не было достроено, а рядом, в бывшем дворце царицы Прасковьи. Сообщил же Сергею об этом приехавший в Летний дворец его старый знакомый Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост, который, как выяснилось, был ее президентом. При виде этой фигуры Новицкому тут же захотелось немедленно учинить какое-нибудь курьезное художество, на основании чего потребовать приема в академики, но он сдержался и просто вежливо поздоровался.

В ответ Блюментрост осведомился о состоянии императорского здоровья. Молодой человек, усилием воли преодолев порыв ответить «не дождетесь», пояснил, что чувствует он себя великолепно, ни болеть, ни тем более умирать совершенно не собирается, чего желает и уважаемому Лаврентию Лаврентьевичу и просит проводить его в академию, а там объяснить, что к чему и зачем.

Так как до места было около километра, туда не пошли, а поехали – президент в открытой пароконной коляске, а царь с небольшой охраной – верхом.

Прибыв, Сергей первым делом оценил сам дворец. А ничего так, по размеру примерно с его Лефортовский, то есть почти трехэтажный. Почти – это потому, что вместо первого этажа тут был хоть и высокий, но все же полуподвал. Однако выглядел дворец даже хуже Меншиковского, расположенного неподалеку, и чуть ли не каждым своим кирпичом взывал о капремонте.

Понятно, подумал Новицкий. Похоже, после Петра Первого эта академия даром никому не нужна, и терпят ее исключительно по инерции и точно так же выделяют средства. Но движение по инерции может бесконечно продолжаться только в безвоздушном пространстве, а на грешной же земле быстро затухает, что мы здесь и видим.

Почему-то Блюментрост захотел первым делом показать коллекцию образцов, но Сергей сказал, что вообще-то ему более интересны люди, и попросил перечислить наличный состав академиков с кратким пояснением, кто чем занимается.

Уже на третьей фамилии император почувствовал, что теряет всякие остатки доверия к своему собеседнику. Потому как тот заявил, что Леонард Эйлер занимается какими-то непонятными вычислениями – кажется, имеющими отношение к астрологии.

«Сам ты к ней имеешь отношение, – мысленно фыркнул Сергей. – А Эйлер – выдающийся математик и астроном». Правда, чем именно он прославился, молодой император был не в курсе, но точно знал, что это научная звезда первой величины.

Потом президент дошел до Даниила Бернулли, который, оказывается, и пригласил Эйлера в Петербург, в чем сейчас раскаивается. Потому что даже жалование и то часто задерживается, а денег на научные исследования не выделяется вовсе.

«Ну и ни хрена же себе, – подумал царь. – Оказывается, и Бернулли сейчас тоже здесь!»

Дело было в том, что Новицкий знал, чем он вписал свое имя в историю: кинетической теорией газов. И законом имени себя, из коего следовало, что с увеличением скорости потока газа или жидкости давление в нем уменьшается. На этом принципе работает карбюратор, а уж его-то устройство в свое время детально изучалось в Центре.

– Значит, недостаток средств... – протянул император, останавливаясь посреди пыльного коридора второго этажа. – Печально. Но хотелось бы знать, когда и куда вы лично, как президент оной академии, писали об этом?

– Э-э, – замялся Блюментрост, – я, как только приехал в Москву для лечения вашего величества, тут же поставил господина вице-канцлера в известность о бедственном положении академии. Но, кажется, его сиятельство в это время был занят чем-то другим.

– Дорогой Лаврентий Лаврентьевич, – вздохнул Сергей и доверительно положил руку на плечо собеседнику. – Мне почему-то представляется, что вас тяготит чисто административная работа. Да и негоже медику вашего уровня тратить силы на какое-то крючкотворство. Наверное, вам и самому хочется уделять больше внимания врачебной практике, и я вас в этом прекрасно понимаю. Может, временно оставите академические дела на заместителя, а сами посетите Москву? Там, по-моему, Василий Владимирович Долгоруков нуждается в вашей помощи, да и Михаил Михайлович Голицын тоже как-то не очень хорошо выглядит. А насчет академиков... передайте, пожалуйста, господам Эйлеру и Бернулли, что послезавтра в Летнем дворце в их честь будет дан торжественный обед. С кем придет туда каждый из них – это его дело, у меня заранее нет никаких возражений. Текущий же визит я, пожалуй, на этом прерву. Ах да, чуть не забыл – если все-таки соберетесь в Москву, то Остермана там лечить не надо, мне он еще пригодится.

В Кронштадт император отправился в компании не только Миниха, но и цесаревны. Генерал-аншеф сказал, что его молодой жене будет интересно познакомиться с Елизаветой, и Сергей пригласил свою тетку, а та согласилась.

Высоких гостей доставила на остров царская яхта «Принцесса Анна». Вообще-то Новицкий не был особо силен в морских вопросах, специального курса ему не читали, так что все его знания в этой области были приобретены в результате нескольких часов поиска в интернете. Так вот, при слове «яхта» молодому человеку представлялась либо небольшая лодка с высоким косым парусом – он пару раз видел такие на Химкинском водохранилище. Либо существенно большая по размерам посудина, на которой плавал Абрамович.

«Принцесса» оказалась как раз посередине между этими крайностями. Назвать ее совсем уж маленькой было никак нельзя – в длину метров двадцать пять, в ширину примерно шесть, над водой выступает метра на два, а в кормовой части и вообще на три с хвостиком. То есть по размеру она, многократно превосходя химкинские лодочки, до яхты приличного олигарха все-таки недотягивала. Но зато могла с легкостью переплюнуть любую из них по внешней роскоши. Сергей и не предполагал, что на морском судне, которое, как пояснил Миних, ходило аж в Киль, может быть столько позолоты.

Царская каюта вообще показалась Новицкому выдающимся образцом бессмысленной и беспощадной растраты денег. Чего там только не было! Прорва всякой золотой и серебряной посуды, украшенной драгоценными камнями, в резном буфете. Мраморный камин. Картины с толстыми голыми тетками по стенам. Широкая двуспальная кровать под балдахином, при виде которой Елизавета игриво подмигнула.

– Не успеем, – вздохнул молодой царь, – мы и так уже проплыли почти полдороги. Пошли лучше на палубу, погода прекрасная, а я хочу посмотреть пушки.

Вообще-то на самом деле он хотел спросить у Миниха: а нельзя ли как-нибудь без особого шума загнать этот предмет ненужной роскоши? Вместе с камином, посудой,

картинами, кроватью и кружевным бельем на ней. И половину вырученных денег пустить на постройку небольшого парового корабля, а оставшейся половине найти какое-нибудь не менее практичное применение. Правда, глянув на Елизавету, которой яхта совершенно явно очень понравилась – настолько, что она уже выразила робкое желание отправиться на ней в какое-нибудь путешествие, – император на мгновение усомнился в правильности своего решения. Но потом встряхнулся и подошел к Миниху, стоящему на самом носу.

– А ведь у тебя, государь, есть еще три яхты подобного класса, – раскрыл Миних глаза царю. – Причем «Декроне», кажется, даже превосходит «Принцессу» по роскоши. Правда, она сейчас не в Петербурге, а в Ревеле.

– Вот и хорошо, что превосходит, значит, за нее дадут хоть немного, но больше. В общем, я надеюсь, что ты, как председатель Верховного тайного совета, одобришь такие мои действия. И убедишь этот твой Совет поддержать тебя в этом вопросе. А то за чей счет паровой корабль строить будем – за твой, что ли? Моего же точно не хватит.

– Продавать все четыре?

– Три. А одну подарить цесаревне.

– Самую лучшую? – ухмыльнулся Миних.

– Да, – твердо ответил император. – Именно лучшую. По соотношению качества и цены. То есть ту, за которую меньше всего дадут.

Дом Миниха находился у самой Петровской гавани, куда прибыла яхта. И был он не так чтобы совсем маленьким – во всяком случае, Летний дворец, где остановился Сергей, уступал ему в размерах раза в два с небольшим. Но до Зимнего, например, обиталище Миниха сильно недотягивало. Да и вообще рядом торчал какой-то здоровенный дворец, причем не очень запущенного вида, поэтому Новицкому стало интересно, чей он. Неужели опять Меншикова?

Оказалось, император почти прав. Домина был выстроен именно для светлейшего князя, но толком насладиться им тот не успел, будучи отправлен в ссылку. А хозяином дворца стала императорская фамилия, то есть в данный момент он, Петр Второй.

Узнав про это, молодой человек про себя вздохнул. Надо же, при ближайшем рассмотрении он оказался вовсе не так беден, как это представлялось поначалу! Эх, если бы только не дворцами, которые даже продать нельзя, а прямо сразу деньгами. А теперь на тебе – сиди, ищи применение этакой хоромине. Наверное, тут можно будет организовать что-то вроде нахимовского училища. Или просто поселить сюда, если оно уже есть.

Жена Миниха оказалась довольно миловидной дамой лет тридцати. Насколько Сергей был в курсе, генерал-аншеф женился на ней недавно, после того как два года назад умерла его первая супруга. Причем, что интересно, и этот брак был заключен по любви. Более того, когда в покинутой Сергеем истории Миних был отправлен в ссылку, жена добровольно отправилась за ним. Почти за сто лет до декабристок!

Но здесь, кажется, ей предстоит обойтись без таких подвигов. Хотя как знать – случись что с Новицким, и Миних как минимум тут же загремит далеко и надолго независимо от того, кто сядет на освободившийся трон.

После ужина жена Христофора Антоновича куда-то увела Елизавету, а у мужчин образовалось время побеседовать наедине. И Миних тут же поднял вопрос о двух столицах.

– Воля, конечно, твоя, государь, – развел он руками, – но не бывает в одной стране двух столиц, и все тут.

– Так ведь это только вопрос названия, – пояснил свою позицию Сергей. – Вот скажи, нужно ли переводить Адмиралтейство в Москву? Нет, нечего ему там делать. А чем занимается Священный Синод в Санкт-Петербурге? Этот город никак не отнесешь к религиозным центрам, и мне кажется, что и дальше так будет. Просто, раз уж Питер все равно называют северной столицей, я хочу закрепить это на бумаге, вот и все. Для добавления городу престижа, а то он действительно выглядит каким-то не очень процветающим. Учреждения же в любом случае будут находиться там, где смогут

наилучшим образом выполнять свою работу.

Под конец беседы Миних поинтересовался, как императору понравились образцы всяких редкостей в академии. Сергей уже совсем было собрался ответить, что никак, потому как он их не видел и не особо о том жалеет, но тут генерал-аншеф упомянул о Янтарном кабинете.

Это какой такой кабинет, с удивлением подумал Новицкий, но почти сразу сообразил. Наверняка имеется в виду знаменитая Янтарная комната! Которую в войну уперли немцы, а отдавать совершенно не собираются. Все правильно, ее же подарил Петру Первому какой-то прибалтийский не то герцог, не то курфюрст. А в виде комнаты подарок был оформлен заметно позже – не то при Елизавете, не то вовсе при Екатерине Второй.

Да, с раскаянием подумал молодой царь. Вот они, прискорбные плоды необразованности! Ведь про те самые экспонаты он до сих пор знал только то, что среди них есть заспиртованный двухголовый младенец. Понятное дело, что ни малейшего желания смотреть на такую гадость у него не появилось. А там, оказывается, кроме него еще и Янтарная комната есть. Правда, пока в виде кучи, а не комнаты.

К чести Новицкого надо сказать, что мысли продать такую редкую и дорогую вещь у него даже не мелькнуло. Во-первых, это просто неудобно – подарок же! А во-вторых, это не просто так подарок, но и общенародное достояние, поэтому с ним надо обращаться особенно бережно.

«Вот ведь, блин, – подумал Сергей, – до чего же это вредная работа – быть императором! И сижу-то я в этой должности неполные полгода, а государственные мысли в башку уже так и лезут, причем эта далеко не первая. Да простому ученику девятого класса московской школы, коим я был всего два года назад, такие слова, как «общенародное достояние», и в голову не пришли бы!

Однако с комнатой все равно надо что-то делать, решил он. Неплохо бы перевезти ее в какое-нибудь хорошо охраняемое место. А какое самое-самое в России? Разумеется, Кремль! Только верховников оттуда убрать, потому как рожи у них запредельной бескорыстностью не отличаются, и можно перевозить комнату.

Стоп, одернул себя Новицкий. Если история здесь пойдет так, как шла там, то в двенадцатом году в Москву войдет Наполеон! И тут же прикарманит комнату, это к гадалке не ходи. Так, может, оставить ее в Питере?

Тоже не выход, вынужден был вскоре признать молодой человек. Наполеона все равно потом разгромят, и можно будет вернуть драгоценности, потому как насчет спрятать украденное император французов был не очень, до немцев ему в этом вопросе далеко. И значит, останется Янтарная комната в России. В советские времена, наверное, туда будут водить экскурсии трудящихся. А потом наступит торжество демократии, и комнату разворуют свои же! Ибо демократы способны украсть гораздо больше, чем простая комната из янтаря, история это показала однозначно. Так что же, сейчас вообще ничего нельзя сделать?

Можно, решил Новицкий. Надо, чтобы Россия стала не просто великой страной, на троне которой будет приятно сидеть, но и приобрела запас прочности на будущее. Тогда, если он получится достаточным, и Наполеону не видать Москвы, как своих ушей, и Гитлера тоже ждет облом. Всякие же демократы будут по мелочи подворовывать где-нибудь в Швейцарии или Штатах, где они окажутся, сбежав из России. А в Янтарную комнату станут ходить экскурсии.

От мыслей о далеком будущем Сергея отвлекли вернувшиеся дамы. Оказалось, что уже довольно поздно и пора ложиться спать. Разумеется, Сергею и Елизавете были предоставлены отдельные комнаты, причем не по одной, а по две каждому. И, что тоже разумелось само собой, дальние из них, то есть спальни, были смежными.

Пожелав чете Минихов спокойной ночи, император с цесаревной отправились к месту

своего ночлега.

Глава 25

Первый месяц в Санкт-Петербурге пролетел незаметно, потому что был до упора заполнен всякими делами, не меньше половины из которых к тому же оказались срочными. Миних трудолюбиво и настойчиво таскал императора по городу, показывая, где что идет не так, и предлагая, как это можно исправить. Правда, он быстро заметил, что возможных реакций со стороны царя может быть всего две. Или Петр кивал, иногда просил дополнительных сведений, несколько раз даже записывал что-то в тетради, которую носил с собой. Потом говорил, что здесь надо подумать, и не принимал никаких решений. Или он сразу со всем соглашался, после чего предлагал Христофору Антоновичу самому этим и заняться. Как раз к концу мая генерал-аншеф понял: если он впредь будет продолжать подобную политику, то своими руками погребет себя под такой кучей дел, с коими ему не разобраться и за несколько лет. После чего сам, по своей инициативе подвел к Петру Ягужинского и объяснил, что сей достойный муж не хуже него знает, что в Петербурге пошло наперекосяк после смерти Петра Великого, и сможет это показать государю. А он, Миних, вместе с кораблестроителем Гаврилой Меньшиковым хотел бы приступить к постройке корпуса парового судна, потому что в таком важном деле нельзя терять времени.

Сергей согласился, ничем не показав, что не только ожидал именно такого результата, но и в значительной мере сам его подготовил. Потому как императору очень не нравилось положение дел, при котором у него из важнейших вещей если что и было, то в единственном экземпляре. Возьмем, например, самолет. Ведь в нем абсолютно все системы управления имеют резервные цепи! А наиболее важные – и не по одной. Значит, и в порядочном государстве тоже должно быть так, ведь управлять им не проще, чем упомянутым самолетом, а отказ какой-нибудь цепи управления может привести к куда более катастрофическим последствиям.

Но пока – увы.

Человек, которого можно назвать хоть правой рукой, хоть первым министром, всего один. Это Миних. Но ведь рук у человека две, и Новицкий, например, левой писал ничуть не хуже, чем правой. Стрелял с обеих рук одинаково, да и многие работы, особенно тонкие, предпочитал выполнять именно левой рукой. Так получилось из-за того, что от рождения он был левшой, а в школе из него старательно делали правшу. И сейчас всего с одним ближайшим помощником он чувствовал себя одноруким.

Верное воинское подразделение, осуществляющее охрану царской особы, единственное. Вот уж здесь не надо быть семи пядей во лбу для понимания, чем это грозит.

Секретная служба тоже пребывала в гордом одиночестве. Нет, конечно, тут грех жаловаться – за столь короткое время многого не успеешь, и это еще повезло, что удалось организовать хоть одну. Но останавливаться тоже не следует – бабка, без сомнения, очень ценный кадр, но за ней тоже нужен присмотр. Именно из подобных соображений Новицкий сразу согласился вернуть из ссылки бывшего генерал-полицмейстера Девиера. Однако выяснилось, что того законопатили аж в Охотск, и ожидать его появления следует не раньше, чем через полтора года. В принципе, конечно, можно и подождать, но при этом не прекращая поиска кандидатур на роль создателя второй секретной службы. Это такое дело, запас в котором никогда не помешает.

Тут молодого человека посетила мысль, что еще одно важное направление до сих пор остается не продублированным. Ведь он, в конце концов, император, а не хрен собачий. И сколько у него любовниц? Ровно одна! А если она вдруг вздумает как-то использовать свое положение в антигосударственных целях? Или просто начнет капать на мозги в смысле продвинуть вверх кого-то из своего окружения.

Нет, решил Новицкий, в ближайшее время здесь оставим все как есть. В конце концов, Елизавета пока не дает никаких поводов упрекнуть себя ни в чем. И значит, можно не

торопиться искать еще кого-то, потому как полно гораздо более важных дел. Да и вообще в глубине души молодой человек считал, что это будет совершенно ненужный разврат.

Про Павла Ивановича Ягужинского Сергей знал не так уж и мало. В изучаемой им истории этот персонаж сразу после смерти Петра Второго попытался примкнуть к верховникам, но что-то там у них не срослось, и Ягужинский стал одним из вдохновителей Анны Иоанновны, благодаря которым она решилась прилюдно порвать ограничивающие ее власть «кондиции». Здесь он сразу после выздоровления Петра получил от Остермана приказ немедленно убираться из Москвы в Питер и вынужден был его выполнить.

Получив доступ к царю, он повел себя совсем не так, как Миних. Павел Иванович не таскал Новицкого по верфям, мастерским и недоделанным каналам, показывая, что тут идет не так. Нет, Ягужинский приезжал в Летний дворец и вел с царем беседы о том, почему после смерти его деда все начало потихоньку разваливаться. Казалось бы, он предлагал бороться именно с причинами, а не со следствиями, как Миних, но уже после второй беседы у Сергея появилось подозрение, что это тоже не так. Генерал-прокурор, как и генерал-аншеф, предлагал всего лишь исправить отдельные недостатки, только в системе отдачи приказов, а не их исполнения. Поэтому в начале третьего визита гостю было сказано:

– Павел Иванович, давай начнем с того, какие цели имел в виду мой великий дед, создавая Правительствующий Сенат. Насколько я понял, этот орган должен был осуществлять верховную власть в отсутствие государя, а также в тех случаях, когда он присутствует, но занят чем-то, что не позволяет ему тратить много времени на текущие дела. А генерал-прокурор должен следить, чтобы оный Сенат, управляя Россией, оставался в рамках утвержденных императором законов. Так?

– Именно так, государь.

– Получалось ли это у Сената при жизни Петра Великого? Насколько я знаю, да. Так почему же сразу после его смерти все пошло наперекосяк? Ведь если подумать, то смерть тоже есть вариант отсутствия, только окончательный. Так вот, мне хотелось бы понять: произошло это оттого, что Сенат имеет какие-то внутренние недостатки, не позволяющие ему работать самостоятельно? Или причиной явились какие-то внешние причины – например, распоряжения лиц, стоящих во власти над ним. Это, по-моему, только император, и больше никто. Кто подписал указ о том, что Верховный тайный совет стоит выше Сената?

– Меншиков, Головкин и Апраксин, государь.

– Ага, то есть люди, в тот момент бывшие и сенаторами, и верховниками. Отсюда первый вывод: должность сенатора нельзя совмещать ни с какой другой. Смотрим дальше. Как Совет смог ограничить власть Сената?

– Многими способами, государь. Главный из них – денежный. Средства на дела, кои Совет считал вторжением в область своих полномочий, не выделялись вовсе.

– То, что они там все жадины, мне и без тебя известно. Но опять задаю вопрос: какой пункт какого документа о Сенате наиболее способствовал его теперешнему бедственному положению? Не знаешь? Я тоже не знаю этого точно, но могу предполагать. Это указ Петра Великого о том, что жаловаться царю на Сенат запрещено, а наказанием за это является смертная казнь. Вместо того чтобы разъяснить государю всю пагубность такой постановки вопроса, все сенаторы были вне себя от радости! И ты тоже, между прочим. А результатом явилось то, что почти все подчиненные Сенату коллегии с радостью восприняли поползновения Совета на то, что выполнять теперь надо именно его распоряжения. Потому что если вдруг встает выбор между таким начальством, жаловаться на которое нельзя, и таким, где это позволено, то при малейшей возможности люди выберут второй вариант.

– Но, государь... так можно вообще бог знает до чего дойти! Ведь на самого-то царя жаловаться некому.

– Кроме Господа Бога, но определенный смысл в твоих словах есть. И следует из них вполне логичный вывод: царь в делах повседневного управления державой вообще принимать участия не должен, тогда и жаловаться станет не на что. Его задача – быть

высшим после Бога судьей. А руководство брать на себя только в каких-либо особых случаях. Великий голод, война или еще что-нибудь подобное. И мне представляется, что лично перед тобой, Павел Иванович, сейчас всего три пути. Первый – подумать и доказательно объяснить мне, в чем я не прав. Второй – ничего не объяснять, а тихо отойти в сторонку. Наконец, третий – всемерно помогать мне в осуществлении только что изложенного плана. В принципе вроде бы есть еще и четвертый путь – тайная борьба против меня, но его я не рассматриваю, не тот ты человек.

В последней фразе молодой император был совершенно искренен. И не потому что считал Ягужинского рыцарем без страха и упрека. Но вот что он не дурак – в этом у Новицкого сомнений не было. Поэтому какой смысл ставить перед ним вопрос, на который он все равно не пожелает ответить, даже если и будет что? Нет, это дело совсем других служб.

В результате Сергей закончил свою речь так:

– Сколько времени нужно тебе на раздумья?

– Я уже все обдумал, государь. Готов помочь всем, что в моих силах.

– Хорошо, тогда подъем авторитета Сената начнем с того, о чем я только что говорил. Восстановить тебя в генерал-прокурорах мы с Минихом смогли и сами, но злоупотреблять этим не следует. Значит, от Сената требуется подписанная всеми его членами бумага в Совет с просьбой отменить указ о запрете жалоб. Думаю, что ее там утвердят без особых возражений. Второй пункт – восстановление фискальной службы. Через неделю жду подробного доклада, что для этого надо сделать, в какие сроки, кто будет оной задачей заниматься и сколько денег потребуется для ее выполнения. Да, и последний вопрос на сегодня. В качестве примера ты упомянул о морских солдатах. Кто это вообще такие? Расскажи мне о них поподробнее.

В следующие пятнадцать минут молодой император узнал, что еще в одна тысяча семьсот пятом году Петр Первый создал специальный полк морской пехоты, сформированный не из рекрутов, а из чем-то уже проявивших себя солдат и унтер-офицеров, среди которых было много преображенцев и семеновцев. Этот полк хорошо показал себя в многочисленных абордажах, но по опыту боевых действий в двенадцатом году он был переформирован в пять батальонов. «Батальон вице-адмирала» предназначался для действий в составе абордажных команд авангарда, «батальон адмирала» действовал на кораблях кордебаталии¹.

Тут Новицкий чуть не переспросил «чего?», но решил воздержаться: зачем зря перебивать человека, тем более что точное значение впервые услышанного слова на смысл речи все равно не повлияет. А про кордебаталию потом можно будет спросить у Миниха. Потому как до сих пор Сергей знал только слово «кордебалет», но оно явно было из другой оперы. Ягужинский тем временем продолжал перечисление:

– «Батальон контр-адмирала» сражался в арьергарде. «Галерный батальон» – в составе гребного флота.

Да, подумал молодой император, с названиями тут явно перемудрили. Адмиралы почти одинаковые, недолго и забыть, какой из них кто, задачи же у батальонов совершенно разные! А чем там закончил Павел Иванович?

– И наконец, «адмиралтейский батальон», который нес караульную службу на верфях, причалах и прочих местах, имеющих отношение к флоту. Так вот, в настоящее время первые четыре батальона расформированы, а последний, адмиралтейский, влачит жалкое существование.

Ага, прикинул Новицкий, это как раз то, что мне надо. Бывшая элитная часть, в которой наверняка еще есть немало солдат, унтеров и офицеров с боевым опытом, ныне пребывающая в совершенно незаслуженном забвении. К тому же батальон – это

¹ Средняя часть строя эскадры. Грубо говоря, «центр».

сравнительно небольшое подразделение, которое не так накладно содержать. Со временем же можно будет развернуть его в полк, а то и в бригаду. Это окажется всяко проще, чем создавать такие части на пустом месте, а они точно понадобятся, в этом молодой император не сомневался. Поэтому предложил Ягужинскому:

– Павел Иванович, а ты не проводишь меня завтра туда, где этот батальон квартирует? Если, конечно, это не отвлечет тебя от доклада, про который мы говорили.

– Провожу, государь, – кивнул генерал-прокурор, – ибо в том докладе надобно не много писать, а хорошо думать перед написанием. Сему же небольшая прогулка никак не помешает.

Похоже, вопрос со второй верной частью тоже скоро решится, подумал Сергей. И тогда можно будет позволить себе отдохнуть недельку, а то и полторы, тем более что погода стоит просто великолепная, а Елизавета уже в который раз напоминает про обещание погостить в ее имении Сарском. Даже начала что-то говорить про охоту, но, видимо, вспомнила про ангельский наказ, поэтому дальше напирала просто на красоты природы.

Однако перед отдыхом следовало разобраться еще с одним небольшим делом – дворцами. Сергей помнил, что в Петербурге их много и заметная часть принадлежит императорской фамилии, учитывая, что в ее ведение перешли и дворцы Меншикова, а их у светлейшего князя было более чем достаточно.

Начал Новицкий с тех, что располагались на морском берегу, и почти сразу нарвался на сюрприз. Оказывается, неподалеку, в Стрельне, находился дворец, который начали строить как царскую загородную резиденцию. Но потом, убедившись в невозможности устройства здесь задуманных фонтанов, Петр Первый перенес стройку в Петергоф, а почти достроенный стрелнинский дворец подарил Елизавете. Вот куда надо ехать, а вовсе не в село Сарское, которое в том мире при Елизавете стало Царским Селом, а потом, уже во времена СССР, городом Пушкином. Так вот, туда молодого царя совершенно не тянуло. В предыдущей жизни нормально отдохнуть ему довелось всего один раз в Коктебеле, а всякие выезды на природу могли считаться отдыхом только условно. Это было либо копанье в огороде, пока не умерла бабушка, либо походы по программе основ выживания в Центре. Да и в городе имени великого поэта Сергей уже один раз бывал. Правда, не в Пушкине, а в Пушкино, что по Ярославской дороге, но большой разницы Новицкий не видел. Один черт – ни там, ни там нет моря!

Однако заранее сказать Елизавете о смене места предполагаемого отдыха молодой император банально забыл и спохватился только за день до выезда.

– Но как же так, – растерялась цесаревна, – я ведь совершенно не знаю, в каком состоянии этот дворец. Может, в нем вообще нельзя жить.

– Это как нельзя – надо сразу пойти и утопиться, что ли? Стены там точно есть, крыша тоже, а погода стоит такая, что они не больно-то и нужны. В крайнем случае палатку поставим прямо на берегу моря.

В общем, в Стрельну сразу отправились тридцать человек при двух подводах, дабы хоть как-то подготовить дворец к приезду высоких гостей, а Сергей с Елизаветой выехали туда на следующий день.

Дворец оказался вполне пригодным для жизни, левое крыло его было уже полностью готово, а в центре и справа шли отделочные работы. Давно шли, отметил Новицкий, как минимум года три тут уже ничто никуда не идет.

Вечером молодые люди сходили к морю. Тут имелся отличный песчаный пляж, и Сергей сказал, что завтра он здесь будет загорать, причем не против, чтобы Елизавета составила ему компанию. Цесаревна изумилась, но император пояснил, что знаменитый целитель Шенда Кристодемус недавно доказал: загар очень полезен для здоровья, и он, Петр, не видит причин ему не верить.

Однако позагорать на следующий день не удалось, и даже толком выспаться тоже. С самого утра прискакал курьер на взмыленной лошади и сообщил, что ночью на имение

Сарское напали разбойники. От дома остался только остов первого этажа, а второй сгорел весь, потому что был деревянным.

Первым порывом Сергея было немедленно скакать туда, но жизнь давно научила его не очень доверять этим самым первым порывам, поэтому молодой император ненадолго задумался. Ведь если это не простое нападение, то каких действий его организаторы могут ожидать от царя, если знают или просто догадываются, что в момент пожара его в Сарском не было? Правильно – что он, наспех одевшись, сломя голову поскачет туда, где кто-то осмелился спалить дом его любовницы. По довольно безлюдным местам, в которых устроить засаду – плевое дело. Нет уж, решил император, перекладывая наган из треугольной кобуры, якобы предназначенной для печати, за пазуху. Мы на всякий случай пойдет другим путем.

Глава 26

«Другой путь» отличался от прямого тем, что проходил через Санкт-Петербург. А по кратчайшей дороге в Сарское отправились два егеря в сопровождении десятка морских пехотинцев из адмиралтейского батальона. Их задачей было внимательно исследовать все места возможных засад, а также опросить местное население на предмет появления в округе подозрительных лиц. Елизавета тоже хотела отправиться с этим отрядом, но царь ее не пустил. А вообще, конечно, цесаревна была очень расстроена происшедшим. Настолько, что Сергей обещал немедленно написать письмо в Совет с просьбой выделить средства как на достройку дворца и парка в Стрельне, так и на восстановление особняка в Сарском.

Прибыв в северную столицу, император ознакомился с подробным описанием нападения, данным управляющим, который вовремя сориентировался и успел сбежать. После чего никаких сомнений в том, что являлось целью нападения, у Новицкого не осталось. Особняк хотели не разграбить, а именно сжечь. По пытающимся покинуть горящее здание стреляли, причем стрелков было не меньше трех.

«Опять кому-то нейдет, – грустно подумал молодой царь. – Ведь все равно же докопаюсь, кому именно! Может быть, и не сразу, но мне торопиться некуда. Зато потом организаторам этого дела станет очень нехорошо. Но если судить по тому, что уже известно, то кто это может быть?»

После недолгих размышлений Сергей признал, что Елизавета тут скорее всего ни при чем, и ее неразлучная Мавра тоже. Обе еще за полтора дня до отъезда знали, что император изменил планы и направляется не в Сарское, а в Стрельну. Действия же нападавших показывали: они явно считали, что их цель находится в подожженном доме. Ягужинский? Вообще-то у него были возможности прибить Новицкого и более простыми методами. Правда, отдельно от цесаревны, это тоже следует учитывать. Но все равно вряд ли. Неизвестно, знал ли Павел Иванович об изменениях в планах царя, но то, что при желании он о них мог узнать сразу, сомнений не вызывает. И вообще столь замедленная передача информации исполнителям указывает, что руководство данной операцией осуществлялось не из Питера. Значит, из Москвы – ведь не из какой же нибудь деревни Гадюкино! Или из Риги, где сидит курляндская герцогиня Анна Иоанновна, в случае смерти Петра и Елизаветы имеющая шанс попасть на российский престол. Однако даже если она тут замешана, то нити все равно идут в Москву, без поддержки оттуда ей один черт императрицей не стать, она это наверняка понимает. Значит, опять Верховный тайный совет. Заколебали, уроды! Прямых доказательств нет, но ведь расследование еще толком и не начиналось. Ладно, пусть пока Христофор Антонович побегаёт по лесам – ведь сразу после получения известия о нападении он во главе сборной команды численностью примерно в роту отправился к месту событий, с надеждой поймать кого-нибудь по горячим следам. Может, действительно поймает, он мужик упорный.

«А мне, – продолжал свои рассуждения Новицкий, – пора подумать, что за несчастный случай скоро постигнет Совет в полном составе». За исключением председателя, который после этого прискорбного события наберет туда новый состав. Наверное, в Золотой палате

как раз во время очередного заседания взорвется бочонок с порохом. Могут остаться живые, но это только если в тот бочонок не добавит железных обрезков. Откуда он там возьмется? Да мало ли, вдруг его забыли в темном уголке еще при царе Алексее Тишайшем. Вот только надо решить: будет Остерман присутствовать на том заседании или нет? Пожалуй, что будет, вздохнул царь. Ведь даже если он напрямую не участвовал в заговоре, то не знать о нем никак не мог – не такой это человек, чтобы пропустить подобное прямо у себя под носом. Однако ничего не сообщил, чем и заработал свою судьбу. Хотя... пожалуй, подождем еще денек. Если за это время прискачет гонец из Москвы с сообщением о коварных планах, кои его отправитель хотел предотвратить, но не успел, то тогда все ясно. Именно пославший гонца и есть главный гад. Потому что при таком раскладе остальные члены Совета окажутся цареубийцами, а этот сможет начать орать, что он с рождения был рыцарем без страха и упрека.

И конечно, следует немедленно послать курьера к бабке Настасье.

Гонец из Москвы прибыл поздним вечером этого же дня. Выслушав его и забрав привезенный им пакет, император подошел к зеркалу, дабы окончательно убедиться в том, что оттуда на него посмотрит законченный идиот. Потому как только покинувшего царскую приемную курьера послал в путь вовсе не Остерман. И не любой из Долгоруковых, не Голицын и даже не Головкин. Инициативу проявил Лесток, приехавший в Москву в свите Елизаветы, но не приглашенный императором в Петербург. Ибо видеть этого лощеного хлыща рядом со своей Лизой у Новицкого не было ни малейшего желания. Однако что он там пишет?

По прочтении письма никаких сомнений у императора не осталось. Лесток сообщал, что Михаил Голицын с Василием Долгоруковым ведут подозрительные речи в Преображенском полку. Кроме того, Голицын уже несколько раз неизвестно зачем посылал гонцов в Санкт-Петербург, причем в последний раз – с большими деньгами. А недавно, крепко напившись, при дворе кричал, что царь Петр – неумный мальчишка, на которого давно пора найти управу.

Скотина этот Лесток, подвел итог император. Потому что если бы в Преображенском полку происходило что-то хоть отдаленно похожее, то давно бы у меня про это лежали два независимых доклада – один от бабки, другой от Павшина. А с фельдмаршалом Голицыным этот немецко-французский интриган и вовсе сел в лужу. У старика большая печень, которая сведет его в могилу в конце этого года, и он вообще не пьет ни грамма. Эх, Миниху надо было отправляться не в Сарское, а на московский тракт, ловить там гонцов. Ведь этот Лесток, получив известие о провале своей миссии, вполне способен сбежать. Хотя, может, еще не поздно? Да и не факт, что он сразу куда-нибудь намылится. Ведь козел считает, что император, пусть даже и выживший, должен быть благодарен ему за донос. Ловля же курьеров на одной из самых оживленных дорог империи может вызвать ненужный ажиотаж. Так что урода лучше потихоньку арестовать, и все. Кому это поручить – Миниху, Ягужинскому или еще кому-нибудь?

Но тут Новицкого что-то знакомо кольнуло. Опять он пропустил какой-то факт! И значит, надо садиться и вдумчиво соображать, пока впечатления еще свежи. Итак, сначала он подумал про арест, и тут вроде ничто не шевельнулось. Затем вспомнил Миниха, а потом...

Вот оно, облегченно вздохнул молодой император. Когда в Центре ему рассказывали про Лестока, то упомянули, что тот был дружен с Ягужинским на почве совместных пьянок и походов по бабам. Причем как-то раз Павлу Ивановичу даже пришлось отмазывать своего приятеля от нешуточных неприятностей, происшедших из-за того, что тот переспал с дочерью кого-то из приближенных Петра Первого. Кстати, так и не отмазал, и отправился Лесток в ссылку, откуда был возвращен уже при Екатерине.

Значит, в любом случае Ягужинскому поручать его арест нельзя, сделал первый вывод Новицкий. Следующий же состоял в том, что этим вечером он, император, соображает даже хуже, чем утром. Ягужинский с Минихом в Питере, а Лесток в Москве! Где в скромном доме

на краю Дорогомиловской ямской слободы давно живет добрая старушка по имени Анастасия Ивановна. И если уж она не найдет, кому поручить незаметно украсть далеко не самую важную персону в городе, то Новицкому туда лучше вообще не возвращаться. А на первом же попавшемся корабле сбежать из императоров в Америку, где купить ферму и заняться выращиванием кукурузы. Или для этого тоже нужны мозги?

Итак, садимся писать письмо бабке, закруглил размышления молодой царь. Туда вложим послание от Лестока, а от себя добавим, что оную фигуру нужно быстро, но незаметно поймать. После чего препроводить в Лефортовский дворец и сдать там под личную ответственность Афанасию. Для подобных дел в подвале уже два месяца как были оборудованы три обычные камеры и одна допросная, пока пустовавшие. Вот пусть мажордом и осваивает еще одну грань своих многочисленных обязанностей, в будущем наверняка пригодится. А бабка, кажется, говорила, что знакома с племянником знаменитого московского палача Емельяна Свежева. Впрочем, это не суть важно, племянник он будет или троюродный внук, лишь бы дело знал. В общем, Лесток должен быстро рассказать о своих планах и сообщниках – за это ответственной назначается сама Анастасия Ивановна.

К удивлению Сергея, бабка не очень торопилась с ответом. Император успел выслушать рапорт вернувшегося из лесов Миниха о том, что он никого не поймал и поэтому не верит, что в Сарском орудовали обычные разбойники – эти бы наверняка попались. А весточки из Москвы все не было. Прошла неделя, Миних вновь занялся паровым кораблем, а царь с цесаревной все-таки съездили на два дня в Стрельну, где в числе прочего позагорали. Вечером Елизавета пришла в ужас от того, как покраснела ее белая кожа, и Новицкому пришлось чуть ли не полночи убеждать бедную женщину в том, что такая краснота не опасна, она скоро сойдет, и на ее месте образуется очень красивый загар. И вообще он, Петр, любит свою Лизу вовсе не за цвет кожи.

По возвращении в Питер царь узнал, что из Совета пришел положительный ответ относительно финансирования адмиралтейского батальона и восстановления дома в Сарском, а вот насчет средств для окончания строительства дворца и парка в Стрельне императора вежливо просили немного обождать – мол, деньги обязательно будут, только чуть позже. К осени, например, или на самый крайний случай к зиме, но уж никак не позже следующего лета. «Осмелели там без нас с Христофором Антоновичем, гады, – подумал Сергей. – И когда же, в конце концов, придет письмо от бабки – не случилось ли с ней чего?»

Но вот наконец курьер, лично отправленный молодым царем в Москву, вернулся с ответом от Анастасии Ивановны. Велев караулу никого не пускать и на всякий случай заперев дверь кабинета изнутри, Новицкий приступил к чтению не такого уж короткого послания. Написано же там было вот что:

«Здравствуй, государь мой батюшка, на множество лет. Получила я твое повеление, и такое сотворила, что даже не ведаю, простишь ли ты меня, старую. Не стала я указанного тобой проходимца ловить да Афоне сдавать, хоть и не очень это трудное дело, а с недавних пор и вовсе совсем простое. Но ведь мелкий же сей Лесток человечешко, и никак он сам до такого злодейства додуматься не мог! Ибо нет ему в том никакой корысти, а без нее он и не чихнет зря. Я бы еще поняла, коли хотел бы оный змееныш уморить одного тебя, а Лизавету оставить, чтоб, значит, по восшествии на престол ее потом окрутить. Хотя все едино дурак, Лиза твоя девка ушла, на нее где сядешь, там и слезешь – это ты, ваше величество, небось и без моих подсказок заметил.

Но почему-то устроил дурной Лесток покушение сразу на вас обоих. И никак я не могу иначе мыслить, что это ему кто-то поручил, заплатив али посулив чего ценного. Конечно, у хорошего палача долго запираяться немец не будет, но ведь подрядивший его на дело наверняка поймет, что дело нечисто, и пустится в бег. Лови его потом, тем более что Лесток много способен наплести, а мы с его брехней разбираться будем. Да может он и не знать всего, считая, что до того-то и того-то он сам додумался, хотя это ему подсказали. Не один

на свете такой умелец, как мой Тихон, – чай, и другие есть. Или через посредников злыдня на дело подряжали, такое тоже может быть. Да, и по сему случаю сообщаю, что лейб-гвардии майор Шепелев и могижанская княгиня Василиса Чингачгукова только твоего приезда и ждут, дабы с высочайшего благословения чин-чином повенчаться. Совсем Степан Андреевич пить перестал, даже капли в рот не берет, просто любо-дорого смотреть. А Лесток теперь и шагу ступить не может, чтобы о том мне тут же не стало известно. Я ведь давно за ним присматриваю, он сразу после твоего отъезда забегал по Москве, как бешеной собакой в зад укушенный. И живет до сих пор в Ново-Преображенском дворце, куда ты его поселить изволил, в комнате как раз над той, где моя внучка Анюта обитает. И уже не раз со срамными предложениями к ней подкатывался, но я ей пока велела блюсти себя, пусть жеребец совсем голову потеряет. Значит, посмотрим мы за этим Лестоком, авось и поймем, по чьему наущению пустился он во все тяжкие. За сим я с тобой, ваше величество, прощаюсь до следующего письма и еще раз желаю тебе всяческого здравия.

К письму моему приложено два листа. На первом – список тех, с кем Лесток встречался, но нет в том ничего удивительного. На втором те люди, с которыми он вроде бы встречаться не должен, но почему-то сделал это. И наконец последнее. Прибыл недавно в Москву аглицкий посол Томас Ворд, по случаю того что страна его признала Россию империей, о чем скоро Совет подпишет бумагу. Так вот, обходит его Лесток десятой дорогой, хотя вполне мог бы и нанести визит, а то и не один».

«Вот так, – сокрушенно признался сам себе молодой император, – опять я чуть не сморозил глупость. Действительно, в любом случае за злоумышленником или вражеским агентом надо сначала последить, а уж потом его брать. И даже если он ухитрится сбежать, но перед этим через свои связи выведет на заказчика... Все равно это будет куда лучше, чем вариант, при котором Лесток расскажет в моем подвале все, что знает, но заказчик останется неизвестным, потому что он действовал не напрямую, а через посредников. Интересно, я в бабкины годы стану таким же умным, как она, или это от возраста не зависит?»

Ты до таких лет сначала доживи, напомнил себе Новицкий. После чего еще раз перечел письмо и бросил его в камин. Ибо оставлять бумагу, из которой ясно следовало, кто на самом деле есть известная московская сводница, не стоило. Мало ли к кому этот документ может попасть!

А вот приложения император сразу сжигать не стал, а, достав из секретера перо, чернильницу и большой лист бумаги, разделил его примерно пополам горизонтальной чертой и сел переписывать бабкины списки. Копии если кто и увидит, то никаких особо вредных выводов сделать не сможет – ведь они писаны царской рукой. Закончив эту тренировку в чистописании, император бросил в огонь оригиналы, подождал, пока они превратятся в пепел, после чего отпер дверь, вышел в приемную и сказал вскочившему при его появлении Нулину:

– Срочно пошли кого-нибудь разузнать, в Петербурге ли сейчас Миних. Если он здесь, то пусть едет сюда. Если же в Кронштадте, то приглашаю его на завтрашнее утро.

Генерал-аншеф нашелся быстро и вскоре он уже входил в кабинет. Император встретил его словами:

– Садись, Христофор Антонович, можешь кофию испить, тут и на тебя принесли. И послушай, что я тебе скажу. Давно, почти десять лет назад, Англия разорвала с нами дипломатические отношения, ибо не пожелала признать Россию империей, коей объявил ее Петр Великий. Это тебе ведомо?

– Да, государь, – кивнул Миних.

– Так и думал, но слушай дальше. Недавно там все-таки решили нас признать, и неделю назад в Москву прибыл английский посол с целью восстановления дипломатических отношений. Документ, сие подтверждающий, будет подписан Верховным тайным советом. Или уже подписан, точно не знаю. Тебе, как председателю Совета, об этом что-нибудь известно?

– Нет, государь, – хмуро покачал головой Миних.

– И меня, как императора, тоже не озаботились известить, я об этом сам узнал, причем случайно. Что делать будем?

– Когда соберешься в Москву, возьми с собой меня да половину морского батальона. Повесим их прилюдно, под барабанный бой. В батальоне том барабанщик есть, с коим ни один ни в Семеновском, ни в Преображенском полку не сравнится. А веревки хорошие я с собой захвачу, чтобы их по Москве не искать. И мыло французское, мне тут недавно его с оказией прислали. Послу же надо отправить письмо, где пояснить, что без наших с тобой подписей все его бумаги будут филькиной грамотой.

– По первому пункту я в общем-то согласен, хотя и тут есть нюансы. По-моему, сразу повесить надо кого-нибудь одного, самого бедного, а остальные пускай сначала деньгами поделятся. У них же небось как у Меншикова – половина по иностранным банкам распахана. И зачем на них хорошее мыло изводить? Жалко ведь. Писать же письмо послу я почитаю излишним.

– Почему, государь?

– По двум причинам. Первая состоит в том, что у нас появляется возможность в любой момент объявить дипломатические отношения недействительными, если в том вдруг возникнет надобность. А не возникнет – так и не объявлять. Вторая причина мне представляется еще более значимой. Ведь что хотел показать Совет своим поведением? Что император никакой власти не имеет, он здесь до совершеннолетия вообще никто. И что Миних – никакой не председатель, а шут гороховый, мнение которого значения не имеет. Вот пусть англичане до поры до времени так и думают! Ничего, кроме пользы, я в том не вижу.

Глава 27

В начале следующего дня Сергей в кои-то веки получил возможность убедиться, что утро вечера мудренее. Хотя, конечно, это смотря какое утро. Например, то, когда он выехал из Москвы, под данную поговорку никак не подходило. Собрался, блин. Почти ничего не забыл, кроме разве что самого главного. Ведь знал же, что с бабкой придется переписываться! Но почему-то даже ухом не повел. А ведь попади курьер, что вез вчерашнее письмо с приложением на двух листах, в чужие руки – и все. Любая собака могла узнать, кто есть на самом деле бабушка Настя при особе императора. И ее внучка при цесаревне за компанию. Ну не debil ли он после этого?

Может, еще и не совсем, успокоил себя Новицкий. Ведь спохватился же почти вовремя! И значит, надо прямо сейчас садиться и разрабатывать шифр для переписки.

Жалко, что в Центре ему не преподавали шифровального дела. Но программа и так была очень насыщенной, сроки на ее усвоение выделялись небольшие, а после решения, чье именно место займет в восемнадцатом веке Сергей, в нее добавилось еще несколько предметов. Поэтому приходилось основываться на знаниях, приобретенных помимо учебных программ. Было их не так чтобы много, а если честно – то совсем мало, и все они были почерпнуты из рассказа Конан Дойля о пляшущих человечках. Ладно, для здешних времен сойдет, подумал молодой человек и приступил к анализу.

Итак, почему Шерлоку Холмсу удалось так легко расколоть тот шифр? Одной из причин явно были пробелы между словами. Например, если очередное письмо начинается со слова из четырех букв, в котором первая и последняя одинаковые, а тетку, вокруг которой вертится все действие, зовут Илси, то можно предположить, что это обращение к ней. И значит, известны уже три буквы, ну и так далее. Итого первый вывод – пробелы надо убрать. Не писать слова неразрывно, а сделать отдельного человечка, обозначающего тот самый пробел, – как на клавиатуре.

Да, но причина раскрытия шифра была не только в разделении слов. Холмс подсчитал, какие человечки встречаются чаще всего, и предположил, что это самые ходовые буквы. Так

ведь их немного! И значит, каждая из них пусть обозначается двумя фигурками, а шифровальщик пусть применяет их по очереди.

Сергей потянулся к газете «Ведомости», потому что иной печатной продукции в его питерском кабинете не было. И вскоре пришел к выводу, что чаще всего попадают буквы «О», «Е», «С» и «Т», а еще чаще – пробел. Значит, ему выделим целых трех человечков, решил император.

К обеду работа была закончена. Новицкий успел составить азбуку, выкинув из исходной «и» с точкой, «ять», «фиту» и «ижицу». Потом молодой человек написал письмо, где разъяснил правила шифровки и дешифровки, а в конце – небольшое уже зашифрованное сообщение как пример. Запечатал все в конверт, сказал дежурному камердинеру, что можно подавать обед, а после него пригласить гонца, вчера прибывшего из Москвы.

В ожидании обеда Новицкий сел в кресло и откинулся на его спинку. Он испытывал какое-то странное чувство, причем сам не очень понимал какое именно, но мог точно сказать, что оно для него новое.

Да, так оно и было. Последнее время у молодого человека не появлялось повода для подобного чувства, скорее даже наоборот. Потому что его посетило гордое упоение могуществом своего разума. Правда, дальнейшие события показали, что несколько преждевременное...

Анастасия Ивановна получила пакет от императора через четыре дня после его отправки – гонец был хорошим. И, прочитав, покачала головой. Ох, и умен же государь! Жалко только, что не всегда, но такое вообще было бы чудом. Она ведь сама думала о том, как переписываться безопасно. Для этого в той среде, где ей часто приходилось обделявать дела, существовал особый тайный язык. Но, во-первых, его не так просто выучить. А во-вторых, знает его не один человек, не десять и даже, пожалуй, не сто. Царь же вон что придумал – тайные буквы! Да не простые, а такие, про которые и догадаешься-то не сразу, что это не ребячьи каракули. И как будто этого мало, некоторые из них еще и меняются. Пожалуй, такого действительно никто не сможет прочесть, кроме нее и государя.

Но бабка Настя никогда не достигла бы своего нынешнего положения, если бы хоть что-то принимала на веру просто так. И сейчас она задумалась: действительно ли никто не сможет? Или, если найдется кто-то головастый, осилит он это тайное письмо? Как бы проверить...

Тут Анастасия Ивановна вспомнила про одно давнее поручение императора, которое она, почитай, уже выполнила. Захотел царь такого человека, чтобы он считал огромные цифры, да быстро и без ошибок. Озадачила она тогда кого надо, и вскоре ей доложили – есть такой, у купца Иконникова служит. Не только складывает и вычитает, но даже умножает и делит, да так, что простому уму непостижимо. Раньше служил он в Бурмистерской палате, да надоел там всем своими заявлениями, что изобрел-де он новый способ счисления, доселе невиданный, и прибор, который позволит пользоваться оным способом любому дураку. Так он начальнику и сказал, юродивый! Тот, ясное дело, прибор его, из двух деревянных реек собранный да какой-то костяшкой скрепленный, о башку дурную изломал, а потом велел вытолкать сильно умного писаря на улицу пинками и больше сюда не пускать. Вот так Александр Тихонович Мятный и оказался у купца, где служил уже девятый год, больше никого осчастливить не порываясь. Был он человек тихий и уважительный во все дни, кроме третьего числа каждого месяца. В такой день он с утра напивался до изумления и начинал орать, что он гениальный математик, а все, кто вокруг, тупое быдло, неспособное этого понять. Поначалу на оные представления сбегалось чуть ли не по трети слободы, но потом народ привык, и теперь третьего числа к дому купца приходили только те, кому совсем уж делать нечего.

Дальше все было просто. Анастасия Ивановна помогла купцу выгодно сбавить замуж засидевшуюся в девках дочь и получила за это разрешение иногда пользоваться услугами математика. Бабка, конечно, тут же его проверила и убедилась, что считает он действительно

так, как человеку невозможно.

И вот теперь она решила, что если кто и сможет разгадать императорскую тайнопись, то это Сашка Мятный. Ежели ему это окажется не по силам, то тогда можно спокойно считать, что написанное пляшущими человечками не прочтет вообще никто.

Но что бы ему дать для разгадывания? Слово какое-нибудь, какое она знает, а он точно нет. Э, так не годится, ведь письма государю такими короткими быть не могут. Значит, Сашке надо написать обычное письмо, вставить туда особое слово и переписать это человечками.

Сначала Анастасия Ивановна написала текст обычными буквами:

«Господин Мятный, как прочтешь мое послание, так приходи ко мне и произнеси особое слово – «обезьяна». Да попроси двадцать рублей, только вежливо, я тебе их дам. А может, и поболее, если быстро справишься. За мной добрая работа не пропадет. Раба божья Анастасия из Дорогомиловской ямской слободы». Потом бабка переписала письмо тайнописью, на что с непривычки у нее ушел почти час. Кликнула мальчишку и велела бегом отнести это в дом купца Иконникова, писарю Мятному. На словах же передать, что просит она прочесть, чего там написано.

Александр Тихонович пришел на следующий день, да чуть ли не с самого утра. Снял шапку, поклонился бабке, которую сильно уважал, и почтительно молвил:

– Дай двадцать рублей, обезьяна.

Потом подумал и добавил:

– Пожалуйста.

Вздыхнув, Анастасия Ивановна отсчитала просимые двадцать монет, добавила еще пять и поинтересовалась:

– Что, совсем несложная была тайнопись – такую кто угодно разгадает?

– Средняя, – пожал плечами Мятный, – а то письмо, что ты мне отправила, только я и смог прочесть, у остальных на это соображения не хватит. Потому что написала ты кратко. Было бы там листа три – кто угодно разобрался бы.

– Так что же, чем короче письмо, тем труднее его разгадать?

– Истинная правда, уважаемая.

Чуть подумав, бабка спросила:

– Слышала я, что ты не просто считать горазд, а и вообще несравненный математик. Ныне же сама в том убедилась. И стало мне, старой, интересно: а можешь ли ты такую тайнопись придумать, чтобы ее никто и никогда разгадать не смог?

– Нет. И никто не сможет, разве что Господь Бог. Чем больше написано, тем проще разгадать. Чем сложнее тайнопись, тем больше на нее уйдет времени, вот и все.

– А чтобы, скажем, такой умник, как ты, письмо о пяти листах за месяц не осилил?

– Это можно, и даже не сильно трудно. Даже твои человечки подойдут, но только надо, чтобы каждую букву не один обозначал, не два и не три по очереди, а самое малое полтора десятка.

– Ой, это как же писать-то муторно будет – я ведь и с простыми совсем замаялась.

– Можно особую доску сделать, с ней и писать, и читать станет совсем просто.

Через полчаса с бабкиного двора выехали два возка. Один повез Мятного в Лефортовский дворец, а второй – Анастасию Ивановну на Ордынку, где жил купец Иконников. С ним следовало полюбовно договориться насчет того, что его писарь отныне переходит в императорское услужение. Потому как не оставлять же в чужом доме человека, знающего секрет царской переписки! Вообще-то, конечно, никуда бы купец не делся, явись к нему царский мажордом Афанасий Ершов при взводе семеновцев, – в такой малости майор Шепелев не отказал бы своей ненаглядной американской княгине. Но это означало раскрыть, что у скромной бабушки, живущей на краю Дорогомиловской слободы, возможности куда больше, чем это считают даже те, кто давно ее знает. Кроме того, при таком раскладе никаких добрых чувств к ней купец никак не затаил бы, скорее наоборот, что было

совершенно без надобности. И наконец, бабка считала, что прибыль, которая сама так и просится в карман, упускать ни к чему, а здесь был именно такой случай.

Купец встретил Анастасию Ивановну уважительно, даже напоил ее кяхтинским чаем, после чего услышал, что его счетовод понадобился аж самому царю. Мол, он давно искал такого человека, бабка про это случайно узнала и решила послужить его императорскому величеству.

– Ох, – вздохнул купец, – вот просто так взять и отдать? Разорюсь ведь, если начну раздавать свое даже таким людям, как ты, уважаемая. Разве же даром такие дела делаются?

– Да кто же про даром-то говорит, Сергей Порфирьевич! У меня такого отродясь заведено не было. Но и разорять до нитки тебя не буду, мне много не надо, двухсот рубликов вполне хватит.

Купец даже не сразу сообразил – ему, оказывается, не то что не дают денег за Мятного, но предлагают еще и доплатить. Сообразив же, изумился:

– Ты, никак, совсем из ума выжила, старая?

– Вот только потому что растерялся ты от великой милости, я тебя и прощаю, – поджала губы бабка. – Писарь-то твой самому императору нужен! А его величество добро никогда не забывает, точно тебе говорю. Я ведь с ним, как с тобой, цельных два раза встречи удостоилась!

Надо сказать, что лгать без пользы Анастасия Ивановна не любила и сейчас говорила чистую правду. Так, как с купцом, то есть за столом, да чтобы на нем еще и чай был, она сидела с царем всего два раза.

– И, значит, ежели про тебя кто близкий царю вовремя доложит, то обязательно его величество тебя пригласит, дабы сказать спасибо. А уж коли ты в таком разе не сообразишь, что царю подарить да о чем с ним поговорить после этого, то зачем тебе тогда деньги, этакому дурню?

– Ты, что ли, про меня царю слово скажешь? – не поверил купец.

– Нет, я-то не настолько к нему вхожа, но в сродственниках у меня знаешь кто? Сам Афанасий Ершов! Большой человек, он теперь не просто главный камердинер при царской особе, а целый мажордом. Уж он-то сообразит, что и когда шепнуть.

Иконников задумался. Про бабку говорили многое, но то, что слово она держит всегда, сомнению вроде не подвергалось.

– Так, значит, за сто пятьдесят рублей ты...

– Сто восемьдесят, милостивец. Да и то сейчас ты дашь мне всего двадцать пять – не для наживы, а порядка ради. Остальное – сразу после того, как с его императорским величеством побеседуешь.

Вечером следующего дня Анастасия Ивановна посетила Лефортовский дворец – посмотреть, как там Ершов устроил ее подопечного. И поинтересоваться, придумал ли тот уже новую тайнопись с доской или пока нет. Кроме того, следовало поговорить с мажордомом по поводу того, что скоро наступит третье июля, когда постоялец поведет себя несколько необычно.

Мятного устроили хорошо, в двух комнатах с мебелью на первом этаже, рядом со столярной мастерской, оборудованной по приказу императора. Чуть дальше была слесарная, но туда вообще никого, кроме Нартова, не пускали.

– Это кем же я в такой роскоши буду? – спросил Александр Тихонович, когда в его комнаты вошла посетительница.

– Главным императорским математиком, – последовал ответ, – если, конечно, дурью маяться не станешь. Но это вряд ли, ты муж с понятием, так что скажи мне лучше – как там твоя тайная доска?

– Заходи, покажу, – распахнул Мятный дверь, ведущую во вторую комнату. – Вот она.

Анастасия Ивановна увидела деревянный квадрат примерно десять на десять дюймов. На нем, прижатый двумя рейками, лежал разграфленный лист бумаги. В самом низу его

слева направо шли цифры от одного до тридцати, а слева сверху вниз шли буквы, причем уже без тех, что вычеркнул из алфавита царь. Там же располагалась круглая деревяшка, по которой могла ходить вверх-вниз тонкая горизонтальная планка. Точно такая же была под квадратом, ее планка торчала вверх. Все остальные клетки бумажного квадрата были заполнены человечками.

– Напиши мое имя, – попросила бабка.

– С превеликим удовольствием. Значит, первая буква в нем «аз». Ставим вот эту планку на цифру один, а вот эту – на букву. Нужный нам человечек находится на их пересечении. Вторая буква – «наш», ставим эту досточку на два, ту – на «наш», и смотрим фигурку. Потом идет снова «аз», но это уже третья буква, переводим на цифру три – видишь, буковка-то та же, а человечек другой!

– А читать как?

Вместо ответа Мятный показал еще один лист бумаги. Он был похож на тот, что лежал закрепленный в квадрате, только вместо букв там были человечки, а вместо человечков – буквы.

– Это набор номер один, для первого листа, – пояснил Александр Тихонович. – Вот второй номер. Ежели в письме будет второй лист, то пользоваться надо уже его. Вот третий. Больше не успел, я ведь обещал на пять листов, но к завтрашнему полудню точно сделаю.

– Ох, будь я раза в три помоложе, так и расцеловала бы, – восхищенно сказала бабка, уяснив, как обращаться с тайнописной доской. – Но раз уж годы мои не те, то прими, будь добр, пятьдесят рублей. Да сделай еще одну такую доску с наборами – не самой же себе мне письма писать.

Утром третьего июля Мятный проснулся рано. Так как место было новое, то он не знал, где тут раздобыть водки, однако был полон решимости немедленно выяснить это. Но никуда идти не пришлось. На столе стояла большая зеленая бутылка из мутного стекла, рядом – серебряная стопка, а все оставшееся место было уставлено закусками.

Да, потрясенно подумал Александр, это вам не купеческий дом, а императорский дворец.

И слегка дрожащими руками налил первую порцию.

Войдя в кондицию, Мятный, как и положено, возжаждал слушателей, для чего покинул комнату и двинулся по коридору, имея в виду выйти на улицу. Однако путь его проходил через большую залу, где он с изумлением узрел множество людей во главе с самим мажордомом. Что-то тут не так, шевельнулась мысль, но устоявшийся инстинкт взял вверх, и Мятный грозно рывкнул:

– Вы хоть знаете, кто я такой есть?!

– А как же, батюшка, – поклонился мажордом, – ты есть величайший в мире математик, это всем известно.

Хотя реакция публики в корне отличалась от той, к коей привык Александр Тихонович, он по инерции продолжил:

– А вы – ик! – скоты тупые и безмозглые, ничего ни в чем не понимающие!

Тут заголосили уже со всех сторон.

«Ой, сударь, правду глаголешь!» – «Как есть все без мозгов!» – «А меня так мамка в детстве головой об пол уронила, да четыре раза подряд!» – «Сами на себя смотреть без стыда не можем!» – «И как нас таких земля-матушка носит, вообще непонятно».

Мятный замер в недоумении. Представление явно срывалось, но никакой досады он почему-то не чувствовал. Еще раз икнув, но уже не агрессивно, а скорее удовлетворенно, математик повернулся и чуть заплетающейся походкой отправился в свои комнаты спать.

Получив посылку от Анастасии Ивановны, император быстро разобрался, как работает тайнописная доска, после чего задумался. Вот кто он такой – дурак, потому как то и дело порывается хоть где-нибудь, но напортачить, или, наоборот, очень умный, почти

гениальный: ведь смог подобрать таких людей, которые даже его ошибки ухитряются обратить к пользе?

И в результате размышлений пришел к выводу, что истина, как ей и положено, лежит посередине. Он не дурак и не гений. Он просто умный, вот и все.

Глава 28

Вместе с посылкой и письмом от бабки, где она рассказывала про найденного ею математика, пришло и послание от Нартова. Андрей Константинович сообщал, что отливка цилиндра прошла успешно, ни трещин, ни дефектов не наблюдается. Водяное колесо находится в стадии устранения мелких неполадок, и скоро можно будет приступить к шлифовке канала. Медную проволоку в Туле делают даже быстрее, чем обещали, первая партия только что пришла в Москву. А вот с железными пластинами возникла какая-то неувязка, так что он собирается туда съездить, дабы разобраться на месте, а грубую шлифовку цилиндра могут начать и без него. Завершалось письмо стандартно – деньги опять кончаются. Нет, хватать-то их пока хватает, но в самый притык, из-за чего работы идут медленнее, чем могли бы.

Естественно, никакой новостью это для Сергея не являлось, и в числе прочих шагов он поручил Ягужинскому составить полный перечень императорского имущества, находящегося в Петербурге. А три флотских писаря во главе с мичманом, выделенные адмиралом Гордоном, разбирались в этих длиннющих списках согласно указаниям императора, через день делая ему доклад – что из того имущества до сих пор не своровано и в каком оно находится состоянии. Так как им было приказано обращать особое внимание на интересные образцы огнестрельного оружия, вместе с очередным отчетом императору было принесено шведское ружье, подаренное Петру Первому Апраксиным после какой-то победы.

Разумеется, это была не солдатская фузея. Во-первых, оно оказалось несколько меньше – калибром миллиметров пятнадцать при длине ствола примерно восемьсот. А во-вторых, и в-главных, качество его изготовления просто поражало. И не гравировкой, хотя она явно представляла немалую художественную ценность.

Сергей уже насмотрелся на изделия оружейников восемнадцатого века, так что он буквально с первого взгляда оценил представленный ему образец. Такое впечатление, что ружье делалось не вручную, а на отличных станках. Полировка канала ствола не вызывала нареканий. И хотя в ствол, естественно, можно было посмотреть только со стороны дульного отверстия, Сергей при помощи зеркальца с дырочкой все-таки ухитрился заглянуть туда. Судя по кольцам, допуск по диаметру измерялся сотыми долями миллиметра. Потом император царапнул ствол твердосплавным зубом пилки из своего мультитула и убедился, что твердость металла никак не меньше пятидесяти единиц. Из булата его, что ли, делали? Преподаватель стрелковой подготовки в Центре говорил, что такое иногда практиковалось, но редко. Ибо стоимость получалась запредельной.

В общем, очередной отчет император утвердил не читая, после чего побежал в Летний сад – опробовать свое приобретение. Надо сказать, стреляло ружье не хуже, чем выглядело, но все-таки Новицкий сразу после стрельб отправился в мастерские Академии наук с целью небольшой модернизации оружия. Потому как прицельные приспособления у него, считай, отсутствовали. Правда, мушка имелась, но какая-то малозаметная, и ни планки, ни даже целика не было вовсе. Кроме того, императору хотелось дополнить ружье капсюльным воспламенением. Именно дополнить, потому как просто переделать замок под капсюль он мог бы и сам, но это не годилось. Ибо капсюлей у Новицкого было хоть и довольно много, но все же далеко не бесконечное количество, и их следовало экономить. То есть требовалось сделать универсальный механизм, способный с минимальными переделками воспламенять заряд и от кремня, и от капсюля.

Ведь у кремневого замка было, с точки зрения молодого императора, три недостатка:

– выстрел происходил не сразу после нажатия на спусковой крючок, но спустя

примерно треть секунды, а иногда и больше;

– стрельба вверх под углом более чем в тридцать градусов часто приводила к осечкам, потому что порох успевал ссыпаться с полки;

– наконец, даже средний дождь мог превратить ружье в бесполезную железяку, а проливной делал это наверняка.

Вот, значит, Новицкий и хотел, чтобы в случаях, когда эти недостатки нетерпимы, от них можно было избавиться путем нескольких несложных манипуляций. Для ежедневных же тренировок в стрельбе использовать не капсулы, а кремни.

Как уже говорилось, Центр дал возможность Новицкому захватить в прошлое пять с половиной килограммов вещей по собственному усмотрению, и при этом ему было сказано, что он может заказывать что угодно – ведь Центр является государственной организацией с очень немалыми возможностями. На самом деле получилось даже на двести граммов больше, потому что Сергей перед забросом похудел несколько сильнее, чем это предусматривалось. Но времени выбирать уже не было, и этот вес просто досыпали капсулами.

Так вот, килограмм с небольшим весил наган с патронами. Еще столько же – слесарные инструменты и полуфабрикаты для их изготовления на месте, помимо тех, что были нужны для изготовления, настройки и запуска маяка: три напильника, алмазные надфили, ножовочные полотна, сверла, метчики, плашки и твердосплавные пластины для самостоятельной напайки на что угодно. Лекарства на все случаи жизни в личный вес не входили, но Сергей дополнил то, что ему выделил Центр, еще килограммом. Двести граммов весили семена, часть из которых уже была посажена на огороде за Лефортовским дворцом как подарок, привезенный из Америки княгиней Чингачгуковой. И наконец, весь оставшийся вес занимала специальная электроника, оптика и запасные литиевые аккумуляторы к ним.

В частности, там были четыре радиомикрофона с радиусом действия в два километра, и половину император взял с собой, отправляясь в Петербург. Один был уже установлен в доме Миниха, в рабочем кабинете. И вот, кажется, наступила пора для его использования.

Василия Нулина царь взял в путешествие не только и не столько за его услужливость и прочие лакейские качества. Они, конечно, присутствовали, но в разумных количествах, не очень превышающих средние в той среде. Но Василий мало того что был обаятельным и общительным парнем, так еще и редким пройдохой, именно благодаря коим качествам он и смог попасть в услужение к самому императору. И нынешним утром он сообщил, что ближе к вечеру Ягужинский собирается в Кронштадт, в гости к Миниху. Так как эти двое не были закадычными друзьями – естественно, императора заинтересовало, о чем они там будут говорить.

Сразу после обеда Новицкий переоделся в аляповатый синий камзол, приклеил небольшие усики, нацепил здоровенный парик, глянул в зеркало и убедился, что оттуда на него смотрит какой-то совершенно незнакомый лакей, причем не очень важной персоны. После чего еще раз проверил все свое вооружение, состоящее из нагана и узкого кинжала, и спустился на первый этаж, где его уже ждали Василий Нулин и Федор Ершов. Первый был безоружен, потому как ни с чем таким обращаться не умел, у второго имелся кастет, хотя он и без него, если с хорошего размаха, мог одним ударом проломить любую голову. Вся прислуга дворца была предупреждена, что его императорское величество до позднего вечера, а то и до утра, будет извоить пребывать в глубочайших государственных раздумьях, поэтому беспокоить царя нельзя ни под каким видом.

Через полчаса вся троица была в порту, а через три с половиной – в небольшом бревенчатом домике, недавно купленном Нулиным в полукилометре от миниховского дома.

Интересующая императора беседа началась около восьми часов вечера. Начал ее Ягужинский с вопроса: понимает ли молодой император, насколько серьезен сам факт покушения на него?

– Не хуже нас с тобой, – заверил Миних.

– Но почему он тогда ничего не делает?

– То есть за помощью к тебе или ко мне не бежит? Наверное, потому что считает – мы ее оказать не сможем. Не беспокойся, Павел Иванович. Он явно как-то расследует нападение на Сарское. Об этом я могу судить хотя бы по тому, что отменена почти половина тех инспекций, что мы с ним должны были совершить на этой неделе.

– Но отчего же он тогда не пожалел двух дней на поездку в Стрельну?

– Не знаю, – хмыкнул Миних. – Наверное, это ему зачем-то было нужно.

Дальше возникла пауза. Судя по негромким звукам, кто-то раскуривал трубку. «Похоже, это генерал-прокурор: Христофор Антонович при мне не курил никогда», – предположил Сергей.

– Ладно, – продолжил Ягужинский, – пусть Петр делает что считает нужным. В конце концов, убить-то пытались именно его. Но мне не дает покоя вот какой вопрос: что будет, если какое-нибудь покушение кончится успехом?

– То же самое, что в январе, только хуже, – усмехнулся Миних.

– Вот мы и должны тому воспрепятствовать, пока сие возможно!

– У его величества очень серьезная охрана.

– Да не про то я толкую! Но если он все-таки помрет, новой семибоярщины или свары за трон можно избежать только одним способом – заранее назначив наследника, да так, чтобы волю императора нельзя было толковать криво.

– Ага, – с явно слышимым сарказмом сказал генерал-аншеф. – И где же ты сейчас найдешь такого, чтобы он был способен править Россией, и при этом ни у кого, в том числе и у него самого, не возникло желания помочь царю побыстрее покинуть этот свет?

– Это цесаревна, – совсем тихо, из-за чего Сергей скорее понял, чем расслышал сказанное, предложил Ягужинский. Так как собеседник молчал, он продолжил: – За ней сейчас нет никакой хоть сколько-нибудь значительной силы. Сама же она не способна на решительные действия.

«Дурак ты, хоть и генерал-прокурор», – подумал Сергей.

Миних, похоже, подумал то же самое, но высказался более развернуто:

– Сейчас силы нет, однако, стоит только ее объявить наследницей, мы с тобой, Павел Иванович, и чихнуть не успеем, как она уже появится. А про неспособность – ты меня, право слово, рассмешил. Вспомни, что еще год назад все думали про Петра! И я тоже, каюсь. Ныне же – так сразу и не сказать, на что способен сей выюнош, но нет сомнений – на многое. Елизавета же всегда была женщиной не только решительной, но и умной.

Вот тут Новицкий был целиком согласен с генерал-аншефом. Да, конечно, сейчас он испытывает к Лизе довольно теплые чувства. Но они не мешают понимать: если вдруг окажется, что между троном и ею будет стоять только его жизнь, то шансы Сергея дожить до глубокой старости несколько уменьшатся. Может, и не очень сильно, но рисковать молодой император не собирался. А беседа в кабинете продолжалась:

– Так ты, Павел Иванович, навестил меня за тем, чтобы я поговорил с Петром про объявление наследника? И не проси, не буду. Во-первых, пользы в том не вижу. А во-вторых, он меня сразу пошлет, и прав будет.

– Куда? – не понял Ягужинский.

Миних обстоятельно объяснил, а потом продолжил:

– Дабы же избежать споров всяких вокруг престола, надобен о том закон, государем лично подписанный и во всеуслышание объявленный, тогда никакой Долгоруков не станет завешание подделывать, ибо толку с того все равно не получится. Вот про это я с царем готов поговорить в ближайшее же время.

– Это хорошее дело, но сейчас сути оно не изменит. Петр – последний Романов по мужской линии. Как ни посмотри – нужно, чтобы это не затянулось надолго.

– Женить его хочешь? Давай. Сначала Меншиков пытался. Потом Долгоруковы пробовали. За ними, кажись, и Остерман чего-то такого хотел. Вот уж не знаю, что там произошло между ним и государем, но только Андрей Иванович теперь как глянет на него,

так и обмирает от страха. Меня, знаешь ли, в подобную компанию не тянет.

– Так уж совсем ничего ему и сказать не можешь?

– Могу, и прямо с завтрашнего утра. Вот так прямо зайду и скажу – государь, тут тебе Павел Иванович Ягужинский кое-что хочет донести до внимания твоего. Будь добр, выслушай его. По-моему, он дело говорит, а дальше уж тебе решать. Вот это я могу, а более даже не проси. И кого ты его величеству сватать-то собрался, если не секрет?

– Не выжил я еще из ума, дабы императору кого-то подсовывать, видел, как и ты, чем это кончается. Пусть сам решает, коли у него забота о державе есть.

Миних захохотал, а отсмеявшись, объяснил причину:

– Я и сам могу сказать, чем ваш разговор закончится. Выслушает тебя внимательно его величество и молвит: а у тебя, Павел Иванович, неужели нет той заботы о державе? Быть такого не может. Вот, значит, ты и ищи будущую императрицу, а то мне как будто заняться нечем, кроме как невест себе искать. Так он и скажет, и наверняка почти такими словами. А ты, значит, еще и виноватым останешься, когда найдешь кого-нибудь не того, только так оно и будет. Скажет тебе царь, что искал ты без должного усердия, и это ему огорчительно.

Кто-то из собеседников прошелся по кабинету – кажется, Миних, шаги тяжелые. И вновь в наушнике раздался голос генерал-аншефа:

– Мне же нравится то положение, которое есть сейчас. Ныне в случае смерти государя самым явным претендентом на трон является Елизавета. И потому, что она дочь Петра Великого, и в силу того, что из опалы вышла. Но все-таки не настолько у нее все явно, чтобы решиться на непотребное. В отличие от прошлых годов сейчас ей есть что терять. А вот когда государь с ней расстанется, тогда, конечно, придется за цесаревной присматривать, но, мнится мне, Петр это понимает не хуже нас с тобой.

– Думаешь, скоро разойдутся?

– Не то чтобы скоро, но да. С государем она живет еще недолго, однако же он у нее далеко не первый. И ни разу не то чтобы она в тягости не оказалась, но даже слухов о том не было! Не бесплодна ли цесаревна? Кстати, тебе, Павел Иванович, это проще разузнать будет, чем мне.

Вскоре беседа закончилась, Ягужинский с Минихом отправились ужинать, и император, послав сигнал выключения на микрофон и свернув приемник, тоже засобиравшись домой. Благо можно было не опасаться, что плыть придется в темноте: тут все-таки не Москва, а Питер, в котором именно сейчас наличествуют белые ночи, воспетые каким-то классиком. Каким именно, Новицкий уже забыл, да и вообще был несколько разочарован данным явлением природы. Не такими уж они при ближайшем рассмотрении оказались белыми, эти ночи. Но, с другой стороны, для перемещения по Маркизовой луже света хватало в любое время суток.

Молодой император был доволен тем, что не вскрылось никакого ужасного заговора. Ну, а что его опять захотели женить – не так страшно, методика борьбы с подобными поползновениями уже почти выработана, и Миних правильно оценил ее основные положения.

Но вообще-то, конечно, в беседе действительно был поднят важный вопрос. С одной стороны, без официально объявленного и всем известного наследника государству в самом деле как-то не очень хорошо. Но при его появлении проблемы начинаются уже у императора. Потому как этот наследник может оказаться нетерпеливым, это раз. Или покажется кому-то более подходящим, чем нынешний царь, это два. Взять, например, Павла Первого. Издал он закон о престолонаследии, хоть и были у него сомнения, что его сын Александр окажется лучшей кандидатурой из всех имеющихся. И что? Тут же прибили болезного, потому что нашлись силы, для которых наследник был куда предпочтительнее самого Павла.

Итак, подвел предварительный итог Сергей, имеем два небольших противоречия. С одной стороны, наследник должен быть однозначно определен, да так, чтобы в этом ни у кого никаких сомнений не было. С другой, никто, в том числе и он сам, не должен заранее

знать, кто конкретно сядет на трон в случае смерти царствующего императора. Это противоречие номер один. Второе заключается в том, что порядок престолонаследия должен быть четко прописан в законе, но в то же время императору не помешает право при необходимости убирать из списка наследников кого угодно. И соответственно, кого угодно туда добавлять. Ну, это вполне решаемо, а вот как быть с первым пунктом?

Да тоже ничего особо сложного, вскоре признал Сергей. Пусть Нартов сделает охренительный сейф, открыть который можно будет только тремя ключами одновременно. Один ключ вручаем Сенату. Второй – кому-нибудь из православной церкви. Третий – какому-нибудь выборному блюстителю, заодно и посмотрим, как в теперешних условиях заработает демократия. И царское завещание при большом стечении народа кладется в этот сейф, запирается тремя ключами, после чего открыть ящик можно будет только точно так же. На виду у толпы и тремя ключами одновременно. Таким образом, все знают, что наследник назначен, но никто не в курсе, кто он такой. Если же подобная процедура проведена не была, значит, работает закон о престолонаследии, в качестве которого прекрасно сойдет и тот, что ввел Павел.

С тем же, что генерал-аншеф и генерал-прокурор наговорили про Елизавету, император был в общих чертах согласен. С одним маленьким уточнением: в обозримом будущем он с ней расставаться не собирался.

Почти всю свою сознательную жизнь Новицкий был одиночкой. Про тепло семейного очага в его случае можно было говорить только в порядке издевательства. В школе у него и приятелей-то было немного, а друзей и вовсе ни одного. Правда, потом в жизни Сергея появился дядя Виталий, но это продолжалось недолго. А уж в Центре он во всех окружающих видел либо людей совсем безразличных, либо недругов, причем очень опасных, кроме разве что преподавательницы сексуальной культуры. Да и то умом понимал, что это неправильно, однако поделаться с собой ничего не мог. А теперь у него есть Лиза, и никому он ее не отдаст! Точнее, сейчас не отдаст, до будущего же еще дожить надо.

Глава 29

Вскоре после неофициальной экскурсии императора в Кронштадт выяснилось, что Верховный тайный совет еще не настолько обнаглел, как это представлялось Сергею и Миниху после получения известия о визите английского посла. В Петербург приехала карета с деньгами не только на ремонт в Сарском, но и на начало завершения строительства в Стрельне. А сопровождающее деньги письмо было в основном посвящено объяснению ситуации с английским послом.

В этом документе пространно излагалось: оказывается, восстановление дипломатических отношений более выгодно России, нежели Англии, и поэтому все надо было делать как можно быстрее, пока в Лондоне не опомнились.

– Врут? – поинтересовался Новицкий у Миниха. Письмо они читали вместе, потому что оно было адресовано им обоим.

– Конечно, государь, – без тени сомнения подтвердил генерал-аншеф. – Когда это англичане добровольно делали что-то более выгодное противной стороне, чем им? Отродясь с ними такого не случалось, а тут такая спешка. Небось еще подмазали Совет, дабы не тянул.

– А он повел себя правильно, то есть сразу поделился, – подвел итог Сергей. – Ладно, читаем дальше.

Дальше Совет объяснял, что все, оказывается, было проделано в полном соответствии с международными нормами, причем так, чтобы не нанести престижу Российской империи ни малейшего урона. Мол, в Англии этот договор еще подлежит ратификации в их парламенте. У нас же такого заведения нет, и если бы его сразу подписали император с председателем, то с нашей стороны договор считался бы уже полностью принятым. Да что же мы, не европейцы? – патетически вопрошал Совет. А вот теперь все будет как положено. Приедут

государь с господином председателем в Москву, подпишут ту бумагу, и только после того она станет считаться полностью вступившей в силу.

– Выкрутились, крючкотворы, – покачал головой Миних. – Теперь их даже и вешать стало как-то неудобно.

– Ничего, нам не к спеху, – благодушно заметил император. – А как понадобится, господа небось сами нам еще не один повод предоставят. Если же понадобится очень сильно, а с поводом они затянут, то повесим и так, невзирая на неудобство.

Новицкий был настроен столь миролюбиво потому, что бабкино расследование показывало: Совет скорее всего в организации покушения не замешан. И английский посол тоже. Лесток же получил от него письменное предупреждение, чтобы не вздумал набиваться в гости, если не хочет быть выгнанным в шею. Похоже, любвеобильного доктора в Европе неплохо знали.

Тут молодой император вспомнил, что его еще в будущем заинтересовал небольшой вопрос, но было это уже незадолго до заброса, когда времени не хватало и на более важные вещи, и вопрос тот так и остался непроясненным. Сейчас же, похоже, в него можно внести ясность.

– Не знаешь ли, Христофор Антонович, – поинтересовался царь, – от какого слова происходит та ратификация – от английского «рат», то есть крыса, или от какого-нибудь другого? И если она от крысы, то почему?

– Нет, слово сие происходит от двух латинских. «Ратус» – утвержденный, и «факер» – делать.

«Второе слово я точно запомню», – подумал Новицкий и отодвинул письмо Совета. Встал, прошелся по кабинету, после чего вновь обратился к Миниху:

– Осталось нам решить еще один небольшой вопрос. Денег, что прислал Совет, на восстановление дома в Сарском хватит и еще останется. Но вот для завершения строительства в Стрельне остатка, как ни крути, все равно будет слишком мало. Поэтому я предлагаю пустить его на строительство парового корабля, а Стрельну доделать, когда появится вся потребная сумма. Подтверждаешь?

– Подтверждаю.

– Значит, на этом заканчиваем, и можно говорить, чтобы несли обед.

После обеда Миних ушел, а император вновь разложил на столе выписки из бабкиных посланий и продолжил размышления, прерванные визитом генерал-аншефа. Итак, по результатам наблюдения за Лестоком выявлена цепочка, конец которой вроде бы упирается в Михаила Голицына. В принципе Сергей готов был признать его главным злодеем, если бы не одно обстоятельство: Михаил Михайлович болел. Похоже, он и сам сознавал, что жить ему осталось совсем недолго, что, по словам одного лакея, подтвердил пациенту доктор Бидлоо. Генерал-фельдмаршал после отъезда императора вообще не посещал заседаний Совета, единственное исключение сделав для того, на котором был подписан договор с Англией. И в таком состоянии лезть в политические дразги? Сомнительно, очень сомнительно. Опять же Лесток в своем письме ябедничал именно на Михаила Михайловича, и вряд ли делал это по своей инициативе. Так что же получается: фельдмаршал стучал сам на себя? Как-то это слишком уж оригинально. Однако если из цепочки убрать Голицына, то она просто обрывается в пустоту.

Император заходил по комнате, периодически останавливаясь у каждого из двух окон, – так ему легче думалось.

«В действиях Ушакова я ведь тоже искал карьеристско-политические мотивы, – напомнил себе Новицкий. – А дело было в банальном страхе за свою шкуру! Может, и Голицыным движет что-то подобное?»

Вот уж что угодно там может быть, только не страх, вынужден был признать молодой царь. Поздно уже фельдмаршалу бояться, и он это отлично понимает. Но все же явно тут есть что-то общее с ушаковским случаем, нутром чую!

Сергей попробовал максимально точно определить ситуацию, которая закончилась стрельбой в доме Ушакова. Итак, он искал заговор, а наткнулся на действия одного человека, вызванные сугубо личным мотивом. Может, и сейчас происходит то же самое? Да наверняка! Ведь убит был не только Ушаков, но и старший брат Михаила Михайловича, Дмитрий! И если фельдмаршал как-то узнал, что его застрелил не Остерман...

Да не было ему нужды ничего узнавать, решил Новицкий. Слишком уж он хорошо знает самого Андрея Ивановича. И не может не понимать, что без поддержки императора тот ни за что бы на такое не решился. А уж как конкретно эта поддержка выглядела – дело десятое. Значит, надо писать письмо бабке, в котором поделиться только что пришедшими в голову мыслями и посоветовать разузнать, насколько теплыми были отношения между братьями Голицыными. Стоп, но как же быть с доносом Лестока – ну не способен он вроде на столь дурацкую инициативу!

А ее и не было, сообразил император. Деньги Голицын действительно отправлял и вполне мог допускать, что данное действие станет известно молодому царю. Значит, надо обвинение в этом спрятать среди других – таких, поверить в которые сможет только клинический идиот! То же, что Лесток в результате может спалиться, – ну и хрен с ним, с интриганом. Да, теперь картина происходящего, кажется, обретает полную законченность.

Написав письмо и зашифровав его, Новицкий вернулся к размышлениям. Итак, что будет делать Анастасия Ивановна, это ясно. А он, царь Петр Второй? Казалось бы, тут тоже не должно быть особых сомнений – получив доказательства, судить фельдмаршала и приговорить его к казни. Совершенно очевидный образ действий, и не только ему, но наверняка и Голицыну тоже. А значит, старик готов и к такому развитию событий, что не очень хорошо. Придумать бы что-нибудь пооригинальнее, да так, чтобы еще и пользы от него было больше, чем от простого суда с последующей казнью. А что, если...

В первый момент Сергей просто удивился пришедшей ему в голову мысли. Вроде не читал на ночь ни Дюма, ни Сабатини, ни даже Вальтера Скотта, и что же его так на рыцарственность-то потянуло – может, съел за обедом чего-нибудь не того? Однако, подумав, император согласился признать, что внезапно пришедшая ему в голову мысль вовсе не так уж плоха. Во-первых, вот такого-то от него точно никто не ждет – значит, не успеет подготовиться, а вынужден будет действовать в условиях жесткого цейтнота. Во-вторых, чисто материальная выгода тут может быть побольше, чем в случае суда. В-третьих...

Не суетись, одернул себя молодой человек. Как надо действовать, когда в запасе есть достаточно времени?

Новицкий достал карандаш, лист бумаги, разделил его надвое вертикальной чертой и сел записывать плюсы и минусы своего плана – плюсы справа, минусы слева. Первых набралось довольно много, они еле уместились на листе. Минус же был всего один и обозначался одним словом: риск.

Да, он есть, признал император. Но жить вообще опасно, того и гляди помрешь, а уж тем более на такой должности, как у него. Однако риск этот не очень велик, путем же не таких уж сложных приготовлений может быть еще уменьшен до еле заметного уровня. Зря, что ли, корпус контейнера сделан из титана? Нет, не зря, а как раз на подобный случай. Да и последний аргумент – наган – никуда не делся. Правда, его все-таки лучше не светить, а использовать только в совсем уж крайнем случае.

Сергей взял еще один лист бумаги. Дело задумывалось непростое, а любая мелочь, упущенная при подготовке, могла стать фатальной. Но времени еще вагон, и надо заранее расписать план-график всех своих действий, дабы потом не пороть горячки.

Итак, начнем с камзола. Никакого золотого или серебряного шитья, простой зеленый цвет, серые с коричневым обшлага и воротник, серые же карманы. Камуфляж, конечно, был бы лучше, но он вызовет совершенно излишние вопросы, так что обойдемся. Треуголка, разумеется, не годится, даже без перьев. Шляпа? Пожалуй, подойдет, особенно если изнутри под нее надеть титановую каску. Все это надо сделать еще в Питере, дабы осталось время и самому привыкнуть к новой одежде, и окружающим тоже. Чего еще не следует откладывать

до возвращения в Москву?

Зубила, решил Новицкий. Правда, сами твердосплавные пластины в Москве, но заготовки для зубил пусть Нартов сделает заранее, а то бог его знает, сколько он будет возиться. Припаять же пластины недолго, с этим император справится и сам, небольшой кузнечный горн в хозяйственном дворе Лефортовского дворца есть. С зубилами ясно, надо рисовать эскизы, двигаемся дальше. Сапоги? Тут, пожалуй, ничего изобретать не обязательно – те, что сейчас на нем, достаточно удобны. Шпага? Да пропади он пропадом, этот шампур, в ногах зря путаться будет. Хоть и учили его в Центре фехтованию, но помогут эти уроки только против неумехи, а здесь будет явно не тот случай. Нет уж, в ближнем бою лучший прием – выстрел в голову, из этого и будем исходить.

Молодой человек черкал бумагу до позднего вечера. Надо же, вроде задумал не такое уж сложное дело, а сколько, оказывается, необходимых мелочей включает подготовка к нему! Например, надо заранее предсказать реакцию всех участников предполагаемого действия, дабы знать, что им ответить в случае чего, а не подбирать слов второпях. Миних? Этот, пожалуй, согласится почти сразу, спросив только, не слишком ли велик риск. Остерман?

Андрей Иванович если что и пискнет, то исключительно в смысле полного одобрения. На остальных членов Совета можно начхать – они если что-то и узнают, то вмешиваться все равно будет поздно. Цесаревна? В принципе она тут вроде вообще не нужна, хотя... нет, дочь Петра Великого – это фигура. Значит, надо заранее подобрать какие-то слова, чтобы Лиза не очень волновалась. Остается архиепископ Феофан. Вот к беседе с ним действительно нужно серьезно подготовиться. Подобрать базирующиеся на Священном Писании аргументы, но так, чтобы политические следствия, из них проистекающие, он увидел сам, и в благоприятном для себя ключе.

В последний раз глянув на свои заметки, император решил, что в Москву, пожалуй, придется возвращаться пораньше – не в двадцатых числах августа, как планировалось, а в самом начале месяца.

Узнав, что планы императора относительно сроков возвращения в столицу изменились, Миних помолчал, а потом, видимо решившись, спросил:

– Это связано с тем, что ты получил какие-то сведения о покушении на тебя?

– Да, – коротко кивнул Новицкий.

– Не спрашиваю, какие именно: захочешь – сам скажешь, это твое дело. Но вот о чем хочу предостеречь. Знаешь, не так уж мало живу я на свете и давно заметил: ежели впереди маячит какая-либо опасность, то хочется человеку, если он не трус, броситься побыстрее навстречу ей, дабы все поскорее кончилось. Не всегда это бывает разумно, но часто человек голоса разума не слышит, потому что ожидание опасности много хуже встречи с нею. Подумай, не это ли тебя толкает побыстрее вернуться в Москву? И не этого ли ждут твои недруги?

– Подумал, – подтвердил Сергей, – и пришел к выводу, что сейчас не так. В Москве нужно многое успеть сделать, а в Петербурге все дела, к покушению относящиеся, уже завершены. Противники? Да, скорого возвращения они, наверное, ждут. Но вот того, что за ним последует, вряд ли. Так что начинай, Христофор Антонович, вся подготовка к путешествию и командование во время него на тебе. Желательно, чтобы путь занял не больше десяти дней.

Елизавета, узнав об изменении планов, сказала примерно то же, что и Миних, только другими словами:

– Петя, ты узнал, кто напал на мою усадьбу и хотел сжечь нас с тобой, да? Но неужели в Москве нет людей, на которых можно положиться, ведь быть же такого не может! А эти, кои направляли поджигателей, они же небось только и ждут нашего возвращения! Мне просто страшно...

Новицкий ответил хоть и кратко, но по пунктам:

– Да, я это узнал почти наверняка, но окончательно в том можно будет убедиться лишь в Москве. Люди там есть, однако задуманное мной будет иметь смысл только в том случае, если совершу его лично я. Ждут? Пусть себе, это предусмотрено. А бояться не надо. Ничего страшного со мной не случится, милая. И с тобой тоже, я тебе обещаю.

Император несколько не кривил душой. Ведь если бы он всерьез боялся смерти, разве согласился бы на перенос, в результате которого место умирающего Петра Второго мог занять труп Сергея Новицкого? Того, что такой исход хоть и маловероятен, но не исключен, от него не скрывали.

Нет, смерть – это совсем не страшно. Вот ее ожидание – совсем другое дело, но за себя молодой человек был спокоен, а Елизавету, кажется, ему удалось хоть немного, но отвлечь от ненужных мыслей. Впрочем, сеанс психотерапии еще не закончен, впереди целая ночь.

Миних, хоть на него и свалилось множество дел, связанных с подготовкой к отъезду, все же имел время на раздумья. Он припомнил, чем занимался молодой царь несколько дней до объявления своего решения. Выходит, это и была подготовка, которая теперь закончена? Ну и ну...

Генерал-аншеф был в какой-то мере прав в своих подозрениях, но все же полного плана императора пока себе не представлял.

Глава 30

Путь назад в Москву показался Сергею куда более быстрым, чем майское путешествие оттуда в северную столицу. И не только оттого, что скорость передвижения в этот раз была действительно выше, но и потому, что сейчас у молодого человека было о чем подумать, так что он почти не обращал внимания на окрестные пейзажи. Все ли он предусмотрел?

Оказалось, что не все. Правда, упущены были такие мелочи, которые вряд ли повлияли бы на исход, но их все-таки удалось заметить, и это было хорошо. А вот то, что никаких прорех в основе своего плана Новицкий найти так и не смог, столь однозначной оценке не поддавалось. Да, это будет тоже хорошо, если все пойдет именно так, как задумывалось. Но насколько же плоха станет ситуация, когда вдруг выяснится: упущено что-то важное! Даже думать не хочется, однако надо. И молодой царь вновь и вновь начинал прокручивать в голове все свои действия сразу после приезда в Москву, соображая, кому они обязательно станут известны и как эти люди на них среагируют.

В Черной Грязи Сергей с Елизаветой переоделись в мундиры семеновцев, охранявших кортеж. На всякий случай Новицкий пересел с Даши на какого-то совсем незнакомого коня – а вдруг его лошадь настолько хорошо знают, что по ней смогут определить всадника. Хоть и не очень верилось в покушение сразу по приезде, но необходимые меры предосторожности все-таки были приняты.

Однако они не понадобились. Часов в семь вечера кавалькада без происшествий достигла Лефортовского дворца. Император с некоторым трудом преодолел искушение немедленно кинуться в слесарную мастерскую, но все же направился не туда, а в баню, которая уже была натоплена. Нет уж, сам составлял планы, сам им и следуй, выговаривал он себе по дороге. А там ясно сказано: слесарные дела – завтра, сегодня же – баня. И правильно, вон до чего провонял за дорогу как лошадиным, так и своим потом, что аж самому в нос шибает. И потом тоже никаких мастерских, а смирно сидеть в кабинете и сохнуть. Тем более что долго высиживать все равно не придется: бабка не имеет привычки опаздывать.

Анастасия Ивановна пришла даже чуть раньше назначенного времени.

Сначала Сергей выслушал от нее последние новости, особо важных среди которых не оказалось, а потом посвятил в свои планы. Первая реакция была вполне ожидаемой.

– Прости меня, государь, старую, но скажу как есть, а потом можешь хоть прогнать от себя, хоть вовсе казнить. Совсем, что ли, умом рехнулся? Даже не будь ты царем, я бы тебе то же самое сказала, но ведь ты – император Всея Руси-матушки.

– Нет, про это в моем официальном титуле как-то по-другому писано. Надо, кстати, выбрать время и перечитать, а то забыл уже больше половины. Но это потом, а пока давай вернемся к предмету нашего разговора. Итак, мой план тебе совершенно не нравится. Тогда предлагай свой, слушаю со всем вниманием.

– Да чего тут предлагать? Судить супостата, и все тут!

– На основании чего – показаний твоих людишек? Во-первых, их никому показывать нельзя, а во-вторых, даже если показать, им вполне могут и не поверить. Прочих же доказательств у нас, считай, совсем нет.

– Пытать – все расскажет... – начала было бабка, но осеклась.

– Вот, сама понимаешь, что не то говоришь. А ну как помрет под пыткой? Он и без нее на ладан дышит. Да и не очень это убедительно будет, по-моему. Тут же он сам придет, сам все опишет в цветах и красках, да еще в присутствии достаточно важных персон. Насчет имущества тебе разъяснить или сама догадаешься?

– Чего ж тут догадываться, государь, дело понятное.

– Приходилось уже кому-то помогать в такой ситуации? Тогда тем более. И какие после всего этого у тебя остаются возражения?

– Так ведь погибнешь ты, ваше величество! И что нам всем тогда делать?

– Вот мы и подобрались к сути твоего задания. Оно состоит из двух частей. Первая – как помочь мне остаться живым, здоровым и всем на свете довольным. Вторая – как и куда спрятать тех, кому в случае моей смерти действительно будет угрожать опасность. Итак, начинаем...

Беседа с бабкой продолжалась до полуночи, а после нее Новицкому вновь пришлось бороться с собственной торопливостью. На сей раз ему захотелось прямо сейчас начать перекладывать вещи из контейнера в еще до отъезда приготовленный для этой цели сундук. И удержали его не столько планы, сколько тот факт, что управляющий контур маяка весил почти семьдесят килограммов. Нет уж, поставил точку в душевных метаниях Сергей, только ему сейчас и не хватало какую-нибудь мышцу растянуть. Завтра с утра придет Федор, для него это не вес, а так, одно развлечение. Раз уж спать не хочется, можно книжку какую почитать, в планшетах вроде должна иметься довольно приличная библиотека художественной литературы, до которой все как-то до сих пор не доходили руки.

Однако и сейчас читать про какие-то там чужие приключения не было никакого желания – тут со своими бы разобраться. Что означало: хочешь не хочешь, а надо ложиться спать, завтра понадобится свежая голова.

Заснул молодой человек быстро и проснулся точно вовремя. В приемной его уже ждал Федор, которому тут же было указано, что брать и куда тащить, причем с осторожностью. Все остальное Новицкий переложил в сундук сам. Закрыв его, после чего Ершову велено было брать пустой контейнер, имевший вид ржавого ящика, и ждать на первом этаже, а Сергей с двумя заготовками для зубил отправился во двор, где подручный кузнеца уже разжигал горн. Серебряно-медный припой Нартов тоже давно принес, как и флюс, а такой разновидности пайки императора учили в Центре, так что процесс не занял много времени.

Изготовив зубила, Сергей кликнул Федора и вместе с ним прошел в слесарную мастерскую. Ершов утверждал, что он умеет обращаться с молотком и долотом, а значит, и зубило как-нибудь освоит, подумал молодой человек и оказался прав.

Контейнер был специально не сварен и даже не заклепан, а держался на болтах, которые Новицкий быстро вывернул. Потом Федор несколькими движениями распрямил бывший ящик и вскоре уже вовсю колотил молотком по зубилу, вырубая пластины нужного размера. Сергей снимал с них заусенцы и делал небольшие фаски. Над самым жилетом неподалеку от мастерской уже работали две швеи.

По плану бронежилет и бронешляпа должны быть готовы к обеду, который специально был объявлен на час позже. В действительности же получились закончить работы даже

раньше, так что Сергей успел испытать свое изделие. Надел жилет на сосновую чурку и с десяти метров выстрелил из своего ружья. Пластины в бронежилете были сложены по две, но пуля не пробил даже первую, хотя в самом центре та все-таки треснула. Вторая же отделалась вмятиной. То есть пробить их точно не пробьет, а вот ребра поломать может, сделал вполне ожидаемый вывод молодой человек. Примерил получившуюся защиту – а ничего, носить можно, весит примерно килограмма три. Столь легким бронежилет получился оттого, что он обеспечивал защиту только спереди, сзади же вообще пластин не было.

После обеда час ушел на то, чтобы обучить бабкину внучку Анюту, оказавшуюся весьма сообразительной девушкой, основам первой помощи. От нее требовалось уметь обращаться со шприц-тюбиком, жгутом для остановки артериального кровотечения, антисептиками и бинтами. В конце концов Сергей пришел к выводу – кажется, она поняла если не все, то большую часть точно, и совсем без медицинской помощи в случае чего он не останется.

После урока военно-полевой медицины молодой человек пострелял из своего ружья. Еще в Питере он все-таки попробовал сделать гибрид пуль Жакана и Минье, то есть заостренный свинцовый цилиндр с косыми выступами, сзади в который был залит пустотелый железный конус, частично торчащий наружу наподобие хвоста у волана. По идее, в момент выстрела он должен был разжимать пулю, обеспечивая этим и обтюрацию, и трение выступов о ствол. Так это работало или не совсем так, Сергей сказать не мог, но результаты у новых пуль все-таки были чуть получше, чем у обычных круглых с привернутыми к ним войлочными пыжами. Во всяком случае, Новицкий теперь довольно часто попадал в ростовую мишень со ста метров, а с восьмидесяти – практически всегда.

После стрельб была еще одна тренировка. Два семеновца по очереди стреляли в императора холостыми, а он пытался отпрыгнуть в сторону уже после нажатия на спусковой крючок, но до выстрела. Тут результаты были средние. То есть иногда получалось, иногда нет.

Ближе к вечеру Новицкий съездил посмотреть, что за площадку подобрали бабкины люди. И остался доволен – все требования были соблюдены в точности. Ближе чем на двести метров на колесах к ней не подъедешь, кусты мешают. Справа – бурьян, слева Яуза, а за ней болото. Происходящее здесь можно увидеть, только если находиться совсем рядом, а заметных тропинок тут нет, то есть просто так здесь никто не ходил. Сзади и спереди рощицы.

Сергей прикинул, как на фоне стволов и листвы будет смотреться его серо-зеленый кафтан, и остался доволен – расцветка была подобрана правильно. Вроде нормально, можно говорить, чтобы начинали выкашивать траву, а то она тут местами почти до пояса. Что ж, пока все идет хорошо, остается только не напортачить в самом конце.

Ужинал царь в компании цесаревны. Елизавета сейчас жила в Лефортовском дворце, но вся ее свита была отправлена в Ново-Преображенский, дабы не путалась под ногами. Сергей ел с аппетитом, женщине же кусок если и лез в горло, то с большим трудом. Она долго мялась, но наконец решилась спросить:

– Петя, ты думаешь, что сегодня ночью на нас не нападут? Во дворце же совсем мало солдат!

– Во-первых, их много, они просто не торчат на виду. А во-вторых, с чего это ты решила, будто на нас кто-то станет нападать? Тем более сегодня.

– Но ведь ты сам говорил...

– А ты припомни, что именно. Штурма Лефортовского дворца я тебе точно не обещал. В общем, успокойся – никто на нас нападать не будет. Ни сегодня, ни завтра, ни даже послезавтра. Наоборот, это мы на всех нападём и одержим блестящую победу.

– Как, и я тоже? – слабо улыбнулась Елизавета.

– Это на твое усмотрение. Разумеется, ни стрелять, ни колоть-рубить от тебя не

потребуется, но помочь ты мне точно сможешь.

– Конечно, Петя, я помогу, ты только скажи как!

– Обязательно скажу, но чуть позже. А пока пересядь поближе, пожалуйста. Или прямо сейчас ляжем? Никаких других дел у меня на сегодня не запланировано.

– Ох, это, значит, такое сложное дело, которое надо заранее на бумагу писать? – захохотала Елизавета, вообще быстро переходящая от грусти к веселью и обратно. – Видела я твои планы, как там все расписано. Пункт первый – то-то, если не вышло, то смотри туда-то, а коли получилось, то переходить ко второму. Так что у тебя там первым пунктом?

– Поцеловаться.

– А если не выйдет?

– Собраться с силами, сосредоточиться, отринуть все не относящееся к делу и повторить попытку.

С утра Сергей переоделся в семеновский мундир и в компании четырех солдат проехался по маршрутам всех своих завтрашних перемещений, просто на всякий случай – а мало ли? Вдруг там успели вырыть какую-нибудь яму, и придется тратить время на раздумья, с какой стороны ее лучше объехать. Потом еще потренировался в стрельбе из ружья и нагана, а после обеда – в уклонении от выстрелов. Зрение у молодого человека было отличное, почти двести процентов, так что иногда ему удавалось увидеть даже начало движения бойка. Но все-таки чаще сигналом о том, что сейчас прозвучит выстрел, была струйка дыма с запальной полки. На этом тренировки закончились, и можно было приступить к выполнению самого плана.

Ужинал император необычно рано и в компании Анастасии Ивановны. Поев и выслушав доклад, из коего следовало, что Голицын безвылазно сидит дома, чувствует себя сравнительно неплохо и вроде никаких воинственных приготовлений не производит, Сергей сел писать письмо. Черновики к нему были составлены еще в дороге, так что много времени это не заняло. И вскоре из Лефортовского дворца один за другим выехали четыре всадника. Первый вез пакет Михаилу Михайловичу Голицыну. Трое оставшихся должны были доставить устные сообщения Миниху, Остерману и владыке Феофану.

Этим вечером старый генерал-фельдмаршал чувствовал себя плохо. И не столь телесно – уже второй день как постоянная грызущая боль в животе вроде ослабла, – сколь душевно. Змееныш вывернулся, остался в живых, победителем вернулся в Москву и сейчас наверняка готовится добить своего врага, хоть верные люди и не докладывали ничего такого. Мол, мальчишка как приехал, сразу окунулся в свои обычные забавы – бегает и стреляет с солдатами. Но нет, не так он прост, наверняка уже догадался, по чьему приказу сгорел дом в Сарском. И значит, генерал-фельдмаршалу оставалось только готовиться к смерти, которая, тут и к гадалке не ходи, наступит раньше, чем предрекал доктор Бидлоо, и будет несколько мучительнее. Может, попробовать самому прибить змееныша, раз это не вышло у исполнителей?

Будь у него хоть самый малый шанс, генерал-фельдмаршал так и поступил бы, но он хорошо понимал, что никакого шанса нет. Слишком уж хорошо охраняют Петра, попытаться можно было только там, где охрана ослаблена, но и то ничего не получилось. Убийца его брата, торжествуя, ведет Россию в пропасть, и единственный понимающий это человек ныне бессилен.

Невеселые думы прервал дворецкий, осторожно постучавший, а потом бочком зашедший в покои.

– Ваше сиятельство, вам письмо от самого государя, – осторожно пискнул он.

– Оставь на столе и иди вон, – приказал Голицын. После чего встал, ожидая привычного наката боли, но почти ничего не почувствовал. Вздохнул и надорвал конверт. Это как же, ему просто приказывают самому явиться к месту ареста? Что-то непохоже на Петра, уж тут-то он точно не поленился бы сам приехать во главе своры своих семеновцев:

бешеной собаке семь верст не крюк, а за спинами солдат мальчишка чувствует себя в безопасности. Как это он упустил такой случай покуражиться?

Однако по мере чтения письма генерал-фельдмаршал все больше и больше впадал в недоумение, а под конец просто перестал что-либо понимать.

Начал император с заявления, что ему известна роль Голицына в недавно состоявшемся покушении. А дальше Михаила Михайловича хоть и холодно, но вежливо приглашали в гости – прямо сейчас, пока это ему позволяет здоровье. В этом ничего такого уж удивительного не было, оно начиналось потом. Как там он пишет?

«Тоскливо, наверное, умирать с сознанием, что все усилия впустую, я остался жив и следовать ни за тобой, ни тем более впереди тебя не собираюсь? Не скажу, что сочувствую, но тем не менее вполне понимаю. И из соображений, которые пока освещать не стану, дам тебе шанс взамен бездарно твоими людьми упущенного. Хочешь меня убить? Убей! Но не сегодня вечером, а завтра утром. О том же, как будет происходить оное действие, я хочу поговорить прямо сейчас, не откладывая. Разговор состоится при свидетелях, но даю императорское слово, что после него ты останешься свободен, и сможешь, поговорив со мной, отправиться хоть домой, хоть куда душа пожелает. Вот только глупостей совершать не надо, душевно тебя прошу. Не бери с собой оружия, его все равно мои люди заметят и пустить в дело не дадут, получится только лишний позор на твои седины. Помни, сегодня – лишь разговор. Дело – завтра. Шанс у тебя, повторяю, будет. Ежели хочешь его упустить – бог тебе судья, и гораздо скорее, чем это предсказывал уважаемый профессор Бидлоо».

Пару минут Михаил Михайлович смотрел на письмо, потом собрался было сунуть его в карман, но передумал. Хоть и чувствовал он, что император нарушать данное им слово не будет, но пусть бумага останется здесь, на видном месте. Ладно, нечего тут долго раздумывать.

Генерал-фельдмаршал набрал полную грудь воздуха и рявкнул:

– Мишка, вели карету запрягать немедленно! Да пошли ко мне кого-нибудь помочь одеться. Бегом, собака ленивая!

Глава 31

К Лефортовскому дворцу фельдмаршал подъехал, когда солнце уже село. Выбрался из кареты, и тут же к нему подскочил разбитной лакей:

– Дозвольте, вась-сиясь, я вас до кабинету провожу, их величество там ожидать изволят.

– Провожай, – брезгливо буркнул Голицын и пошел за лакеем. Хорошо хоть тот не спешил, а двигался сравнительно медленно.

В коридорах дворца было довольнолюдно. И куда ему столько дворни, подумал Михаил Михайлович, раньше тут и половины не толклось. Вон, девчонка какая-то плюгавая уже третий раз по дороге попадаетеся да глазееет на него, хорошо хоть исподтишка. Хотя, может, это разные, просто похожи. И дворня – она, поди, на самом деле и не дворня вовсе.

Девчонка, привлекавшая внимание фельдмаршала, была одна и та же. Она быстро взбежала на второй этаж и сразу кинулась в приемную, где ее уже ждал император.

– Ничего при нем нет, – бодро отрапортовала она. – Ни пистоля, ни ножа, разве если только совсем маленький, тогда я могла не заметить. Вот такой – девочка двумя пальцами показала, какой именно.

– Спасибо, Дуся, – кивнул царь, повернулся и мимо стоящих на карауле семеновцев прошел к себе.

Поднявшись на второй этаж, Голицын немного постоял, дабы успокоилось дыхание. Лакей не торопил, смирно переминался впереди, отворотив морду. Все, кажется, можно идти дальше, вроде осталось совсем немного.

В небольшом кабинете, рассчитанном на прием одного-двух человек, сейчас пребывали шестеро. Ближе всего ко входу стоял генерал-аншеф Миних – ну, это ясно, куда ж теперь без

него. За ним, словно пытаюсь спрятаться за широкой спиной, переминался с ноги на ногу вице-канцлер Остерман. У окна стояли владыка Феофан и цесаревна. Сзади, у самой двери в спальню, угрюмо набычился мужик зверообразного вида, и смотрел он на генерал-фельдмаршала очень неласково. Голицын вспомнил, что ему докладывал один человек, знавший Афанасия Ершова еще в те времена, когда тот был какой-то лакейской мелочью, а не мажордомом. Мол, это личный царский палач. Предан как пес, злобен еще более и силищи неимоверной: ему голыми руками человека разорвать – это раз плюнуть. Вот он стоит, смотрит зверем, за поясом молот, а в руке какую-то железяку держит – не то инструмент членовредительный, не то просто метательный нож.

На самом деле то, что держал «палач», было всего лишь зубилом. Правда, не простым, а с твердосплавным наконечником. Федор имел небольшое понятие о слесарном ремесле и был поражен тем, как легко у него получалось рубить твердый, но неожиданно легкий металл, на коем напильник оставлял только малые царапины. Видя, как неохота Ершову выпускать из рук чудесный инструмент, Сергей тут же добавил к его должности особоуполномоченного еще одну, с гораздо более внушительным названием – главный хранитель Большого Императорского Зубила. С увеличением и без того немалого оклада еще на семь рублей в год. И вот теперь Ершов, хоть и понимал важность момента, нет-нет да и любовался доверенным ему сокровищем. Молоток же он повесил по своей инициативе – потому как без него с зубилом все равно работать нельзя, так пусть будет рядом.

В центре кабинета стоял небольшой стол с двумя стульями друг напротив друга. На дальнем от двери сидел император, ближний был пустым.

– Садись, Михаил Михайлович, в ногах правды нет, – пригласил его царь, – а мне ее хочется узнать, и до самого конца.

– Не понимаю, о чем ты, – с надменным выражением на лице произнес Голицын, садясь.

– Так уж и не понимаешь? Тогда слушай. То, что ты хотел меня убить да цесаревны за компанию не пожалел, мне ведомо. Но не получилось, однако хотеть ты от этого не перестал, просто руки до меня ну никак не доставали. И теперь у тебя появился шанс. Потому как ежели ты сейчас мне напишешь, что я хочу, то завтра утром выйдем мы... нет, не совсем в чисто поле. На площадку размером сто шагов на пятнадцать. С тем оружием, которое каждый на себе принесет. Из кареты, что подъедет к той площадке на сто сажень, ближе все равно из-за кустов не получится.

Этот пункт Сергей внес на тот случай, если Голицын за ночь вдруг сможет раздобыть пушку. От картечи никакой бронежилет не спасет, а Новицкому пушка не поможет, он все равно с ней толком обращаться не умеет.

– Так вот, – продолжил речь император, – зайдем мы туда двое с разных концов, а выйдет один. Тот, кто в живых останется. Однако перед этим ты напишешь мне документ о трех пунктах. В первом расскажешь о всех сообщниках своих, да без утайки, ибо кое-что я и сам знаю. Замечу умолчание – значит, договор побоку, езжай домой да жди там ареста. Вторым пунктом завещаешь ты мне все движимое и недвижимое имущество, включая то, что уже попрятано в предвидении конфискации. Про это я тоже знаю, хоть и не все, и тут тоже проверю с тем же результатом. И наконец, третий пункт будет обращен к Совету. В нем, как старейший его член, ты попросишь выполнить свою предсмертную волю – немедленно признать меня совершеннолетним, снять опеку и вручить бразды самодержавного правления.

– Думаешь, напишу? – криво усмехнулся Голицын.

– Думаю, напишешь. Потому что от меня тоже будет документ. Гораздо короче, нежели твой, и гораздо весомее. Завешание, в коем я назначу тебя своим наследником, а подпишут его все здесь присутствующие.

По комнате пронесся негромкий многоголосый вздох, а царь невозмутимо закончил:

– На раздумья могу дать десять минут. Часы – вон они.

– Перо и бумагу давай, – хрипло сказал фельдмаршал.

Голицын писал свою бумагу долго, минут сорок. Потом ее быстро прочел император, убедился, что явных умолчаний или ложных сведений там вроде нет, после чего все присутствующие, включая Михаила Михайловича, но исключая Федора, подписали императорское завещание, на составление которого потребовалось совсем немного времени.

– Все? – спросил фельдмаршал.

– Да, все, встречаемся на площадке через полчаса после рассвета, а пока не смею более задерживать, – кивнул Сергей.

Вслед за Голицыным кабинет покинул Остерман.

– Вижу, у оставшихся явно есть какие-то вопросы, – встал молодой царь, – и я готов их прояснить. Владыко, начнем с тебя. Говори.

– Все ли ты продумал, государь, уместно ли твоей особе устраивать поединок и не есть ли твои решения плод поспешной горячности?

– Не есть, у меня было время подумать. И где тут поединок или, упаси господь, дуэль? Суд Божий в чистом виде. Я, молодой и почти ничего не умеющий, выхожу против старого солдата, который в сражениях провел больше времени, чем мне довелось прожить на свете. Но за мной правда, и поэтому я знаю, кто завтра останется в живых. И вы это наверняка понимаете или совсем скоро поймете. И точно так же, как Бог даст мне победу в моем деле, Он наверняка поможет вам в многотрудных делах по очищению церкви, необходимость которого ныне видна даже мне.

«Ну, понял ты наконец, что я даю тебе карт-бланш на любые кадровые перестановки, – думал Сергей, внимательно глядя на Феофана. – Вижу, понял».

– Истину глаголешь, государь, – поклонился владыка, – и я, с твоего позволения, удаляюсь, дабы приступить к молитвам о расточении врагов твоих.

– Ну, а ты что хочешь сказать, будущий генерал-фельдмаршал? – обратился царь к Миниху. – Да, именно так. Не оставлять же пост президента военной коллегии, пока занимаемый Голицыным, совсем пустым. Но и назначать туда простого генерал-аншефа тоже как-то не очень. Завтра, разумеется.

– То-то и оно, государь. Ведь насчет опыта Голицына ты сказал чистую правду.

– Я вообще врать не люблю. Итак, смотрим. Я молод и здоров, мой противник стар и болен. Что дальше?

– Он отличный стрелок, ваше величество. И ружья у него найдутся всяко не хуже твоего шведского.

– Знаю. Однако здесь потребны частые упражнения, без них навыки стрельбы слабеют. Когда он последний раз брал в руки ружье? Хорошо, если в позапрошлом году. Я – сегодня днем. И стреляю тоже неплохо, можешь мне поверить. Наконец, вряд ли он сможет заснуть этой ночью в отличие от меня, а такое хоть немного, но обязательно скажется.

Неизвестно, насколько аргументы императора убедили Миниха, но он, спросив разрешения, вышел. В кабинете, кроме императора и Федора, оставалась только Елизавета.

– Ох, Петенька, – всхлипнула она, – прошу тебя, не умирай завтра! И ведь нельзя нам сейчас быть вместе, тебе выспаться надо, а я за тебя молиться буду.

– Ну, а ты что скажешь? – спросил Сергей у Федора, когда они остались вдвоем.

– Чего тут говорить-то? – изумился главный хранитель зубила. – Прибьешь ты его завтра, государь, и правильно сделаешь, нечего всяким тут умышлять непотребное.

Когда император прибыл в назначенное место, слабый ветерок уже разогнал остатки утреннего тумана. Было довольно прохладно, чему молодой человек только радовался, потому как под бронежилетом у него имелась войлочная поддевка. Но потеть явно не придется.

Новицкий, хоть и явился минут за пятнадцать до назначенного срока, увидел, что все действующие лица предстоящего спектакля уже собрались.

Миних заканчивал обозначать границы площадки колышками. Так как мерил он ее своими шагами, то в длину она получилась метров девяносто. Голицын сидел на раскладном

стульчике – видно, отдыхал перед боем после трудного пути в двести метров. В красном мундире с золотым шитьем, чему молодой царь отдельно порадовался. В стороне Феофан поддерживал под руку Елизавету, а вокруг них потерянно бродил изжелта-бледный Остерман.

Сергей присмотрелся к оружию противника. Все как и предполагалось – ружье, пистолет и шпага. Причем ружье заметно крупнее шведского, что держал император.

Сам он был вооружен почти так же – ружье, наган за пазухой и тонкий кинжал.

Наконец все приготовления закончились, и противники встали у коротких сторон площадки. У обоих ружья в положении «к ноге». Бой должен был начаться, когда Миних выстрелит из пистолета. Вот он поднял руку...

Разумеется, царь уже смотрел на Голицына, но все равно опоздал. Ружье Новицкого прошло только полпути вверх, а дуло фельдмаршальского глядело прямо на противника. Как он ухитрился вовремя увидеть тонкую струйку дыма с запальной полки, Сергей потом и сам удивлялся. Но среагировать успел. Отбрасывая ружье вправо для увеличения скорости, он метнулся влево за миг до того, как услышал грохот выстрела. Жив? Вроде да, подумал молодой человек, поднимаясь на четвереньки. Ну, значит, теперь можно не волноваться. Для здешних пистолетов предельная дистанция стрельбы – тридцать метров, с большей в человека не попадет никакой мастер. А что там поделявает Михаил Михайлович? Да, упорный старик – бежит ко мне. То есть ковыляет со всей скоростью, на которую способен, а это примерно километров десять в час.

Новицкий поднял свое ружье. Так, ствол не забился ни землей, ни травой. Теперь взводим курок. Щелкнул? Отлично! Значит, будет стрелять, ведь тут сейчас стоит капсюль, а не кремень.

Император упер приклад в плечо, прицелился и стал ждать, когда его противник приблизится на шестьдесят метров. С такого расстояния промахнуться будет трудно, но даже если случится подобный конфуз, останется время достать наган и уже из него пристрелить фельдмаршала, не подпуская на дистанцию его выстрела. Так, уже пора, задерживаем дыхание...

Кажется, Голицын тоже почувствовал выстрел заранее и попытался уклониться вправо, но ружье Новицкого почти не имело задержки. И хотя облако дыма от выстрела сразу скрыло противника, Сергей был уверен, что попал.

Он шагнул вперед и в сторону. Голицын лежал на спине, руки его бессильно скребли траву, а пистолет валялся метрах в полутора. На губах фельдмаршала пузырилась кровавая пена.

«Получается, в сердце я все-таки не попал, – огорченно подумал Сергей. – Потому как покинуть площадку допускалось только после того, как один из бойцов умрет. И значит, старика теперь придется добивать. Так, где у него шпага? Нет, из такого положения он ее быстро вытащить при всем желании не сможет. Ладно, пора доставать кинжал, не из нагана же его достреливать на глазах у всех!»

Однако до крайностей дело не дошло – Голицын умер еще до того, как император подошел к нему вплотную. Сергей на всякий случай пощупал пульс, выпрямился, расстегнул ремешок бронешляпы, снял ее и обратился к зрителям:

– Господа! С прискорбием сообщаю вам, что в результате тяжелой и продолжительной болезни скончался выдающийся государственный деятель, блестящий военный, герой многих сражений князь Михаил Михайлович Голицын. Вместе с вами я скорблю о постигшей нас невосполнимой утрате. Все всё поняли?

Не все, вынужден был признать Новицкий, оглядывая аудиторию. Нет, Миних-то сразу врубился, вон какая физиономия довольная. То, что Остерман стоит с отвисшей челюстью, это ладно, но сомнения Феофана лучше рассеять сразу.

– А как же иначе, владыко? – обратился уже конкретно к нему молодой царь. – Все мы знаем, как тяжело болел последнее время фельдмаршал, и не мы одни. И разве удивительно, что разум его не выдержал страданий, отчего и произошли некие прискорбные события? Но

мы о них забудем с истинно христианской кротостью, ибо настоящая причина смерти Михаила Михайловича – именно болезнь, а все остальное лишь следствия из нее, ныне маловажные. То есть нет в моих словах и самой толики неправды.

– Господи, упокой душу грешного раба твоего Михаила, – перекрестился архиепископ.

– Прошу позаботиться о достойных похоронах, – повернулся к нему император. – И сразу после отдачи необходимых распоряжений мы едем в Кремль, где последняя воля покойного будет оглашена перед Верховным тайным советом.

Церемония прошла быстро и как-то буднично. Сначала владыка Феофан зачитал бумаги, потом Остерман произнес краткую, но прочувствованную речь, призывающую немедленно уважить завещание Михаила Михайловича Голицына, после чего Миних предъявил текст последнего указа Совета, и тот его без каких-либо возражений подписал. Затем Сергей объявил о присвоении Христофору Антоновичу чина генерал-фельдмаршала и назначении его президентом военной коллегии, на чем действо в Золотой палате Кремля и закончилось.

В Лефортовский дворец возвращались вдвоем – император, цесаревна и Миних. Разумеется, не считая охраны. Все молчали.

«О господи, наконец-то этот ужас закончился, – думала Елизавета, украдкой наблюдая за Новицким. – А Петя – просто герой! Сколь спокоен он был перед боем и после него, даже в голове не укладывается. Мой герой. Наверное, сейчас он думает обо мне – вон какая улыбка мечтательная».

Новоиспеченный генерал-фельдмаршал тоже был доволен своим императором. Мальчик показал, на что он способен, причем не только в бою, но и в политике. Интересно, чему он улыбается? Надо думать, только сейчас окончательно понял, какое большое дело благополучно завершилось.

Однако и Миних, и цесаревна ошибались. Фельдмаршал чуть больше, Елизавета чуть меньше.

«Значит, сразу после обеда в спальню с Лизой, – думал Новицкий. – Сейчас от этого не отвертишься, да и не больно хочется, если честно. Ведь соскучился же! На постель выделяем полтора... нет, все-таки лучше два часа. Или даже два с половиной, но никак не больше трех. Зато потом – на задний двор! Ведь до сих пор из-за всей этой свистопляски я так и не удосужился посмотреть, как там чувствует себя огород, посаженный перед самым отъездом.

Кукуруза. Она, конечно, толком дозреть в здешнем климате не успеет, но и недозрелая весьма хороша. Картошка. Помидоры четырех сортов! Баклажаны, топинамбур и подсолнухи. И кабачки!»

Император вспомнил, какое это объединение – кабачки, обваленные в муке и поджаренные на подсолнечном масле.

Вот тут на лице молодого царя и появилась улыбка, столь по-разному истолкованная цесаревной и генерал-фельдмаршалом.

Глава 32

Огород привел Новицкого в состояние законной гордости, хотя, строго говоря, он принимал в его организации в основном руководящее участие. Но все-таки семена помидоров замачивал меж двух тряпочек, а потом сажал проросшие в деревянные горшочки сам. И это было единственное, что оказалось сделано не очень хорошо. То есть просто поздно – сейчас, во второй половине августа, плоды были совсем маленькими и зелеными, а кое-где еще не опали цветы. Зато все остальное, особенно кабачки, радовало глаз. Правда, сосчитав подсолнухи и прикинув, сколько с них получится надавить масла, император пришел к выводу, что в этом году лучше лакомиться кабачками на конопляном масле, по

идее тоже должно получиться неплохо, а все семечки пустить на семена.

Что интересно, сопровождающая царя Елизавета уже видела многие из представших ее взору растений. Во всяком случае, помидоры, кабачки и подсолнухи она опознала сразу. Выяснилось, что цесаревна расширила свой ботанический кругозор в каком-то Аптекарском огороде. Расспросив спутницу поподробнее, Новицкий выяснил, что эту контору основал, как и ожидалось, Петр Первый, а находится она примерно там, где в двадцать первом веке располагался Ботанический сад.

– Вот только зачем тебе томаты? – удивилась цесаревна. – Мне сказали, что они очень ядовиты.

– Соврали, наверное, – пожал плечами Сергей. – Или там у них какие-то помидоры неправильные. А эти точно можно будет есть, когда созреют, мне их семена привезла в подарок могижанская княгиня. И все остальные тоже.

– Да уж, кабачки-то какие огромные, в Аптекарском огороде были гораздо меньше, – оценила подарок Елизавета.

– В Америке, говорят, вообще очень много полезнейших растений, а если бы их бизоны не жрали да не вытапывали, то было бы еще больше.

– А кто такие бизоны?

– Быки такие здоровенные, раза в два поболее наших да шерстью сильнее покрытые, особенно спереди. На зубров похожие. Бегают стадами по несколько тысяч голов и топчут все так, что за ними вообще ничего, кроме взрытой земли, не остается.

– Петенька, какой ты умный! – восхитилась цесаревна. – И красивый, а еще сильный, смелый и неутомимый. Нет-нет, это я просто так, нам на сегодня уже хватит.

Ближе к вечеру на задний двор Лефортовского дворца въехала неказистая крестьянская телега, крытая рогожами, в сопровождении четырех неприветливого вида мужиков и небольшого возка, из которого сразу вылезла невысокая плотная старушка и устремилась к черному ходу. Вскоре телега была взята под охрану десятком семеновцев, а старушка окольными путями, минуя парадные залы и коридоры, добралась до царской приемной, из которой ее без всяких вопросов пропустили в кабинет.

– Здравствуй, батюшка-государь, – поклонилась она при входе.

– И тебе не болеть, Анастасия Ивановна. И знаешь, не надо меня батюшкой звать, а то я сам себе кажусь не то попом, не то вообще стариком девяностолетним. Как там наши дела – один клад привезла или оба?

Быстрое выкапывание голицынских кладов было частью задания, полученного бабкой накануне поединка. Потому как даже в случае проигрыша Новицкого оставлять их в земле было как-то не по-хозяйски. Однако все прошло хорошо, а в таком разе клады предполагалось доставить в Лефортовский дворец.

– Оба, государь, оба, они ж недалеко лежали, поленился Михаил Михайлович их серьезно прятать.

– Все прошло нормально, жадность твоих людей не обуяла?

– Нормально, ваше величество. Правда, один человечек все-таки не выдержал, глазки у него забегали не по-хорошему, и думы появились неправильные, я уж такого на своем веку навидалась.

– И что?

– Да ничего особенного, государь. В той яме, что от сундука осталась, и закопали болезного, а потом сверху аккуратненько свежим дерном заложили, так что теперь и не найдешь местечка-то.

– Ладно, тут тебе виднее. А как у нас поживает Лесток?

– Не сказать чтобы уж очень хорошо. Страшно ему стало, как узнал про смерть Голицына да начало твоего самодержавного правления. Собрал он вещички и вот как раз сейчас собирается в бег. Как стемнеет, так и выедет.

– Наверное, далеко не уедет? – предположил император.

– А это уж как ты, государь, прикажешь. Можно и взять его, авось и расскажет чего интересного. Но я мыслю, что это вряд ли, мы его сказки и так знаем, а уж после той голицынской бумаги и подавно. Зато интересно, куда он побежит: просто так, лишь бы от тебя подальше, али к кому-нибудь? Он ведь не один в бега собрался, а с дамой сердца.

– Это с твоей Анютой, что ли?

– Именно так, ваше величество.

Эх, подумал Сергей, самую умную и красивую фрейлину у меня уводит какой-то прохиндей невразумительной национальности. Может, пресечь это безобразие в зародыше? Хотя, с другой стороны, будет у бабкиной внучки производственная практика, причем вполне возможно, что и заграничная. Куда он, кстати, лыжи-то наострил?

– Этого не говорил он пока внученьке, – пояснила бабка. – Но та сама выяснила, что поедут они по калужскому тракту. А ей обещал кобелина показать жизнь иноземную, сказочную, отчего думаю я, что его к ляхам потянуло.

– Обманет ведь насчет сказочной-то жизни, – вздохнул Сергей.

– Обмануть можно того, кто верит, – возразила Анастасия Ивановна. – Неужели ты мою внучку такой душой считаешь, которая этому немчику поверить сможет? Ведь говорил же с ней, и не раз.

– Да, бабушка, тут я немного ступил. Что сделал? Ну, иными словами, недодумал. Хорошо, пускай Лесток бежит, куда вздумается, раз уж он под присмотром, а мы с тобой давай сходим да посмотрим, что ты мне привезла. Сама-то внутрь заглянула?

– Не без этого, государь, а то вдруг это обманка, кирпичом али трухой набитая? В большом сундуке мягкая рухлядь, а в малом...

– Чего-чего в большом?

– Меха всякие ценные. Не очень я сильно в них разбираюсь, но похожи на соболиные. А в малом – золотых петровских червонцев пуда три да украшений с камнями около пуда.

За время пути до телеги Сергей попытался прикинуть, сколько это будет в рублях. Петровский червонец чеканился из золота наивысшей пробы и весил три с половиной грамма. Значит, деньгами там чуть меньше ста пятидесяти тысяч рублей. Неплохо, подумал Новицкий, будет на что ускорить изготовление паровика и генератора до возможного предела, и еще останется! Украшения пусть Остерман найдет кому продать, вроде бы в откровенном воровстве он не замечен ни мной, ни бабкиными людьми, ни историками двадцать первого века. А вот софт-рухлядь надо поручить кому-нибудь другому, негоже складывать все яйца в одну корзину. Отобрать же несколько шкурок на подарок Елизавете он сможет и сам, тут в ценах разбираться не обязательно. Хотя, наверное, Лизе не помешают и драгоценности, но здесь очень велик риск сесть в лужу. Может, пусть сама выберет? Но вываливать перед ней все сразу... нет, это как-то скорее по-купечески, чем по-императорски, да и не стоит зря вводить девочку в искушение.

«Будем рассуждать логически, – решил император. – Итак, для чего женщинам украшения? Чтобы в них красоваться. Перед кем? Наверное, перед родными и любимыми. Можно, конечно, в них еще блистать на балах, но это уже вторично. То есть конкретно Лизе они нужны для произведения впечатления на меня или на кого-то еще. Так и нефиг этому «кому-то» за мой счет на моей женщине драгоценностями любоваться! Облезет, зараза такая. Получается, что я их практически выбираю для себя, и значит, ориентироваться следует исключительно на свой вкус, никакими другими параметрами не заморачиваясь».

Когда они с бабкой уже подходили к телеге, мысли молодого императора обрели логическое завершение. Выглядело оно примерно так: «Я ведь нутром чую, что мне больше нравятся самые дешевые, но только как их сразу найти в этой куче?»

Поднимаясь по лестнице после того, как оба сундука были заперты в специально выделенной подвальной комнате, отныне находящейся под круглосуточной охраной, Новицкий с трудом сдерживал довольную улыбку. Потому как его героические ужимки и прыжки под вражескими пулями уже начали приносить дивиденды. И правильно – зря, что

ли, старался?

Действительно, если бы он чин-чином арестовал Голицына и официально конфисковал его имущество, то до этих сундуков скорее всего не добрался бы. А там, между прочим, очень и очень немало по нынешним меркам. Да, усадьбы в Перово и где-то еще остаются родственникам, но и пес с ними, это копейки. Как и с питерским домом, он даже на фоне Летнего дворца не очень смотрится. Зато дворцы в Охотном ряду и на Тверской переходят императору по завещанию, плюс пять с чем-то тысяч душ в Московской и Тверской губерниях. В общем, получил он примерно в полтора раза больше, чем могла дать конфискация, причем существенную часть – сразу деньгами, что очень и очень кстати. Как, собственно говоря, и задумывалось. Можно было, конечно, после поединка не объявлять причиной смерти князя болезнь, а выложить все как есть. Тогда появился бы повод прибрать еще что-нибудь из имущества, но зато завещание покойного стало бы каким-то сомнительным. Мол, с какой стати его принимать во внимание, раз оно от цареубийцы? Нет, и здесь все было сделано правильно. «Так держать, Петр Алексеевич!» – напутствовал себя молодой царь, проходя в кабинет.

Перед сном еще оставалось время на размышления, и Сергей снова прокрутил в памяти сцену поединка. Интересно, в какой мере его победа случайность, а в какой нет? Итак, Голицын смог поднять ружье значительно быстрее, чем ожидал Новицкий, а времени на прицеливание вообще практически не тратил. И если второе понятно, мастерство не пропьешь, то как быть с первым?

Да точно так же, сообразил молодой человек. Это же стандартное солдатское упражнение – подъем ружья из положения «к ноге» в боевое. Сколько тысяч раз его проделывал князь? Много, очень много. А он, император? Где-то от десяти до пятнадцати – и на этом успокоился. Из-за чего чуть не проиграл. Но, что самое интересное, благодаря ему же и выиграл.

Потому что Голицын солдат и всю свою жизнь воевал с солдатами. И, увидев начало подъема ружья, не мог предположить, что на середине этот процесс прервется и ружье полетит в одну сторону, а его владелец – рыбкой в другую. Любой солдат на месте Сергея, хоть новичок, хоть ветеран, обязательно бы довел начатый прием до конца – их так учили. И Голицына в свое время тоже – вот на этом он и прокололся.

На следующий день после взятия в свои руки всей полноты власти молодой император с утра написал письма Василию и Алексею Долгоруковым, в которых благодарил их за долгую беспорочную службу и выражал надежду, что длительный отдых в загородных имениях поможет им восстановить силы, растроченные на ниве беззаветного служения государству Российскому. Остермана же с Головкиным пригласил на аудиенцию – Андрея Ивановича после завтрака, а Гавриила Ивановича – после обеда. И вот настало время приема первого визитера, то есть вице-канцлера. Выглядел тот, прямо скажем, не очень хорошо. Вот ему-то, пожалуй, действительно не помешал бы отдых в отличие от Долгоруковых. Но работать-то тогда кто будет? Да и дело, которое молодой император собирался поручить оному государственному мужу, при желании тоже можно будет рассматривать как разновидность отдыха. Во всяком случае, бегать уж точно никуда не придется, да и волноваться в общем-то тоже.

– Хотя ты, Андрей Иванович, и лишился поста в Совете за исчезновением такового, но без твоей помощи править мне будет тяжело, так что решил я назначить тебя императорским советником по вопросам государственного устройства. Как ты на это смотришь?

– С радостью, государь.

Однако весь вид вице-канцлера находился в некотором противоречии со сказанным – ни восторга, ни даже самого слабого удовлетворения почему-то не наблюдалось.

– Твоя работа будет заключаться в том, что станешь ты писать мне доклады на заданные темы. Не торопясь, сиюминутным я тебя нагружать не собираюсь. Нужен месяц – столько и работай, даже если вдруг два-три понадобится – тоже не страшно.

Вот тут на лице Остермана, пусть и с некоторым опозданием, проступила самая настоящая радость. Действительно, что может быть лучше, чем большую часть времени находиться в почтительном отдалении от молодого царя! Дабы не оказаться втянутым ни в какую историю наподобие вчерашней или, упаси господь, приключившейся весной в доме Ушакова.

– Значит, первый твой доклад как раз и будет посвящен высшим государственным органам Российской империи – Сенату и недавно распущенному Верховному тайному совету. На основании разбора работы последнего я жду от тебя рекомендаций по улучшению деятельности Сената. Если же ты считаешь, что необходим еще какой-то орган, обосновывай, всегда готов рассмотреть любое взвешенное предложение. В общем, я на тебя надеюсь, дорогой Андрей Иванович.

Головкин выглядел гораздо лучше Остермана, но сразу после взаимных приветствий начал жаловаться на здоровье. В ответ император поинтересовался, как, по мнению уважаемого Гавриила Ивановича, Остерман справится с руководством российской дипломатией.

– Да никак! – зло сказал канцлер, никаких теплых чувств к вице-канцлеру не испытывающий. – Будет что ни день на болячки свои жаловаться, интриги плести да поклепы на честных людей писать.

– И ты хочешь оставить меня только с ним? – огорчился Новицкий. – Или, может, сам еще поработаешь немного? Согласен, лет тебе больше, но ты ведь молодцом выглядишь, а не старой развалиной, как Андрей Иванович.

В общем, Головкин согласился, и Сергей начал излагать ему свое видение внешней политики:

– Воевать я в ближайшие годы ни с кем не собираюсь, потому что нечем. Армии, почитай, нет, а то, что есть, это не армия. Миних говорит, что на приведение ее в порядок нужно два года. Мне же мнится, хорошо, если он за три управится, а по уму и вообще надо четыре. Я правильно понимаю обстановку или что-то упускаю?

– Правильно, государь, не след нам сейчас ни с кем воевать, но сие не от нас одних зависит. В Польше королем сейчас Август Сильный, но больно уж он, в соответствии с прозвищем, сильно предается излишествам, кои в любой момент могут свести его в гроб. А французы тогда наверняка постараются провести в короли Станислава Лещинского, что будет означать союз Польши, Швеции и Османской империи. В таком разе они нам без всякой войны смогут диктовать, что захотят.

– Мне Кристодемус сказал, что Август протянет еще года три, но нам, конечно, нужно быть готовыми ко всему. С чем Остерман точно не справится, тут я согласен. А ты еще хотел в какую-то отставку! Рано, канцлер, рано. Впереди ждут великие дела. Про твою роль в них небось пииты будут оды слагать.

– Не перехвали, государь. Да и нет у нас пока никаких пиитов.

– Нет, потому что не нужны, а понадобятся – в момент найдутся. Чего тут хитрого, стишки сочинять? Может, и сам на досуге займись – если, конечно, оный досуг появится.

Против воли в голове у молодого императора тут же возникли две первые строки будущей эпической поэмы:

Служил Гаврила дипломатом,
Гаврила ноты рассылал...

Глава 33

Начало сентября ознаменовалось тем, что в Москву прибыла последняя партия медной проволоки и первая – железных пластин для изготовления генератора. Случилось это

событие около полудня, а ближе к вечеру произошло еще одно, и тоже связанное с прибытием. В древнюю столицу Российской империи явился майор Абрам Петрович Ганнибал. Рапорт о чем он тут же отправил в Лефортовский дворец, а сам остановился на постоялом дворе. Прочитав принесенную ему бумагу, император назначил Ганнибалу аудиенцию на следующее утро, сам же ненадолго задумался. Ведь этот прадед Пушкина находился при Петре Первом как минимум двадцать лет, и последние десять из них – неотлучно. И всего-навсего майор! Дома в Москве нет, в Питере был небольшой деревянный, да и тот куда-то делся за время сидения Ганнибала в ссылке. А о чем это может говорить? Либо о том, что данный субъект способностями обладает весьма средними, если не сказать больше, и ничего другого просто не заслуживает.

Однако Миних, например, этого не подтверждает, да и Пушкин вроде писал о своем предке весьма одобрительно. Либо такое положение дел связано с тем, что Абрам Петрович не карьерист и не вор. Если же он кроме этого действительно талантливый военный инженер, то ему самое место в ближнем круге молодого императора. Как бы это все попроще и побыстрее проверить? Ага, вот тут-то помимо своего основного назначения проволока и пригодится, но ее одной будет мало. Нужно еще что-то такое... этакое... ну, в общем, для вора и карьериста привлекательное. Есть у меня такое, сообразил Новицкий, это дворец Голицына в Охотном ряду. Он только называется дворцом, а на самом деле там три больших здания и штук шесть – не очень, причем кое-чему и ремонт пришелся бы кстати.

Да и вообще, раз уж этот дворец становится императорским, то там не помешает... ну, например, аллея с голыми статуями и фонтанами. Или небольшой зимний сад. Или еще что-нибудь для красоты. Вот и посмотрим, как и в каком направлении начнет действовать возвращенный из ссылки майор. В соответствии с именем или, наоборот, с фамилией.

Вообще-то Сергей ожидал увидеть негра, и ему представлялось что-то вроде Луи Армстронга в зрелые годы, однако визитер оказался не намного темнее самого Новицкого. Примерно как таджик, прикинул император. Лицо тоже совершенно явно не негритянского и кого-то к тому же сильно напоминающее. Интересно, кого? Да Пушкина же, сообразил молодой царь. Вот если Александру Сергеевичу его нос заменить на слегка курносый, а физиономию сделать квадратной, то получится вылитый Ганнибал. Даже подкрашивать почти не придется, Пушкин, судя по портретам, тоже был смугловат. В общем, вполне приличный дядька лет сорока на вид. С таким и разговаривать совсем не противно.

– Проходи, Абрам Петрович, садись вот сюда. Ты какой напиток предпочитаешь – чай, кофе или брусничную воду? Вина у меня во дворце нет, сразу предупреждаю.

– Кофе, ваше величество.

– Хорошо, и я его выпью за компанию.

Сергей дернул за шнурок, раздалась переливчатая трель звонка, и вскоре дежурный камердинер внес две чашки.

– Э... это что? – осторожно осведомился гость.

– Кофе.

– Государь, а тебя не обманывают? Оный напиток и выглядит, и пахнет не так.

– Да нет, просто он не очень крепко заваренный, с сахаром и сливками. Мне так больше нравится. Попробуй, если не подойдет, то скажу, чтобы заварили, как ты привык.

– Благодарю, ваше величество, меня, разумеется, устроит и то, что принесли.

Кофе выпили в молчании. Император присматривался к гостю – совсем непохоже, чтобы в Сибири он страдал от голода или холода. Хоть сейчас его на плакат, рекламировать здоровый образ жизни. Однако на всякий случай Ганнибалу был задан вопрос о здоровье, и после вполне ожидаемого ответа Новицкий начал ставить задачи:

– Есть у меня два дела, кои не знал я кому поручить, а тут вдруг ты пришел. Первое – так даже и не совсем дело, оно небольшое. Вот, смотри.

Сергей выложил на стол метр медной проволоки, недавно изолированной им лично.

– Значит, нужно вот так, как здесь, аккуратно, виток к витку, обмотать медь ниткой, а потом сразу промазать рыбьим клеем. Всего есть шестнадцать катушек по шестьдесят

аршин. А вот людей у меня на это нет, все заняты. Но тут почти любая баба справится, дело нехитрое. Просто мне надо быстро, самое большее через неделю. Возьмешься устроить такое дело?

– Возьмусь, государь, – пожал плечами Ганнибал, вертя в руках образец, – а можешь сказать, для чего такое надобно?

– Конечно. Мы тут недавно с Нартовым открыли электрическую силу. Она может ровнехонько покрывать что угодно медью, а также щипать человека за язык. Я же мыслю, что только этим ее свойства вряд ли ограничиваются, и хочу производить дальнейшие опыты. Вот для них мне такой проводник и нужен, ведь электрическая сила протекает только по металлам, причем по меди – лучше всего. А ниткой ту медь надо обмотать, дабы сила с нее никуда вбок не убегала, а двигалась только в нужную сторону. Если хочешь посмотреть, как это выглядит, зайди к Нартову и покажи бумагу, я ее сейчас напишу, он тебе все объяснит. И поможет, если для обматывания какие-либо приспособления понадобятся. Найти его можно на заводе, что строится в версте выше дворца по Яузе.

Император достал из ящика бланк допуска низшего уровня, быстро его заполнил и передал гостю, после чего извлек еще один лист, на сей раз заметно больших размеров, и повел речь дальше:

– Следующее же дело связано с моей новой резиденцией, что досталась мне по завещанию Михаила Михайловича Голицына. Нужно привести ее в такой вид, дабы там при необходимости не стыдно было принять и самых важных персон. Вот план, меня в основном интересует вот этот дом и два вот этих, остальные пока подождут. Кстати, тебе же в Москве жить негде? Ну так можешь занимать любое здание с этого плана, кроме тех трех, кои я только что указал. Однако средств у меня не очень много, пока могу выделить только восемь тысяч рублей, но мне хочется, чтобы они были истрачены с наибольшей пользой. После чего будет видно, не засиделся ли ты в майорах. Возьмешься еще и за такое дело?

– Возьмусь, ваше величество.

– Очень хорошо. Тогда сейчас зайди в канцелярию, это от приемной четвертая дверь по коридору направо, на ней еще табличка висит, так что не ошибешься. Там тебе выправят все необходимые бумаги. Раз в неделю – письменный доклад мне лично. По пятницам, время скажут в приемной. Очень приятно было познакомиться, и я надеюсь, что оное знакомство будет и далее продолжаться в том же ключе, а пока более не задерживаю.

Естественно, что, взяв на себя всю полноту самодержавной власти, император просто вынужден был начать заниматься государственными делами. Он и начал, выделив под это два дня в неделю – среду и пятницу. Из тех соображений, что дни все равно постные, так что даже если от дел и немного пропадет аппетит, то ничего страшного в том не будет. Однако он уже начал задумываться об организации этого процесса таким образом, чтобы государственные дела все-таки отнимали у него поменьше времени. Первым шагом стало учреждение канцелярии, следующим на очереди был секретариат, а пока его задачи как-то пытались выполнять два камердинера, отобранных Ершовым по критерию наибольшей грамотности. То есть люди могли писать с умеренным количеством ошибок, но до полноценных секретарей им было пока далеко. И значит, поручения Ганнибалу Новицкий составил таким образом, чтобы в процессе их выполнения можно было посмотреть, к чему имеет наибольшую склонность Абрам Петрович. К науке, технике, строительству, воровству или крючкотворству? Наиболее желательным был последний пункт, но и остальные тоже сойдут – кроме, естественно, предпоследнего.

Следующим в очереди на прием был купец Иконников. Его визит после непродолжительных раздумий император тоже отнес к государственным делам. И вообще последнее время он при виде любого посетителя первым делом прикидывал: а не получится ли вот на этого свалить хоть что-то из своих императорских обязанностей? Пару раз уже действительно получалось.

Купец, понятное дело, явился с подарками. Притащил он с собой бочонок меда со своих рязанских пасек, четверть пуда кяхтинского чая и приличных размеров отрез китайского шелка. Последнему император был искренне рад, потому как шелк шел на изоляцию для генератора и прочих изготавливаемых на месте деталей маяка, и все, до чего Сергей мог дотянуться, уже было пущено в дело. Последнее время молодой царь даже с интересом присматривался к наносящим ему визиты дамам высшего света, но интерес тот не имел никакого отношения к эротике. Молодой царь пытался сообразить – не из шелка ли их платья или, например, белье. И под каким бы предлогом все это снять, не накладывая на себя постельных обязательств, если действительно из шелка. А тут столько позарез необходимого материала сразу! Значит, идут они все лесом, эти бабы, тем более что все равно Лизе ни одна и в подметки не годится.

В силу чего купец был принят очень тепло, напоен кофеом, угощен пирожными и вообще всячески обласкан. Чего он, судя по его несколько ошарашенной физиономии, явно не ожидал.

– Так, значит, ты с Китаем торгуешь? – уточнил Новицкий. Он уже знал, что Кяхта – это пограничный городок, через который идет торговля с восточным соседом.

– Помаленьку, государь, – поклонился купец, – али тебе чего надо оттуда? Ежели так, то доставим со всем старанием, и обойдется это тебе дешевле, чем у любого прочего.

– Да, Сергей Порфирьевич, шелк мне понадобится, это мы с тобой еще обсудим. Однако сейчас у меня несколько иные планы, более обширные. Задумал я ввести для купечества особое звание – «поставщик двора его императорского величества». Со специальным гербом, изображение которого те купцы смогут на товары свои наносить, даже если они продаются не моему величеству. Думаю, что звание это будет приравнено к личному дворянству. Однако кому попало его, понятное дело, присваивать невместно. Сначала должен купец доказать, что на качество его товаров никаких нареканий быть не может. Потому как если в меду, например, какие-нибудь тараканы найдутся, а ткани будут лежалые или рваные, то какой же это поставщик двора? В лучшем случае арестант, а то и вовсе покойник. А вот особо низких цен требовать я не стану. Почему бы и не переплатить маленько, ежели товар того стоит? Так что подумай, уважаемый, не хочется ли тебе стать первым кандидатом на сие почетное звание с гербом.

Купец даже не сразу ответил – видимо, все еще пытался поглубже вникнуть в открывшиеся перед ним сияющие перспективы. Но вскоре очнулся и заверил царя:

– Хочется, государь, горы я готов свернуть, дабы доверие твое оправдать.

– Тогда, значит, на днях пришлю я тебе курьера со списком, что мне скоро понадобится и в какие сроки. Цены сам поставишь, только сильно не наглей, ладно?

– Государь, да разве же я...

– Верю, но сказать-то все равно надо было, согласен? Ну, а коли с делами мы закончили, то давай просто так поговорим. Сложное, наверное, дело – с таким обширным хозяйством, как у тебя, управляться? И неужели ты сам все в голове держишь и во все вникаешь, вплоть до мелочей? На это ведь и двадцати четырех часов в сутки мало будет.

– Разумеется, государь, не все я сам делаю, – приосанился Иконников, – для того у меня приказчики есть. И весь день за мной неотлучно ходит специально для того человек выделенный, и ему в помощь еще два имеются. Память у него хорошая, а кроме нее и тетрадка с карандашом при нем. Так вот, слушает он, что я кому говорю, запоминает али записывает, а вечером мне краткий доклад делает, что я поручил, кому и в какие сроки. Бумажки он потом в специальные деревянные корытца раскладывает по числам и алфавиту. И время от времени говорит мне – мол, Сергей Порфирьевич, поручил ты тому-то то-то еще два дня назад, а он, собака, до сих пор не чешется, небось указание-то хозяйское мимо ушей пропустил.

– Хорошая система, – оценил император, – а не возьмешься и мне устроить такую же? Ежели сможешь, то будем считать, что половину пути до поставщика двора ты уже прошел. Даже, пожалуй, две трети, коли у меня никаких нареканий не появится.

В этот день оставалось провести еще одну аудиенцию, посвященную делам военным, и прочитать доклад на ту же тему. Перед ужином был приглашен капитан Павшин, а после него должен явиться курьер с бумагами от Миниха – Новицкий не любил читать на голодный желудок. Личная же встреча с разгребаящим завалы неотложных дел в военной коллегии генерал-фельдмаршалом намечалась послезавтра, в пятницу.

– Помнишь ведь, Тихон Петрович, нашу с тобой первую беседу, – начал Новицкий сразу после приветствия бравого преображенца. – Говорили мы с тобой о третьем гвардейском полке, и вот сейчас, по моему разумению, настал час перейти от слов к делам. Но сначала о том, для чего я этот полк вообще задумал и какие задачи ему предстоит выполнять. Итак, само название «лейб-гвардия» подразумевает, что главной ее задачей является защита императорского величества. Но ведь защищать можно по-разному. Первые полки, Преображенский и Семеновский, всегда были при императоре на поле боя. Ныне Семеновский несет караул при моей особе, Преображенский же пока остается в резерве на случай войны.

При этих словах правая половина лица капитана, которую император наблюдал в зеркале, выразила глубокое удовлетворение. Потому что ее владельцу явно не хотелось воевать черт знает где, вдали как от столицы, так и от императора. Павшин успел узнать его настолько хорошо, что был уверен: уж этот-то с саблей наголо впереди войск скакать не станет. Левая же половина физиономии Тихона Петровича не выражала ничего, кроме почтительного внимания.

– Однако функции защиты одними караулами не ограничиваются, – продолжил молодой царь. – Очень часто бывает нужно и работать на опережение. Ибо ждать, пока враг внутренний нападет, не есть лучший выход. Предпочтительнее обезвредить его еще до того, как он начнет свои гнусные действия.

То есть Новицкий хотел создать что-то вроде внутренних войск. Понятное дело, что ни один толковый боевой офицер от предложения возглавить такую часть в восторг не придет, а вот для Павшина оно будет в самый раз. Ну, а полнейшую верность своему сюзерену он обеспечит сам. Кажется, уже начал понимать, каким именно образом, но все равно уточнить, конечно, необходимо.

– Император, как тебе наверняка известно из официальных бумаг, он все милостивейший. И вообще добрейшей души человек, это я уже от себя добавляю. Да, но тогда вешать-то смутьянов кто будет? Целые города усмирять, если понадобится? Помещиков, кои в своих имениях себя царями чувствуют и на мое величество клали с прибором, кто станет в чувство приводить? Вот ты всем этим и займешься, господин пока еще капитан. Впрочем, до майора тебе всего ничего, это я уже вижу. А там, глядишь, и повыше чины пойдут. Но немного погодя, уже после того, как твоим именем начнут детей пугать. Как тебе такая перспектива?

Теперь обе половины капитанского лица выразили напряженную работу мысли. Глядя на нее, император решил полностью назвать вещи своими именами:

– Врагов у тебя, конечно, появится много. Но пока я жив и ты мне верен, ничего они тебе сделать не смогут! А вот если вдруг помру, то, конечно, сожрут тебя, Тихон Петрович, живьем сожрут на следующий же день. Вот в этом и есть единственный минус моего предложения. Все остальное плюсы.

– Готов положить все силы для служения вашему величеству, – решился наконец Павшин.

– Молодец, я в общем-то и не сомневался. Значит, в полку будет два батальона, один из которых надо специально учить боям в городе, штурму зданий и тому подобному. Плюс рота разведки и связи, дабы ты сам мог узнать, где какая измена замышляется, и немедленно известить меня об этом. И полурота обеспечения, в кою помимо хозяйственного взвода будет входить еще один – сам придумаешь, как его назвать. Потому как штык и намыленная веревка – это разные инструменты. Пусть солдаты делают свое дело, а специалисты из

второго взвода роты обеспечения – свое. Солдат будешь набирать из однодворцев, желательно с окраин. Офицеров – из беднейших дворян, которым никакое наследство не светит, дабы они относились к службе с должным рвением. На составление штатного расписания даю тебе две недели. Вопросы есть?

– Никак нет, ваше величество!

– Даже что такое взвод, спрашивать не будешь?

– Так ведь ясно же, что ваше величество оным образом изволит плутонг называть.

– Тогда иди. Надеюсь, что у меня не появится повода в тебе разочароваться. Ибо сильно подозреваю, что ты этого моего разочарования не переживешь, больно уж у тебя душа чувствительная.

Глава 34

Доклад Миниха состоял из двух частей. В первой Христофор Антонович описывал проект построения укрепленной линии по южным границам, коя должна была уберечь тамошнее население от регулярных крымских набегов. Оказывается, этот план был составлен недавно почившим Голицыным и даже утвержден пережившим его на несколько часов Советом, но осуществляться не начинал, ибо никто не удосужился открыть финансирования. Вторая часть фельдмаршальской бумаги была посвящена разъяснениям, почему он, Миних, считает этот план глупостью и ересью, пригодной только для облегчения разворовывания государственных денег, а к обороне державы не способной добавить ничего.

Итак, покойный Михаил Михайлович предлагал построить несколько крепостей, соединив их линиями полевых укреплений, общая длина которых будет составлять около четырехсот верст. На что Миних возражал: неприступных укреплений не бывает. Когда-нибудь эту линию все равно прорвут, и тогда случится такой набег, что мало никому не покажется. Да и вообще – сражения, бывало, и выигрывались одной обороной, хотя и редко. Войны – никогда. Денег же на эту затею предполагается потратить два миллиона! Причем он, фельдмаршал, является неплохим военным инженером и категорически заявляет, что в два миллиона тут никак не уложишься, даже если никто не сворует ни копейки, что само по себе невозможно. Зато на такие деньги можно подготовить армию, которая огнем и мечом пройдет по Крыму, сожжет там все, что горит, и уничтожит или возьмет в плен все, что шевелится. В результате чего проблема с набегам будет решена куда радикальнее, чем при постройке любых укреплений.

Вообще-то Новицкий знал, что в истории, где после смерти Петра Второго трон заняла Анна Иоанновна, осуществлялись оба эти плана. То есть строились крепости, каковой процесс сопровождался безудержным воровством, да так и не достроились. А потом Миних действительно прошелся по Крыму, причем за существенно меньшие деньги, но закрепить достигнутые успехи не смог из-за огромных небоевых потерь. Тогда от болезней гибло куда больше солдат, чем в сражениях. И теперь у Сергея появилась мысль объединить строительство с военной кампанией. Но сделать это не так, как было написано в материалах, читанных им по курсу истории России в восемнадцатом веке. Для обсуждения чего и был приглашен Христофор Антонович.

– Что думаешь о моем докладе, государь? – сразу, только войдя, взял быка за рога генерал-фельдмаршал.

– Дело ты там пишешь, но и у меня уже появились кой-какие предложения. Садись сюда, разговор коротким не будет. Карту захватил? Расстилай ее, и приступаем. Вот эта линия, как я понимаю, и есть та, вдоль которой должны строиться крепости по голицынскому плану? Да, не нравится мне это. Какой фронт сможет удержать полк – две версты? Двести полков, значит, понадобится для нормальной обороны этой линии. А если располагать силы только в крепостях, то крымцы между ними легко проскочат, они же конные. Нет, так не годится. Твоя идея лучше, но все же, по-моему, нуждается в небольших

дополнениях. Прочитал я тут про азовские походы Василия Голицына и Петра Великого и вот что понял. Все здесь упирается в снабжение. Василий Голицын свою армию нормально снабжать не сумел и потому проиграл войну даже без сражений. В первом походе Петра тут уже дело обстояло чуть получше, но Азова он все равно взять не смог. Кончились у него порох и ядра, из-за дурной воды больных в армии стало куда больше, чем здоровых, вот и пришлось снять осаду. Поэтому я считаю так. Воевать Крым, конечно, нужно. Однако начинать сию кампанию следует только тогда, когда будет полностью решен вопрос со снабжением войск. Всем: воинскими припасами, продовольствием, обмундированием, даже запасным бельем и баками для его кипячения.

– А это еще зачем?

– Против блох. Они разносят чуму, и татары это знают, так что найдут способ их подбрасывать. Значит, крепости, пожалуй, строить все же придется. Но не поперек пути противника, а вдоль нашего, по которому потом в Крым пойдет армия под твоим командованием. Да, воровать, конечно, начнут, здесь ты прав. Однако против воровства есть замечательное средство – веревка. Мне кажется, что когда воруют по-божески, то укладываются в пятнадцать процентов. И значит, надо найти человека, коему я предоставлю широчайшие полномочия вешать воров вне зависимости от их ранга. Если ему удастся снизить воровство так, что пропадет менее запланированных пятнадцати процентов, то все сэкономленное – ему в карман. Если же растащат больше, то возместит он разницу в двойном размере, а коли не сможет – пойдет в долговую яму.

– Не годится, государь, – покачал головой Миних, быстро сосчитав что-то в уме. – Положим, украдет подрядчик половину, а потом три четверти от украденного передаст тому человеку. Оба с прибылью, только ты в убытке. Причем проверяющему и делать-то ничего не придется, кроме как денежку в сундук складывать. Нет, не след соблазнять служивых людей процентами. Надо по-простому, как дед твой поступал. Вообще не допустил никакого воровства – быть тому человеку генерал-фельдмаршалом или действительным тайным советником первого класса, если он штатский. Спокойно можно такое обещать, ибо совсем без воровства никак не получится. Уложился в твои цифры – следующий чин ему без очереди или даже через один, если он изначально был не очень высоким. Не уложился, но немного, – понизить. Сильно не уложился – в солдаты. Сам проворовался – повесить на первом же суку. Вот так уже пробовал Петр Великий, и не сказать что плохо выходило. А люди те назывались императорскими комиссарами. Потом, правда, их сенатские фискалы заменили.

– Ладно, тут тебе виднее. Есть у тебя на примете кто-нибудь, кто с комиссарской ролью справится? Самому не предлагаю, армией будешь заниматься.

– Разве что Ганнибал, с коим ты уже успел побеседовать. Он и не ворует вовсе, и инженер отменный, вот только... боюсь, мягковат он для сего дела. Да и не знают его совсем, отчего и не боятся.

– Ну, это поправить недолго. Слухи там распустить, что он из людоедов, например, происходит, после крещения делом этим заниматься вроде перестал, но все равно – пока с утра кого-нибудь не повесит, ему кусок в горло не лезет. И дать в помощь кого-нибудь незаметного и лишней добротой не обремененного, чтобы, значит, Абрам Петрович только воровство вскрывал, а этот незаметный потом приговор выносил и приводил в исполнение. Хорошо, над этим я подумаю. А ты начинай соображать, где и в каком порядке крепости вдоль своего будущего пути ставить да чем и когда тамошние магазины загружать.

«Да, – подумал император после ухода фельдмаршала, – все идет к тому, что понедельник тоже придется сделать государственным днем, хоть он и постный лишь для монашествующих, а я к таким вроде не отношусь. А пока, пожалуй, надо съездить в Охотный ряд да посмотреть, как там устроился Абрам Петрович да в каком состоянии у него дела с проволокой. Может, он уже обмоточный станок изобрел?»

Явившись в свое новое владение, Сергей увидел, что Ганнибал выбрал самый

неказистый домик из всего голицынского наследства. Хоть и кирпичный, но одноэтажный и всего о пяти комнатах. Никаких станков он тоже изобретать не стал, причем сам объяснил почему.

– Ведь ежели я придумаю какое-нибудь устройство, сильно труд ускоряющее, то его все равно придется делать. И занять этим надо будет мастера, коих у тебя и так не хватает: те, что есть, как белки в колесе крутятся. Поэтому лучше сообразить, как устроить работу таким образом, дабы ее совсем ничего не умеющие осилить смогли без всяких хитрых инструментов. Посмотреть не хочешь, как оно все происходит? Мы за два дня обмотали три катушки, но дальше оно явно побыстрее пойдет.

Разумеется, император хотел, и Ганнибал проводил его за свой дом, где на небольшом пустыре и шли работы.

Отрезок проволоки пятидесяти метров длиной, то есть одна размотанная катушка, был натянут между двумя вбитыми в землю столбами. Примерно посередине метрах в трех друг от друга стояли два мужика и натягивали оказавшийся между ними отрезок проволоки до предела. А вдоль него потихоньку двигались две бабы, непрерывно передавая друг другу челнок с ниткой. Вот они приблизились к переднему мужику и остановились. Каждый из мужиков сделал по четыре шага вперед, придерживая проволоку, откуда-то сзади выползла совсем древняя бабка в сопровождении пацаненка с плоской, взяла поданную ей кисточку и начала шустро, но аккуратно обмазывать рыбьим клеем только что обмотанный участок. Четверо главных действующих лиц пока отдыхали. Бабка управилась с работой меньше чем за пять минут, мужики опять натянули проволоку, а женщины начали передавать друг другу челнок – руки так и мелькали.

– Видишь, государь? – счел нужным пояснить Ганнибал. – Каждая делает всего по два движения, причем очень простых. Взяла – передала, взяла – передала. Поначалу, бывало, путались, а сейчас работают так, что любо-дорого смотреть. Думаю, к завтрашнему вечеру обмотают они все твои катушки.

Сергей подошел к уже обмотанной части и внимательно ее осмотрел. Надо же, получается не хуже, чем на его образце! Который имел в длину всего метр, а возился с ним император полчаса.

– Где ты их нашел и сколько обещал за работу?

– Их зачем-то голицынский управляющий привез из Горенок, но он после смерти Голицына пропал, никто и не знает куда.

Ну почему же никто, хмыкнул про себя Новицкий. Я, например, прекрасно знаю. Сидит господин управляющий в моем подвале да вдохновенно про своего покойного шефа и его имущество рассказывает. Даже Федора пришлось оттуда убрать, потому как при нем управляющий колелся с такой скоростью, что за ним два Афониных кадра записывать не успевали.

– Вот, получается, они тут и маялись, никому не нужные, пока я их к делу не приспособил, – продолжал объяснения Ганнибал. – Бабка с внуком за еду работают, а этим четверым, кроме того, по пятаку на каждого обещано.

– Значит, так, – полез в карман молодой царь. – Если всю проволоку обмотают столь же аккуратно, то дашь всем шестерым по рублю. Только заранее не говори, а то вдруг на радостях портачить начнут. И распорядись, чтобы их тут где-нибудь поселили, это у меня не последняя проволока.

Задействовать еще и понедельник император решил потому, что среды и пятницы ему хватало только на дела внутренние, с иностранными же Головкин пока как-то разбирался сам. Получалось это у него вроде неплохо – если, конечно, судить по той истории, где он занимался тем же самым, но при Анне Иоанновне. Однако Новицкий решил, что в отличие от той императрицы ему и самому не помешает поглубже разобраться в хитросплетениях здешнего международного положения. Кроме того, у молодого императора уже появилась одна идея, или, если быть точным, даже полторы. Вот с ними он и хотел ознакомить своего

министра иностранных дел, для чего тот был вызван в первый же понедельник по новому расписанию.

После доклада, в котором Гавриил Иванович как истинный дипломат за двадцать минут ухитрился не сообщить ничего хоть сколько-нибудь важного, слово взял молодой царь.

— Есть в Европе государство, именуемое Пруссией, — начал он. — Правит там король Фридрих Вильгельм, а его восемнадцатилетнего сына, наследника престола, зовут Карл Фридрих. Король, кстати, деспотичен донельзя, его там все боятся до икоты, включая наследника. И значит, тот недавно со страху взял да учинил глупость. Решил сбежать в Англию. Ладно, решил бежать, так беги, но этот недоросль и на сто саженой отойти не успел, как его поймали.

— Государь, откуда ты все это знаешь? — изумился Головкин. — Мне только вчера пришло письмо из Пруссии, но без подробностей.

— А мне — чуть пораньше и с ними. Не надо на агентах и курьерах экономить, тогда и у тебя все будет хорошо.

Разумеется, тут император немного преувеличивал. Всю эту историю ему рассказали в Центре, да потом еще пришлось сдавать по ней небольшой зачет. Но зачем это знать Головкину? Пусть лучше собственную разведку организует, тогда не придется выслушивать от царя внешнеполитические новости. Да скупость свою немного поприжмет, а то ведь иногда она доходит просто до неприличия.

— Однако только этим мои сведения не ограничиваются, — заметил Новицкий, с еле видимой укоризной посмотрев на Гавриила Ивановича. — Фридрих Вильгельм, видя такие дела, очень огорчился. Я, кстати, на его месте тоже не особо радовался бы, что у меня такой бестолковый сын растет, даже сбежать толком не может. Так вот, король от огорчения кому-то уже отрубил голову, а всех остальных хоть самым краешком к оному безобразию причастных посадил. И сына своего тоже, причем с явным намерением казнить. Не факт, что это у него выйдет, он ведь завел там у себя такие порядки, что подобное можно производить только по решению суда, а тот не торопится подтвердить королевскую волю. В общем, надо написать Фридриху письмо от моего имени. В котором выразить соболезнование, еще что-нибудь, а в конце предостеречь, что казнить наследных принцев вообще-то нехорошо. И добавить, что я, конечно, ничуть не оправдываю поступка его сына, но тем не менее прошу оставить его в живых. Более того, отлично понимая огорчение отца из-за непутевости отпрыска, предлагаю отправить Карла Фридриха на перевоспитание к нам, в Россию. Обещаю, что года через три это будет совсем другой человек! Латынь забудет начисто, всю философию тоже, а вместо флейты будет играть на барабане. Физику осилит, математику, а заодно и научится за огородными растениями ухаживать. Плюс, разумеется, строевую подготовку постигнет в совершенстве, это святое.

Головкин открыл было рот, дабы спросить: откуда государь столь хорошо осведомлен о пристрастиях нынешнего короля Пруссии? Но воздержался, а немного подумав, осторожно сказал:

— Может, конечно, и получится, как ты задумал. Но все же мнится мне, государь, что Фридрих Вильгельм после получения такого твоего письма станет только настойчивей в намерении казнить своего сына.

— Да и пес с ним, — пожал плечами Новицкий, — нас в общем-то устраивают все варианты, коих, к слову, не два, а три. Король может казнить своего старшего сына, тогда вместо него в свое время сядет на трон младший, который еще бестолковее. Может поддержать в тюрьме, а потом простить. Однако надо сделать так, чтобы Карл Фридрих узнал, сколь активно я за него заступался. И наконец, совсем маловероятен, но все же возможен такой исход, при котором будущий король окажется у нас. Тоже неплохо, даже если мальчишку и не удастся полностью перевоспитать.

«Сам-то ты кто», — чуть не крикнул Головкин, но глянул на государя и осекся.

— Правильно ты промолчал, Гавриила Иванович, — кивнул император. — А то вот некоторые в свое время молчать не захотели, чем в конце концов ввергли меня в

нешуточную скорбь. Давай лучше я траурную речь про тебя потом скажу? Лет через десять или даже вовсе пятнадцать. Ты ведь мужчина еще крепкий, тебе жить да работать во славу государства Российского. В общем, пиши то письмо не откладывая, дабы я его сегодня же вечером подписать успел, а с утра гонец в путь отправился. Тянуть тут ни к чему.

Головкин кивнул, думая, что понимает молодого царя. На самом же деле император беспокоился вовсе не о том, что старший Фридрих успеет казнить младшего, – он знал, что такого не будет. Однако король мог помиловать наследника еще до получения письма, а вот это Новицкий считал не совсем желательным.

Глава 35

Потихоньку приближалась первая годовщина пребывания Сергея в прошлом. Сначала кончилось бабье лето, за ним сентябрь. В самом начале октября в Москву с каспийских берегов прибыл генерал-поручик Румянцев. Не тот, что при Екатерине Второй громил турок, а Александр Иванович, его отец. Однако Сергей решил, что воинские таланты на пустом месте не самозарождаются. Гены там работают или воспитание, но если из сына получился выдающийся полководец, то и отец его чего-то стоил в этом деле. В силу каковых соображений Александр Иванович был определен в военную коллегия помочь Миниху готовить план завоевания Крыма. Получив такое назначение, Румянцев счел нужным предупредить:

– Готов служить тебе на любом посту, государь, только... дозвожь честно сказать? Не люблю я немцев, и все тут.

– Э, генерал, – усмехнулся царь, – ты упускаешь из виду небольшую тонкость. Вот, например, бывают евреи, а бывают жида, и это очень разные люди. С немцами тоже так, просто для них еще двух отдельных слов не придумано. Я же тебя не к Остерману в подручные определяю! А Христофор Антонович – правильный немец. Вот заодно и посмотришь, что это такое. Если же по истечении двух месяцев продолжишь считать, что работать под руководством Миниха тебе трудно, то приходи, вместе подумаем, куда еще тебя можно назначить.

Перед самым началом осенней распутицы в Москву успел проскочить гонец с Урала, от Баташева. Купец, промышленник, а с недавних пор еще и дворянин извещал, что приготовил к отправке в Москву восемь пудов золота, включая и ту часть, которая по договору принадлежала ему, просто он был обязан продать ее государству по заранее назначенной фиксированной цене. Так вот, купец писал, что предлагает царю забрать ее бесплатно, а вместо денег дать ему право разрабатывать не только три месторождения, на государственной карте указанные, но и еще одно, найденное людьми купца самостоятельно. К письму прилагалась карта, где было помечено расположение этого месторождения. Новицкий сверился со своей картой в планшете – его там не было! Это что же, купец открыл какие-то россыпи, неизвестные в двадцать первом веке? Нет, вряд ли такое возможно, решил император. Небось в Центре схалтурили, нанося на карту места залегания! Правильно он им, паразитам, собирается бяку устроить. Но сама идея купца – она не очень. Всего за сто пятьдесят тысяч отдать ему место, где еще неизвестно, сколько можно нарыть, – а вдруг на миллионы?

Но тут Новицкий вспомнил, о чем они с Баташевым говорили перед самым его отъездом, да так и застыл с полуоткрытым ртом.

– Мыслю я, государь, – сказал тогда купец, – что не след мне в письмах указывать действительное количество приготовленного к отправке. Вдруг кто перехватит? Давай лучше буду я писать вдесятеро меньше, чем есть. Получишь ты письмишко про пуд золота, а сам будешь знать, что это я веду речь про десять.

– Договорились, – кивнул тогда Новицкий. Но с тех пор прошло столько всяких событий, что он только сейчас вспомнил тот разговор. Так, значит, на самом деле речь идет о восьмидесяти пудах?! Это же... Мятного, что ли, позвать? Нет, сам уже подсчитал. Почти

три миллиона рублей! Треть годового бюджета Российской империи! Да что же ему с такими деньгами делать? На паровик с генератором и прочую подготовку к запуску маяка и десятой части не понадобится.

Но уже через минуту император понял, куда он все это денет. Тут, пожалуй, может и маловато оказаться... но ничего, это же не последнее золото с Урала. Так что пора думать, как его оттуда вывезти: это же надо не меньше батальона отряжать. Может, поручить дело Павшину, как раз один батальон он уже и сформировал?

Молодой царь сам удивился тому, какие, оказывается, идиотские мысли его иногда посещают. С такой рожей, как у Тихона Петровича, и конвоировать столь значительные суммы? Нет, тут такие деньги, что поручить доставить их в Москву надо самому Миниху, а войско он пусть сам себе подбирает. Тем более что большая часть золота будет истрачена на те дела, кои сейчас курирует Христофор Антонович. Значит, вызываем его сюда, о таких суммах надо говорить с глазу на глаз. И прямо сейчас, хоть сегодня и четверг. «Но ничего, – утешил себя император, – я потом отгул возьму».

– Как я понимаю, – начал свою речь перед фельдмаршалом Сергей, – основные трудности у тебя сейчас связаны с Запорожьем. Ведь после Прутского поражения оно отошло к Турции, и ставить там крепости без войны никак не получится, а без них путь до Крыма окажется слишком длинным. Так?

– Вот я и предлагаю, государь...

– Да, в идее с чередой малых войн, после каждой из которых появляются одна-две крепости на запорожской территории, что-то есть, мы это уже обсуждали. Но тут, понимаешь, подвернулся случай решить проблему более красиво. Зачем ставить крепости, когда они уже есть и их осталось только купить? Зачем воевать, когда можно просто подкинуть атаманам золота, и они, формально оставаясь турецкими вассалами, работать начнут на нас?

– Но где же столько денег-то взять? Казна почти пуста.

– Вот по этому поводу я тебя и пригласил. Не хочешь побывать на Урале? Говорят, там красивейшие места. В общем, слушай...

В конце октября Нартов выбрал время и лично выточил ось ротора для генератора и роликовые подшипники к ней, однако тут же спросил, что это такое и для чего нужно. Так как работы по паровику шли даже с небольшим опережением графика, то Новицкий решил, что Андрея Константиновича можно потихоньку начать вводить в курс дела. Во исполнение чего ему была показана бумага с латинско-корейскими пояснительными надписями.

– Вот что я нашел в кладе, замурованном в подвале дворца светлейшим князем. Помоему, это какая-то электрическая машина.

– Можно, я сниму с чертежа копию, государь? – воодушевился Нартов.

– Разумеется, для этого я тебе сию бумагу и показал.

Латинские надписи механик перевел быстро, но они, ясное дело, мало помогли пониманию, что же именно изображено на чертеже. Но Андрей Константинович на этом не успокоился и нашел в Москве человека, утверждавшего, что понимает по-китайски. Тот повертел в руках чертеж и сказал, что явно не китайские иероглифы, даже не очень-то и похожи. Зато еще дальше на восток, за морем, есть страна Япония. Может, это оттуда?

Переводчика с японского в Москве не нашлось, и Нартов вынужден был так и оставить свое любопытство не до конца удовлетворенным. Однако не преминул сообщить царю, что лично он строить по данному чертежу машину не взялся бы. Мало того что на бумаге указано меньше половины необходимых размеров, а те, что есть, в каких-то странных единицах, так многие узлы нарисованы только в сборе, без разбивки по деталям.

– Ну, а я все-таки попробую, – усмехнулся царь. – А с непонятными размерами я уже разобрался, ведь тут есть один чертежик с масштабом один к одному. Основа этой системы – метр, вот рейка, кою я сделал, в ней как раз метр и есть. Тысячная доля метра – миллиметр. Гораздо удобнее, чем ломать голову с дюймами, вершками и саженьями, тем более что они

все разные.

В общем, в середине ноября можно было приступить к намотке. Катушки статора Новицкий поручил той же бригаде, что занималась изоляцией проволоки, потому как ничего особо сложного в этой работе не было и требовала она только аккуратности. А вот ротор император решил мотать сам.

Кроме генератора, требовались еще и конденсаторы, но с ними особых трудностей не возникло – ведь никаких ограничений по размерам или весу не налагалось. Свинец легко раскатать в фольгу вручную, что уже было сделано. В качестве изоляции использовалась тонкая воощенная бумага. Конденсатор с расчетным напряжением в два киловольта и емкостью сто микрофард имел вид средних размеров бочонка. Новицкий заложил их двадцать пять штук, но сделать удалось двадцать два. Изготовленные конденсаторы подверглись испытаниям, для чего к большой гальванической батарее был подключен повышающий преобразователь из контейнера. Заряд до тысячи восьмисот вольт выдержали двадцать, один протек, а один вообще взорвался. Но оставшегося количества должно было хватить, ведь требовалось всего восемнадцать конденсаторов, а заряжаться при пуске маяка они будут до полутора киловольт. И теперь два десятка бочонков мирно ждали своего часа в подвале Лефортовского дворца.

К некоторому удивлению Сергея, его идея насчет Карла Фридриха не вызвала у прусского короля безусловного отторжения или желания побыстрее отрубить голову своему сыну. Нет, тот пока спокойно сидел в сравнительно комфортабельной камере, а король прислал императору письмо, в котором сообщал, что несколько раз встречался с его дедом, Петром Великим, и от тех встреч у него остались самые благоприятные впечатления. И что он хотел бы лично познакомиться с внуком первого российского императора, а пока просит поподробнее рассказать, что может ожидать его сына в России.

В ответ Новицкий разразился длинным письмом, в коем расписывал свою педагогическую систему. Основывалась она на воспоминаниях о том, как его самого учили в Центре, а также на словах давно, в самом начале двухтысячных умершего деда. Подполковник в отставке любил говорить, что армия – она и не из таких дятлов людей делала.

Вскоре после Рождества и Нового года настала дата, не отметить которую император не мог. Годовщина пребывания в этом мире, или же год со дня чудесного исцеления его императорского величества Петра Второго, – разве это не праздник? Он и был устроен, но только исключительно для своих. Так как компанию предполагалось собрать весьма разношерстную, царь пошел на временную отмену своего строгого указа, и к столу было подано вино. Сам он, понятное дело, пил исключительно брусничную воду, но прочим алкоголь оказался весьма кстати. Ибо поначалу гости смотрели друг на друга с весьма сложными чувствами. За императорским столом собрались только что вернувшийся с золотым караваном Миних, Елизавета, Афанасий, Федор, мастер ножевого боя Гавриила как заместитель бабки, которая из соображений секретности на празднестве не присутствовала. И его племянница, бывшая малолетняя воровка, а ныне фрейлина цесаревны Дуся. Эта, по мнению уже успевшего неплохо ее узнать Сергея, только делала вид, что смущалась, а сама разглядывала гостей с профессиональным интересом. В общем, праздник прошел весело, под конец Миних с Гавриилой даже спели какую-то не то бурлацкую, не то разбойничью песню, а цесаревна пыталась им подпевать, хоть и не знала слов.

После праздников начались трудовые будни – Нартов приступил к сборке паровой машины, а Сергей – генератора. Глядя на то, что получается у молодого царя, Андрей Константинович, хоть и решил ничего не спрашивать до окончания работ, однажды все же не удержался:

– Вижу я, что эта машина крутиться должна. Но что она при вращении делать будет –

неужели электрическую силу вырабатывать?

– Точно не знаю, – хмыкнул император, ничуть не погрешив против истины. Потому как действительно не был до конца уверен, что его творение заработает. Вдруг оно успеет выработать только лязг, с которым развалится? Но Нартову ответил несколько иначе: – Может, и так. А может, наоборот – подашь на него электрическую силу, а оно возьмет да завертится от этого. Однако есть у меня надежда, что она будет делать и то, и то. Начнешь ее крутить – из нее полезет электрическая сила. А подключишь к батарее – она сама крутиться начнет.

Нартов в сомнении покачал головой, но говорить ничего не стал, ибо помнил, как поначалу сомневался в тех самых батареях. Оно же вон как повернулось! Может, и здесь у царя выйдет что-нибудь дельное.

Собранная паровая машина оказалось очень похожа на предыдущую, маленькую, только перевернутую и сильно увеличенную в размерах. Теперь цилиндр у нее торчал вверх, а маховик располагался снизу. Самое интересное, что она сразу заработала. Правда, продолжалось это недолго, а потом внутри что-то загремело, и из уплотнения штока поршня засвистел пар. Однако меньше чем за месяц Нартову удалось довести время, которое паровик мог работать непрерывно, до суток. По прикидкам Сергея, машина развивала мощность около десяти киловатт при трехстах оборотах в минуту.

А вот генератор такими успехами похвастаться не мог. Он ведь крутился на двух тысячах оборотов и, сколько его ни центровали, все равно тряся, как припадочный. Более того, сразу выяснилось, что расчетных четырех киловатт он не выдает, так что обороты пришлось повысить до двух с половиной тысяч. Тряска еще усилилась, подшипники Нартова теперь выходили из строя через полчаса, но он обещал улучшить их смазку, что вроде должно помочь. Но зато устройство наконец-то выдало положенные четыре киловатта, а при запуске маяка работать ему минут пятнадцать, так что Сергей счел генератор пригодным к использованию даже в таком виде. Теперь оставалось только показать Андрею Константиновичу, что может делать эта машина, а к монтажу силового контура приступать весной, когда растает снег.

Впрочем, Нартов сам, предварительно спросив разрешения у царя, подключил свою очередную батарею к генератору. Естественно, ее мощности хватило только на то, чтобы генератор слегка дернулся, и все. Однако механику этого оказалось достаточно.

– Государь, ты видел? – возбужденно закричал он. – Электрическая машина чуть не закрутилась! Вот только батарея моя оказалась слишком слабой. Надо делать больше.

Потом подумал и закончил с заметно уменьшившимся энтузиазмом:

– Так, пожалуй, паровая-то машина меньше той батареи получится, да и дешевле.

– Посмотрим, – улыбнулся Новицкий, – пока подключай шкив да вели разводите пары, я тебе кое-что покажу.

Собранный молодым царем генератор имел параллельное возбуждение, то есть его характеристика без всяких доделок была вполне пригодна для сварки. А варить его в Центре учили, причем и самодельными электродами тоже. Преподаватель, сварщик шестого разряда, даже показал работу не электродом, а простым гвоздем, и у него получилось весьма неплохо. У Новицкого – несколько хуже, однако случалось и так, что сваренные им пластины не сразу отваливались друг от друга. Вот, значит, Сергей и решил показать Нартову электросварку. Сначала ничем не обмазанным прутком, потом якобы догадаться покрыть этот пруток мелом с казеиновым клеем, а там, глядишь, дело и до нормальных обмазок дойдет, ведь рутин – довольно распространенный минерал, его просто надо найти.

К удивлению императора, сварка даже ничем не покрытым электродом получилась у него неплохо. Нартов же был поражен. Он уже не раз видел, как от коснувшихся друг друга проводов батареи летели маленькие искорки, а тут... да оно же сверкало ярче солнца! И плавил железо даже легче, чем паяльник олово. Это какая же мощность получается у царской крутки – в сотни, а то и в тысячи раз больше, чем у батарей, с которыми до сих пор работал Нартов. Вот такой силищи, пожалуй, хватит, чтобы раскрутить вторую

электрическую машину не хуже, чем паровик.

Тут Андрей Константинович аж задохнулся от развернувшихся перед ним перспектив. Это получается, что одна машина будет вырабатывать электрическую силу, а вторая, сколь угодно отдаленная от первой, лишь бы провода дотянулись, начнет вертеться и совершать работу? Да это же можно каждый станок снабдить такой, ничего особо хитрого там нет! И обойтись без валов с приводами, да и ставить те станки можно будет как угодно. А император небось и сам еще не понимает, какое великое дело он сделал, основываясь всего лишь на неполных чертежах да невразумительных надписях.

Мысли царя действительно были далеки от всеобщей электрификации. Все, думал он, осталось хоть и самое главное, но далеко не самое сложное – собрать установку и запустить ее. Потом же можно будет делать что хочешь – хоть государственным делами заниматься, хоть просто валяться на солнышке кверху пузом.

Хотя, конечно, в глубине души император понимал, что после запуска маяка на самом деле изменится очень немногое. Разве что государственным делами придется заниматься не три дня в неделю, а шесть, если не все семь.

Глава 36

Как-то незаметно наступил месяц май...

«Итак, – подумал Новицкий одним прекрасным утром, – вот и наступает решительный момент. Зря, что ли, в свое время Шекспир устами Гамлета интересовался: быть, значит, или не быть? Или кто-то другой, не то Толстой, не то Тургенев: тварь я дрожащая или что-то умею? Передо мной тоже как-то раз встал похожий вопрос, и сейчас выяснится, готов ли я к ответу на него».

Сергей привстал и еще раз осмотрел площадку, на которой прямо под открытым небом располагалась его наконец-то собранная установка.

Восемнадцать бочонков-конденсаторов, расставленных довольно широко и метрах в пятнадцати в стороне, чтобы возможный взрыв любого из них не повредил ни аппаратуры, ни соседей. Потому что если из строя выйдут сразу два, это будет очень большая неприятность, а три – катастрофа. На каждом – рубильник с пружиной, от него веревка к спусковому механизму, больше всего похожему на взведенный арбалет. С местом оператора, где сейчас сидит Новицкий, этот «арбалет» соединен двумя шнурами – для надежности.

Посредине площадки лежит пятиугольник силового контура с обмоткой, от нее на шестах идут толстые медные шины к батарее конденсаторов. В центре силового контура, но выше его плоскости сантиметров на двадцать – управляющий, он тоже пятиугольный, но смотрится тут довольно чужеродно, потому как пластиковый, имеет светодиодную индикацию и вообще изготовлен в двадцать первом веке. Позади всего этого – место оператора, то есть стул, столик и лежащие на нем планшет с контроллером.

Справа – преобразователь напряжения, от него тянутся толстые изолированные провода к генератору и совсем тонкие – к каждой паре конденсаторов. Все это хозяйство висит на столбиках, которые вроде должны обеспечить необходимую изоляцию, потому как надеяться только на нитки нельзя.

Самое интересное, подумал Сергей, состоит вот в чем. Увидь эту картину Саломатин – он был бы в полном восторге. Правда, при очень внимательном рассмотрении гад мог бы заметить тонкий оструганный и ошкуренный прутик высотой примерно в метр, торчащий из земли рядом с внешней границей силового контура. Такой детали в плане установки не содержалось, но, с другой стороны, она вроде и повлиять ни на что не могла.

И вот когда этот хмырь спросил бы, зачем здесь эта деревяшка и что означают нарисованные карандашом буквы «П», «А» и «Д» на ней, он услышал бы ответ:

– Это всего лишь очень грубый измеритель. Первая буква означает «питекантропы», вторая – «австралопитеки», а третья – «динозавры». Понял? Чувствую, что нет. Но ничего, скоро поймешь, а пока не мешай...

Сергей помотал головой, отгоняя сладостное видение. Рано еще радоваться, хотя, кажется, давление в котле уже поднялось и с минуты на минуту машинист будет пускать пар.

Вот со скрипом сделал первый оборот генератор, а потом пошел крутиться все быстрее и быстрее. Один из планшетов сейчас отображал показания приборов и датчиков, и молодой человек с волнением смотрел на экран, одновременно прислушиваясь к шуму генератора. Ибо паровик – вещь дубовая, ломаться там нечему, это уже проверено. А вот про генератор такого никак не скажешь, больно уж на высоких по здешним меркам оборотах он вынужден крутиться.

Так, обороты достигли двух с половиной тысяч, напряжение перевалило за семьдесят вольт, и пора запускать преобразователь напряжения. Перекидываем тумблер... есть! Преобразователь тихонько запищал на пределе слышимости, а в углу экрана начали быстро сменять друг друга цифры, показывающие напряжение на конденсаторах. Минута... другая... пока вроде все идет нормально.

На исходе шестой минуты заряд на каждом конденсаторе достиг полутора киловольт, что означало – энергия накоплена, пора пускать ток через катушки силового контура. Рывок рубильника – и напряжение на выходе генератора проседает до сорока двух вольт, а ток при этом чуть-чуть недотягивает до ста ампер. Теперь – малый контур.

Сергей вдруг заметил, что у него, кажется, немного дрожат руки. Заметит управляющая программа, что три сигнала из шести на самом деле подменены, или пропустит? Черт ее знает, какие там зашиты, способы контроля, – в такие тонкости курсанта номер семь не посвящали. Так, пискнула и зажгла зеленый огонек – ах ты, моя прелесть! Будь эта программа материальной, так и поцеловал бы ее во что-нибудь. Считает, родимая, что все идет нормально, и рекомендует приступить к поочередному разряду конденсаторов. Еще чуть-чуть, и все!

Штатно сработавший маяк дал бы аппаратуре, оставшейся в двадцать первом веке уже другого мира, привязку, по которой она смогла бы настроиться на самое ближайшее по отношению к ней прошлое, что и являлось задачей, для выполнения которой Новицкого снабдили всем необходимым и закинули в прошлое. О том, что запуск маяка прошел успешно, Сергею сообщил бы подключенный к контроллеру планшет, но главный признак он должен был увидеть сам. В центре силового контура, то есть там, где стоит управляющий, при штатном срабатывании маяка возникнет зона фиолетового сияния, направленная вниз. И если она будет не меньше трех сантиметров в длину, то задачу можно считать выполненной.

Но после изменений, внесенных Сергеем в схему подключения управляющего контура, сигнал сместит настройку аппаратуры Центра не вперед по оси времени, а назад. И фиолетовое сияние окажется направленным вверх, а высота, до которой оно поднимется, покажет, как сильно в прошлое окажется отброшенной привязка. Для хоть какого-то измерения ее и предназначался шест с буквами.

Около двадцати сантиметров – это пятьдесят тысяч лет назад, когда по Земле еще бродили питекантропы. Чтобы выбраться оттуда, даже в самом лучшем случае Центру придется последовательно организовать не меньше десяти маяков. А учитывая, сколько времени на подготовку требует хотя бы один заброс и каких денег он стоит, вернуться в интересующий его интервал времен Центру будет очень непросто. Это, так сказать, программа-минимум.

Однако более вероятным был иной результат, при котором свечение поднялось бы сантиметров на семьдесят. Это означало миллион лет плюс-минус сотня тысяч в любую сторону. И уж от австралопитеков выбираться придется очень долго, тут десятью забросами не обойдешься, потребуется несколько сотен.

Наконец, имелась хоть и небольшая, но отличная от нуля вероятность идеального срабатывания аппаратуры. Тогда сдвиг произойдет на десятки миллионов лет, и Центру, если его вдруг почему-то не разгонят, останется только снимать документальные фильмы про динозавров. Если свечение поднимется до вершины шеста, то так оно и будет.

Итак, решающий момент. Неизвестно с чего Сергей вдруг вспомнил владыку Феофана, наскоро перекрестился, буркнул: «Господи, благослови», – и дернул за шнур спускового устройства. Его «стрела» пришла в движение, но не так быстро, как у нормального арбалета. Продвигаясь по ложу, она одну за одной дергала веревки, идущие к рубильникам конденсаторов, из-за чего те последовательно разряжались через обмотки силового контура.

На пробных запусках этого механизма Сергей не мог разглядеть в деталях, как он работает, и потом восстанавливал картину по включенному в режим скоростной кинокамеры планшету, ведь все восемнадцать подключений укладывались в полсекунды. Но сейчас молодой император мог поклясться, что видит каждое из них! Девятое... десятое... одиннадцатое... блин!!!

То ли Сергею показалось, то ли действительно двенадцатый контакт сработал чуть позже, чем положено. Но процесс продолжался, вот дернулся последний контакт, и тут...

Вообще-то Новицкого предупреждали, что штатное срабатывание маяка может вызвать негромкий, но резкий хлопок, и этого не надо пугаться. Ох, и ни хрена же себе – негромкий! Император ошарашенно мотал головой и пытался понять: он что, совсем оглох или еще не совсем? И что тут так сверкнуло – опять, что ли, конденсатор взорвался? Но тут молодой человек вспомнил про генератор, который последние секунды работал с каким-то скрежетом, и заорал машинисту:

– Глуши паровик!

Свой голос он услышал, а за ним, хоть и как-то слабо, донесся свист стравливаемого пара, так что, кажется, последствия удара по барабанным перепонкам оказались не столь фатальными. Да, но что с маяком: неужели запуск не прошел из-за несвоевременно подключившегося конденсатора, и придется опять все повторять? Хотя конденсаторы вроде все целы.

Сергей глянул на первый планшет, подключенный к контроллеру. Весь экран занимала яркая оранжевая надпись: «Поздравляем с успешным запуском маяка! Мы не зря на тебя надеялись, Сергей. Теперь ты можешь жить с сознанием, что выполнил свой долг».

Новицкий смотрел на буквы в полном недоумении. Это он что же, как-то ухитрился произвести штатный пуск? Да нет, просто дура-программа получила перевранные сигналы и считает, что все нормально, облегченно сообразил он. Уф, так ведь и до инфаркта недалеко! Но что так грохнуло и до какой отметки дошло фиолетовое свечение, если оно вообще было?

В качестве кинокамеры сейчас работал второй планшет, и Новицкий, отмотав запись назад, быстро нашел нужные кадры. И замер, пораженный. Говорите, свечение? Из контура поднимался ярчайший фиолетовый столб. И уходил за край экрана, а казавшийся совсем маленьким прутик со своими делениями еле виднелся внизу. Император прикинул масштаб – только до обреза экрана метра три с половиной. Значит, получилось, и еще как!

Сергей чувствовал, что помимо воли его лицо расплывается в идиотской улыбке. Какие там динозавры, австралопитеки, а уж тем более питекантропы! Чему такие мерзавцы, как вы, их научат? Нормальным людям потом за предков стыдно будет. А сотни миллионов, если не миллиарды, лет не хотите? На образование Земли посмотрите, небось очень интересное зрелище. Правда, вряд ли удастся найти добровольцев для экспедиции туда, вот ведь незадача. Но, может, я вам сдвинул привязку всего на полмиллиарда или даже чуть меньше лет назад, тогда все получается просто замечательно. Силурийский период – это же прекрасно! Папоротники там всякие, опять же трилобиты бегают. Они хоть и похожи на мокриц, но в панцире и размером с собаку. Климат везде великолепный, как сейчас на Канарах. Живи не хочешь!

А ведь вполне возможно, что кое-кому и придется там пожить, сообразил Сергей. Потому как Саломатин, ясное дело, сразу поймет, какую свинью им подложил курсант номер семь. Но техники – вряд ли, а уж начальство тем более. Можно будет сказать ему, что маяк зафиксирован, требуется небольшая подстройка чего-нибудь, а самому потихоньку собрать вещички и свалить. Потому как в столь далеко отстоящие времена даже импульс на десятую часть мощности сможет перекинуть несколько тонн, а у старика Якова появится шанс при

переносе сохранить мозги в относительной целости. Ибо он не дурак и должен понимать, что за такой провал с него живьем спустят шкуру и прятаться бессмысленно: все равно поймают. А вот если сбежать туда, куда ему открыл дорогу Новицкий, то мало того что там его никто не достанет – даже и наблюдать не смогут. Ведь с момента переноса в точке финиша образуется новый мир, отличный от имевшегося раньше прошлого, и аппаратура Центра его при всем желании не увидит. Тем более что настроить ее без Саломатина будет совсем непросто. Или вовсе невозможно – дядя Виталий как-то раз сказал, что, кроме него, в хроноимпульсной теории нормально разбирается только один человек. Но он, к сожалению, большая сволочь. Так что хрен вам, господа, а не тотальное подглядывание, от которого никто не сможет скрыться. «Хоть мне в тот мир никогда уже не попасть, но людей-то все равно было жалко, – думал Новицкий. – А теперь им, по крайней мере в ближайшее время, ничего такого не грозит. Ну, а гадский старик... беги, Яков Николаевич, беги, в столь далеком прошлом тебя никто не сожрет. Да не забудь захватить с собой все необходимое, а то ведь там не восемнадцатый век, на месте ничего не достанешь. И сиди ты там посреди развесистых папоротников да вспоминай грехи свои – если, конечно, при переходе тебе не сожжет мозги напрочь. А притомись вспоминать – любуйся на трилобитов и соображай, почему их так называли. Потому, что у каждого из них по три лба, или по какой-либо иной причине?»

Эпилог

Острова, островки, протоки... Только на горизонте виднелся более или менее приличный кусок суши, покрытый невысокими холмами. В общем, пейзаж наводил уныние. Растительный мир тоже не поражал разнообразием – он не содержал ничего, кроме хвощей и папоротников, да и то росли они довольно редко. Правда, некоторые достигали высоты нескольких метров. Животных же в поле зрения не было вовсе.

Островок походил на десятки, а то и сотни своих собратьев. Метров тридцать в длину, двадцать в ширину, с одного края заросль мелких хвощей, с другого – два здоровенных раскидистых папоротника. Однако имелось и весьма существенное отличие – посредине острова валялся грубо сколоченный фанерный ящик размерами примерно полтора на полтора на два метра. А перед ним на четвереньках стоял человек. Он тупо мотал головой и пытался сообразить: кто он такой? Куда его занесло? Почему так болит башка, трудно дышать и что, черт побери, вообще происходит?

«Да что же у меня с головой, – пробормотал человек, пытаюсь подняться. – Имя свое чуть не забыл! Ну да, меня зовут Яков Саломатин. Вчера мы с ребятами здорово поддали по случаю защиты дипломов, все-таки почти с отличием закончить физфак МГУ не шутка. Это, значит, похмелье такое? Но... стоп». Он же помнит, что после МГУ попал по распределению в Институт космических исследований и даже, кажется, защитил там кандидатскую диссертацию как раз перед обстрелом Белого дома. Или только собирался защитить?

Воспоминания были какими-то странными – как будто он вспоминал не жизнь, а сон. И заканчивались они той самой диссертацией, которую то ли удалось защитить, то ли нет. Саломатин попытался вспомнить еще хоть что-то, и перед его мысленным взором встала поразительная по своей ясности картина. Он сидит за столом, напротив – какой-то совсем молодой парень. Совершенно незнакомый. Смотрит на него, Якова, преданным взглядом и горячо говорит:

– Да, Яков Николаевич. Конечно. Я приложу все силы, чтобы как можно быстрее выполнить задание. Можете на меня положиться. Я никогда не забуду, сколько вы для меня сделали.

И все. Сколько Саломатин ни рылся в своей памяти, ничего позднее защиты диплома там больше не обнаружилось. Так, а это еще что?

На светлом песке лежал большой конверт с крупной надписью: «Якову Николаевичу Саломатину». А под ней чуть мельче: «От него же».

Дрожащими руками Яков вскрыл конверт и впился глазами в буквы. Письмо начиналось со слов: «Итак, если после переноса ты еще помнишь свое имя и не разучился читать, то дела наши с тобой не так плохи, как могли быть. Но и не столь хороши, как хотелось бы. Короче говоря, произошло вот что...»

Человек прочел письмо до конца. Не поверил, перечел еще раз. Огляделся вокруг и понял, что все написанное – правда.

Так и не поднявшись на ноги, он завыл и начал биться головой о сучковатую фанеру ящика.